

Предисловіе автора. Предлагаемая здесь не только специалистам-историкам, но и публике монография о князе Г.А. Потемкине появилась в 1887 г. в журнале "Новь" (т. XIII до XVIII). К ней в настоящее время сделаны некоторые дополнения на основании данных, появившихся с тех пор в исторической литературе. Ограничиваясь очерком жизни и деятельности князя в рамках небольшого тома, я представляю другим, посвятить этому предмету многотомное сочинение, за издание которого я взяться не мог и не хотел.

А. Брикнер.

Йена,
5 октября 1891 г.
Сто лет после
кончины Потемкина

ЯКОВУ КАРЛОВИЧУ ГРОТУ
ПОСВЯЩАЕТ ЭТОТ ТРУД АВТОР.

С.-Петербург.
Издание К.Л. РИККЕРА.
Невский проспект, 14.
1891.

Содержание

- Введение
- I. Молодость Потемкина
- II. Потемкин в 1774—1776 гг.
- III. Отношения Екатерины к Потемкину (1776—1786 гг.)
- IV. Деятельность Потемкина до 1786 г.
- V. Путешествие Екатерины (1787 г.)
- VI. Начало войны
- VII. Очаков
- VIII. События 1789 и 1790 годов
- IX. Пребывание Потемкина в Петербурге в 1791 г.
- X. Кончина Потемкина
- XI. Оценка личности Потемкина

Введение.

Издавая стихотворение Державина «Водопад», Я.К. Грот заметил: «Справедливая оценка Потемкина в настоящее время еще не возможна. Едва ли правы те, которые считают его за честолюбца, все приносившего в жертву своим личным видам. Безусловное к нему доверие императрицы в продолжение стольких лет заставляет предполагать в нем необыкновенный государственный ум и истинные заслуги» 1. С тех пор, как было сделано это замечание нашим знаменитым знатоком новой истории России, прошло более двух десятилетий. В продолжение этого времени было издано столько данных для истории царствования императрицы Екатерины II вообще и жизни и деятельности замечательнейшего из ее фаворитов в особенности, что в настоящее время нельзя уже более отрицать возможности справедливой оценки Потемкина. Осторожные и неопределенные выражения маститого издателя трудов Державина о способностях и заслугах Потемкина вполне подтверждаются множеством исторических материалов, опубликованных в последнее время, но еще не вполне разработанных специалистами. Укажем вкратце на историю литературы о Потемкине.

В Германии раньше чем в России были сделаны некоторые попытки составления очерков жизни и деятельности [2] Потемкина. Скоро после его кончины появились анонимные труды: «Anekdoten zur Lebensgeschichte des Reichsfürsten Potemkin. Nebst einer kurzen Beschreibung der ehemaligen Krimm» (Freistadt am Rhein, 1792) и «Privatleben des berühmten Russisch-Kaiserl. Feldmarschalls Fürsten von Potemkin Tawritscheskoj. Herausgegeben von S**» (Leipzig und Gratz, 1793). Эти книжки, скудные содержанием, представляют собою сборники анекдотов; в них отчасти есть и полемический тон; на каждом шагу встречаются несообразности и неточности. В 1794 году появилось беллетристическое произведение «Pansalvin, Furst der Finsterniss und seine Geliebte, so gut wie geschehen» (Germanien, 1794). Это — роман-памфлет, направленный против любимца Екатерины. Автором его считают некоего доктора Альбрехта 2. Как передают, императрица не без удовольствия читала этот труд, в котором ее личность, под именем героини романа «Миранды», была выставлена в довольно выгодном свете 3.

Гораздо большее значение имела биография Потемкина, помещенная в журнале «Minerva», издававшемся в конце XVIII века в Гамбурге известным историком и публицистом Архенгольцом. Автором этого труда, обнимающего более 600 небольших страниц и появившегося в пятнадцати книжках этого журнала (от 1797 до 1800 гг.), был саксонский дипломат. Гельбиг, которому не без основания приписывают и другие сочинения по истории России в XVIII столетии, а именно сборник анекдотов под заглавием: «Russische Gunstlinge» и биографию Петра III в двух томах, изданную в Тюбингене в 1809 году. Гельбиг находился в России в конце царствования Екатерины II. Не говоря уже о других причинах, заставляющих нас считать его автором биографии Потемкина, необходимо указать [3] на то обстоятельство, что многие обороты и отзывы в печатном труде дословно соответствуют разным местам в донесениях этого дипломата, хранящихся в дрезденском государственном архиве 4. Недаром Гельбиг называет свой труд сборником анекдотов. Множество данных, встречающихся в нем, выходят из рамки биографии Потемкина и скорее относятся к царствованию Екатерины вообще. Автор далеко не беспристрастен. Он сильно предубежден против императрицы и ее друга и сотрудника. Не без основания Екатерина ненавидела Гельбига и подумывала о довольно бесцеремонном удалении его из России. Так как главным источником при составлении сочинения Гельбига служили сплетни в среде иностранных дипломатов, то нужно пользоваться этим трудом с крайнею осторожностью. Местами встречаются фактические неточности и промахи. Тон раздражения, в котором говорится о Потемкине, придает этим статьям Гельбига характер памфлета или, по крайней мере, скорее публицистического, нежели серьезно-исторического труда.

В несколько сокращенном виде журнальные статьи Гельбига о Потемкине появились в 1804 году особою книжкою: «Potemkin. Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharina's der Zweiten». В 1808 году в Париже была издана французская редакция этого труда под заглавием: «Vie du prince Potemkin. Redigee par un officier française d'après les meilleurs ouvrages allemands et française, qui ont paru sur la Russie a cette époque» 5. Воспроизведение этой книги на английском языке появилось в двух изданиях под заглавием: «Memoirs of the life of Prince Potemkine. Comprehending original anecdotes [4] of Catherine II and of the russian court. Translated from the German». London, 1812 и 1813. Мало того: первое сочинение о Потемкине, появившееся на русском языке, «Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического» (С.-Петербург, 1811 г., два тома) было просто переводом французского издания труда Гельбига, хотя нигде в книге не имеется на этот счет ни малейших указаний. Недаром граф Самойлов, племянник Потемкина, в крайнем раздражении, удивлялся, в 1812 году, воспроизведению на русский язык иностранных сочинений о Потемкине 6.

Совершенно противоположным направлением отличается сочинение графа А.Н. Самойлова «Жизнь и деятельность генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического».

Племянник знаменитого временщика говорит о нем не иначе, как в тоне панегирика. Самойлов писал между 1812 и 1814 годами 7. Его труд, однако, был напечатан лишь в 1867 году в «Русском Архиве». Несмотря на односторонность отзывов, суждений и выбора фактов, это сочинение может служить очень важным пособием при изучении жизни и деятельности Потемкина.

Очерки биографии Потемкина, помещенные в изданиях Бантыш-Каменского «Словарь достопамятных людей» и «Биографии русских генералиссимусов», не имеют особенного значения, так как они писаны в официальном тоне. Не без основания новейший биограф Потемкина, М. Семевский, называет эти труды «формулярными списками, подцвеченными риторикой» 8. Далеко важнее биография Потемкина, [5] составленная Надеждиным и помещенная в «Одесском Альманахе» на 1839 год.

Труд М. Семевского «Князь Г. А. Потемкин-Таврический», помещенный в XII—XIV томах «Русской Старины», заслуживает полного внимания исследователей, занимающихся этим предметом. Значение монографии определено автором в следующих выражениях: «Не задаемся мыслию составления биографии Потемкина, но, приступая к печатанию значительного собрания разнообразных документов, до него относящихся, признаем необходимым представить эти материалы в рамке из фактов его жизни, с указанием, по мере возможности и надобности, на противоречия и некоторые погрешности биографов». Превосходство труда г. Семевского заключается, главным образом, в сообщении новых данных, ярко освещающих жизнь и характер Потемкина. Так напр. особенно важно сообщение писем князя к Варваре Энгельгардт, к Прасковье Андреевне Закревской и т. п. За то, при разработке этого нового материала недостаточно было обращено внимания на печатную литературу, на различные издания, в которых встречаются данные о Потемкине.

В 1888 г. появилось сочинение о Потемкине под заглавием: «S. Jean, Lebensbeschreibung des Fursten Gregor Alexandrowitsch Potemkin des Tauriers als Beitrag zu der Lebensgeschichte der Kaiserin Katbarina II. Nach dem noch un-gedruckten Ms. des Verf. frei aus dem Franz, ubersetzt von einem seiner Zeitgenossen. Herausg. von F. Rothmel. Karlsruhe 1888». В «Deutsche Literaturzeitung» в начале 1889 г. мы высказались об этом сочинении, которое должно считаться подлогом. О секретаре князя, С. Жане, пока ничего неизвестно. К тому же множество промахов и недоразумений, встречающихся в этой книге, подтверждает предположение, что это сочинение скорее компиляция позднейшего времени, чем результат наблюдения человека, близкого Потемкину. Довольно того, что тут рассказано об отравлении князя императрицею, о его намерении занять русский [6] престол, о его плане сделаться герцогом Лифляндским, о том, что будто при Екатерине случаи жестоких казней происходили чуть ли не ежедневно и пр. Значит, тут ничто иное, как неумелая мистификация.

И до появления в свет труда Семевского, и после этого, особенно же в продолжение последнего десятилетия, было издано множество материалов для истории царствования Екатерины, где роль князя Потемкина занимает столь видное место. Самым важным вопросом должно считать отношение императрицы к Потемкину. Благодаря изданию бумаг Екатерины, хранящихся в государственном архиве министерства иностранных дел 9, мы имеем возможность составить себе точное понятие о том месте, которое занимал Потемкин в отношении императрицы. Далее, были опубликованы депеши и донесения иностранных дипломатов, в которых очень часто и иногда очень подробно говорится о Потемкине. О нем же идет постоянно речь в письмах и записках современников; на каждом шагу, при чтении общедоступных исторических изданий («Русского Архива», «Русской Старины», «Древней и новой России», «Архива князя Воронцова» и пр.), мы встречаем следы деятельности светлейшего князя, письма, в которых о нем говорится более или менее подробно, анекдоты, имеющие источником устное предание и т. п.

От С.Н. Шубинского мы получили в копиях до-вольно значительное число писем разных лиц к Потемкину, а также и писем Попова к Безбородке о князе. Разработка этого отчасти очень интересного материала в частностях может воспоследовать лишь после издания этих писем, что обойдется не без затруднений, так как на многих письмах нет числа. Мы однако позволим себе воспользоваться для нашего труда некоторыми, впрочем немногими выдержками из этих писем и при этом считаем приятным долгом выразить С.Н. Шубинскому искреннюю [7] благодарность за сообщение для просмотра этих рукописных данных, которые при более подробном изложении жизни Потемкина, как можно надеяться, отчасти окажутся достойными служить материалом при изучении частной жизни князя, истории его отношения к фаворитам, разным сановникам, лицам военного ведомства и пр.

Что касается административной деятельности Потемкина, то она отчасти стала известною чрез публикацию многих писем и деловых бумаг Потемкина и его сотрудников в различных изданиях, напр., в «Записках Одесского Общества Истории и Древностей», в «Сборнике Императорского Исторического Общества» и т. п. Правда, большая часть деловых бумаг, сюда относящихся, еще не издана. Так, напр., почти все архивные материалы, хранившиеся в Решетиловке, имении наследников начальника Потемкинской канцелярии, В.С. Попова, остаются еще пока неизвестными. Поэтому полная и всесторонняя оценка всех частностей деятельности Потемкина, как военачальника и правителя, остается впереди.

Тем не менее мы в настоящее время располагаем достаточным запасом сведений для составления возможно полного очерка биографии Потемкина и оценки его личности и деятельности. Приступая к решению этой сложной и трудной задачи, считаем долгом заявить, что главное внимание в последующих главах обращено на вопрос о личном отношении Потемкина к императрице Екатерине, и мы не имеем в виду разработки частных политической роли знаменитого фаворита.

Предоставляя будущим исследователям исчерпывать этот предмет при помощи всестороннего анализа и пока еще не изданных данных, мы довольствуемся сообщением и освещением важнейших фактов из жизни и деятельности друга Екатерины и подведением для общей характеристики Потемкина итогов несметному множеству фактов и отзывов, разбросанных в исторической литературе и повременных изданиях.

Занявшись после нас этим предметом, — хотя бы [8] даже при более благоприятных условиях, имея возможность начертить биографию Потемкина в больших размерах и с сообщением гораздо большей массы фактов, — едва ли придут к новым результатам в отношении самых важных фазисов исторической роли Потемкина и оценки преимуществ и недостатков нашего героя.

Примечания

1 Сочинения Державина. С.-Петербург, 1864 г., т. I, стр. 476.

2 См. соч. Блюма — «Ein russischer Staatsmann». Leipzig und Heidelberg, 1857. II. 542.

3 См. соч. Гельбига в журнале «Minerva». 1797. III. 4. Там же дано объяснение и других лиц романа.

4 См. замечания Эрнста Германна в его сочинении, т. VI. 149. Русским переводом труда Гельбига, хранящимся в рукописи в Имп. Публ. Библиотеке в С.-Петербурге, пользовался Я.К. Грот при составлении комментария к сочинениям Державина.

5 Мы имеем в руках 2-е издание этой книги, появившейся также в 1808 году. В каталоге «Russica» Публ. Библиотеки, I. 217, автором этого труда названа «M-me de Cernville».

6 Нет сомнения, что резкие выражения Самойлова в начале его биографии Потемкина («Русский-Архив» 1867, стр. 583) относятся к русской редакции труда Гельбига. Он находит в нем «лживые сплетения и нелепости, которые здравым рассудком и соображением с законами и обыкновениями российскими сами собою опровергаются». Далее он высказывает удивление, что «цензура позволила такие бредни печатать» и пр.

7 В этом же труде говорится, между прочим, о Кутузове, как о «незабвенном во веки спасителе отечества». Самойлов умер в 1814-м году.

8 «Русск. Стар.», XII. 482.

9 «Сб. И. Общ.» VII, X, XIII, XXVII и XLII.

I.

Молодость Потемкина (до 1774 г.)

Сведения о происхождении и молодости Потемкина, основанные большею частию на устном предании, имеют лишь анекдотический характер и в значительной их части не могут считаться достоверными. Так, напр., нет положительных данных о родстве Григория Александровича с известным русским дипломатом, Петром Потемкиным, побывавшим при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче в разных государствах Западной Европы в качестве московского посла, но не отличавшегося ни политическим тактом, ни образованием. Во время «случая» Григория Александровича так мало знали о политической роли его мнимого родственника, что даже племянник знаменитого фаворита, Энгельгардт, относит путешествие Петра Потемкина в Англию к эпохе Петра 1, между тем как он был там гораздо раньше и умер до воцарения Петра Великого. В среде дипломатов, находившихся в Петербурге в то время, когда Григорий Александрович сделался князем и когда зашла речь о его родстве с Петром Потемкиным, составление такой родословной считали или самообольщением, или обманом 2.

Мы не придаем также значения рассказу о происхождении рода Потемкиных из Польши. Об этом говорят иностранные [10] писатели, а также и Энгельгардт, между тем как у Самойлова, также близкого родственника Григория Александровича, не упомянуто об этом обстоятельстве. Год рождения Потемкина точно неизвестен; в различных источниках говорится то о 1736, то о 1739 году; у Самойлова показан 1742 год 3. Во всяком случае Потемкин был несколькими годами моложе Екатерины.

Родившись в селе Чижеве, близ Смоленска, Потемкин, бывши еще мальчиком, лишился своего отца, Александра Васильевича, скончавшегося в 1746 году. Поэтому разные анекдоты о строптивом нраве сего последнего, безграничною ревностью якобы мучившего свою жену, мать Григория Александровича, не могут иметь для нас особенного значения 4. Так как однако едва ли можно сомневаться в грубости нрава отца и в его жестоком обращении с женою, бывшею гораздо моложе его, то кончина отца для Грица, — как называли дома способного мальчика, — была скорее выгодною, чем потерей. Мать Григория Александровича, сделавшаяся впоследствии статс-дамою, была хороша собою и считалась умною женщиною 5. После смерти мужа, она переселилась в Москву, где жила под покровительством родственника, президента камер-коллегии, Григория Матвеевича Козловского, и где единственный сын ее, вместе с сыном Козловского, посещал учебное заведение Литкела в Немецкой слободе.

Сохранились некоторые анекдоты о честолубии Потемкина в юном возрасте. То он мечтал о проекте скупить когда-то множество домов за Язую и выстроить преогромное [11] здание 6; то он говорил своим товарищам: «Хочу непременно быть архиереем или министром» 7, или: «Так, так начну военной службой; а не так, то стану командовать попами» 8. Нет сомнения, что впоследствии он неоднократно мечтал о посвящении себя монашескому званию и весьма часто занимался вопросами богословия. Энгельгардт замечает в своих «Записках» о Потемкине: «Поэзия, философия, богословие и языки латинский и греческий были его любимыми предметами; он чрезвычайно любил состязаться, и сие пристрастие осталось у него навсегда; во время своей силы, он держал у себя ученых раввинов, раскольников и всякого звания ученых людей; любимое его было упражнение, когда все разъезжались, призывать их к себе и стравливать их, так сказать, а между тем сам изоощрял себя в познаниях» 9. Также и Самойлов рассказывает о страсти Потемкина к наукам отвлеченным, к чтению классиков, о его уединенном прилежании 10. В селе Татеве, куда он в молодости приезжал к родным гостить, сохранилось предание, что часто утром находили молодого Потемкина спящим в библиотеке на стоявшем там биллиарде (уцелевшем до сих пор); — он просиживал за книгами целые ночи 11. Полезным наставником его был иеродиакон греческого монастыря, Дорофей. Вступив в только что учрежденный московский университет, Потемкин, за свои дарования и успехи, удостоился золотой медали, а затем, кажется в июле 1757 года, находился в числе двенадцати лучших воспитанников университета, отправленных в Петербург и представленных императрице Елисавете Петровне. По возвращении в Москву он, вместо участия в регулярных занятиях университетских, увлекался самостоятельными работами, чтением книг [12] и пр., вследствие чего был исключен из университета «за нехождение» 12.

Во все это время Потемкин, — как это тогда было принято для молодых дворян, — считался находившимся на военной службе, с дозволением не являться на службу до окончания учения. В 1755 году он был записан в конной гвардии рейтаром; в 1757 году произведен в капралы; в 1758 — в ефрейт-капралы, а в 1759 году — в каптенармусы 13.

По исключении из университета Григорий Александрович решил посвятить себя военной карьере. В числе лиц духовного звания, которых посещал Потемкин в Москве, находился Амвросий Зертис-Каменский, бывший тогда архиепископом Крутицким и Можайским: он одобрил его намерение и дал ему на дорогу пятьсот рублей 14.

В Петербург Потемкин прибыл в то время, когда там готовились чрезвычайно важные события. Во время царствования Петра III он сделался вахмистром, был взят ординарцем к принцу Георгу Гольштинскому и в то же время правил ротою, в которой он служил.

Участие Потемкина в государственном перевороте 26 июня 1762 года обратило на него внимание Екатерины. О его сношениях с Орловыми до этого события мы не имеем никаких положительных данных. Есть предание, что он, во время кризиса, действовал в пользу Екатерины, уговаривал солдат объявить ее самодержицею и проч. Обо всем этом не сохранилось достоверных известий. В какой степени трудно воспроизведение частных фактов, [13] видно из следующего обстоятельства. Рассказывают, что Потемкин в ту минуту, когда Екатерина 30-го июня, верхом, в мужском платье, во главе отряда войск, отправилась в Петергоф, находился в ее свите; услышав, что императрица желает иметь темляк на шпаге, он сорвал свой темляк, подъехал к государыне и поднес ей желаемое украшение, чем обратил на себя внимание императрицы 15. Самойлов, племянник Потемкина, решительно отвергает достоверность этого анекдота на том основании, что Потемкин, будучи еще унтер-офицером, не мог поднести своего темляка государыне, «поелику оный был не офицерский» 16. Однако, сам Потемкин рассказывал впоследствии Сегюру даже подробности об этом случае: как он подал темляк, как его лошадь, привыкшая к эскадронному учению, поравнялась с лошадью императрицы и, несмотря на все усилия, упорствовала удалиться, как императрица улыбнулась и пр. 17. Как бы то ни было, императрица придавала участию Потемкина в государственном перевороте некоторое значение. В ее письме к Понятовскому о частностях этого события, между прочим, сказано: «В конной гвардии двадцатидвухлетний офицер Хитрово и семнадцатилетний унтер-офицер Потемкин направляли все благоразумно, смело и деятельно» 18.

Лучшим свидетельством и точною меркою участия Потемкина в государственном перевороте 1762 г. служат награды, которых был он удостоен за услуги, оказанные при этом случае Екатерине. Он получил 400 душ крестьян; далее, в собственноручном расписании Екатерины о наградах по тому случаю сказано: «В конной гвардии вахмистр Григорий Потюмкин два чина по полку да 10,000 рублей»; в другом месте этого документа упомянуто [14] о назначении Потемкина камергером 19. Все эти награды были лишь предположением Екатерины, которая к тому же ошибалась, считая Потемкина в 1762 году семнадцатилетним юношею: он тогда был по крайней мере тремя годами старше. Во всяком случае в то время он не сделался камергером, а только камер-юнкером, и был удостоен звания подпоручика.

Без сомнения Потемкин тотчас же после государственного переворота бывал часто при дворе и обращал на себя внимание императрицы. В устном предании сохранились некоторые анекдоты, за фактическую достоверность которых нельзя ручаться. Так, напр., рассказано в сборнике анекдотов Карабанова: «Стараясь нравиться императрице, он ловил ее взгляды, вздыхал, имел дерзновение дожидаться в коридоре и, когда она проходила, упал на колени и, целуя ей руку, делал некоторого рода изъяснения. Она не противилась его движениям. Орловы стали замечать каждый шаг и всевозможно противиться его предприятию» и проч. 20. Самойлов рассказывает о следующем случае. Однажды, за столом, императрица обратилась к нему с вопросом на французском языке; Потемкин отвечал ей по-русски. Кто-то из сановников заметил ему, что следует отвечать на том языке, на котором предложен вопрос. Нимало не смущаясь, Потемкин возразил: «А я, напротив того думаю, что подданный должен отвечать своему государю на том языке, на котором может вернее мысли свои объяснять; русской же язык учу я слишком 22 года» 21. Митрополит Платон рассказывал, что Потемкин был обязан своим возвышением умению подделаться под чужой голос, чем иногда забавлял Григория Орлова. Последний сообщил об этом государыне, и она пожелала видеть забавника. Потемкин, о чем-то спрошенный Екатериною, отвечал ей ее же голосом и выговором, [15] чем насмешил ее до слез 22. Гельбиг рассказывает о ненависти братьев Орловых к Потемкину в это время и сообщает довольно подробно о том, как однажды Григорий и Алексей Орловы воспользовались удобным случаем, чтобы начать с ним спор, и страшно избили его палками и проч. 23. До чего доходят выдумки в отношении к этой эпохе жизни Потемкина, видно из разных толков о лишении его одного глаза. Гельбиг рассказывает, что Потемкин, бывши еще ребенком, как-то неосторожно играл ножницами и при этом ранил себя в глаз 24. По другим рассказам, Потемкин был изувечен во время драки с Орловыми; иные передают, что ему вышибли глаз нечаянно во время игры в мяч 25. Кастера сообщает, что Алексей Орлов своим кулаком лишил Потемкина глаза 26. В примечаниях к «Запискам Энгельгардта» сказано, что Потемкин окривел в 1766 году, во время ссоры с одним придворным, который шпагой выколол ему глаз 27. Правдоподобнее всех этих анекдотов оказывается повествование Самойлова, что Потемкин однажды, заболев сильною горячкою и не доверяя медикам, велел отыскать мужика-знахаря, который обвязал ему голову и один глаз какою-то припаркою, лишившею его способности видеть этим глазом 28. Зато совершенно лишним основанием оказывается заметка в донесении сардинского дипломата, маркиза де Парело, что Потемкин, после этого несчастья, совершил поездку в Париж для приобретения хрустального глаза 29. Потемкин не лишился глаза, а только ослеп на один глаз. Это несчастье не могло не лишить его некоторой доли красоты, которою он отличался. Самойлов говорит:

«Тогдашние [16] остроумы сравнивали его с афинским Альцибиадом, прославившимся душевными качествами и отлично наружностью». Он описывает отчаяние Потемкина по поводу этого несчастья, причем рассказывает подробно, как Потемкин совершенно удалился от двора и от всякого общества вообще; в продолжение полутора года он не выходил из дому, занимаясь чтением и приобретая множество познаний; он отрастил себе бороду и мечтал о пострижении в монахи, но любовь к нему одной красавицы и внимание императрицы принудили его оставить жизнь отшельника и возвратиться ко двору 30. Частности этого рассказа имеют анекдотический и даже легендарный характер. К тому же в рассказах других современников мы находим совершенно иное объяснение причины добровольного удаления Потемкина от двора. В анекдотах, собранных Карабановым, странный образ действий Потемкина объяснен его любовью к императрице 31. Разные рассказы согласны, однако, в передаче довольно важного обстоятельства: сама Екатерина позаботилась о привлечении вновь ко двору Потемкина; исполнению ее желания должен был содействовать Григорий Орлов. Эти общие факты, как кажется, не могут подлежать сомнению, между тем как подробности этих рассказов не заслуживают серьезного внимания историков 32. К тому же мы не имеем возможности определить точно время 18-месячного отшельничества Потемкина.

Не только в биографии Потемкина, составленной Самойловым, но и в других источниках говорится о путешествии Потемкина в Швецию. Некоторые писатели относят эту поездку к 1762 году, утверждая, что Потемкин был отправлен в Стокгольм к находившемуся там русскому [17] посланнику, графу Остерману, с известием о воцарении Екатерины 33. Самойлов, напротив, относит эту поездку к позднему времени, объясняя ее желанием Орловых удалить Потемкина от двора, где он, после только что упомянутого происшествия, играл довольно важную роль 34. Как бы то ни было, путешествие Потемкина в Швецию, о котором ничего неизвестно из документальных источников, не могло иметь какого-либо важного политического значения. Он не играл при этом роли дипломата, а был простым курьером. Замечанию Самойлова, что Потемкин, после возвращения из Швеции, „не имел более у двора той приятности, какою пользовался до отбытия своего“, мы не можем придавать особенного значения.

Зато мы узнаем на основании архивных данных, что Потемкин во второй половине 1763 года был определен на службу в синоде. Сохранилась инструкция, составленная по этому случаю Екатериной для Потемкина. Из нее видно, что он был помощником обер-прокурора 35. Потемкину было тогда двадцать лет с небольшим. Недаром сказано в указе синоду, что он определяется на эту должность, „дабы он слушанием, чтением и собственным сочинением текущих резолюций... навикал быть искусным и способным к сему месту“ и пр. О деятельности Потемкина в синоде мы не имеем никаких данных.

Главным занятием Потемкина во все это время была, как кажется, военная служба. В июле 1762 года, он был представлен в корнеты, но императрица написала: «быть подпоручиком»; 19 апреля 1765 года он был произведен в поручики; в этом же году он исполнял казначейскую должность и надзирал за шитьем новых мундиров; 19 июня 1766 года он получил командование 9-ой ротой; в 1767 году с двумя ротами своего полка командирован в Москву во время комиссии об «Уложении». [18]

22-го сентября 1768 года Потемкин сделался камергером, а в ноябре был отчислен от конной гвардии по воле императрицы, как состоящий при дворе 36.

В 1767 году собралась известная «Большая Комиссия» для составления «Уложения». В занятиях этого собрания Потемкин участвовал в качестве опекуна депутатов от татар и других иноверцев, которые выбрали его опекуном «по той причине, что они не довольно знают русский язык»; кроме того, он был членом «комиссии духовно-гражданской» 37. Более подробных известий о деятельности Потемкина при этом случае мы не имеем. Во всяком случае, она прекратилась в то время, когда началась турецкая война, и Потемкин, как и многие другие члены этого собрания, изъявил желание отправиться в поход. В заседании 2-го января 1769 года маршал собрания, А. В. Бибииков, объявил, что «господин опекун от иноверцев и член комиссии духовно-гражданской, Григорий Потемкин, по Высочайшему ее Императорского Величества соизволению, отправляется в армию волонтиром», и вследствие этого, на его место нужно избрать другое лицо 38.

Мы не знаем, когда Потемкин, отправляясь в армию, покинул столицу. Весною 1769 он обратился к императрице с следующим письмом, писанным 24 мая «в квартире князя Прозоровского» и обнаруживающим желание молодого честолюбца обратить на себя внимание Екатерины и отличиться воинскими подвигами. Мы передаем этот характеристический документ целиком. «Всемиловнейшая Государыня! Беспримерные Вашего Величества попечения о пользе общей учинили отечество наше для нас любезным. Долг подданнической обязанности требовал от каждого соответствования намерениям Вашим и с сей стороны должность моя исполнена точно так, как Вашему Величеству [19] угодно. Я высочайшие Вашего Величества милости видел с признанием, вникал в премудрые Ваши узаконения и старался быть добрым гражданином. Но высочайшая милость, которою я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне Вашего Величества усердием. Я обязан служить Государыне и моей благодетельнице, и так благодарность моя тогда только изъяснится в своей силе, когда мне для славы Вашего Величества удастся кровь пролить; сей случай представился в настоящей войне, и я не остался в праздности. Теперь позвольте,

Всемилоостивейшая Государыня, прибегнуть к стопам Вашего Величества и просить Высочайшего повеления в действительной должности при корпусе князя Прозоровского, в каком звании Вашему Величеству угодно будет, не включая меня. навсегда в военный список, но только пока война продлится. Я, Всемилоостивейшая Государыня, старался быть к чему ни есть годным в службе Вашей; склонность моя особливо к коннице, которой и подробности я смело утвердить могу, что знаю; впрочем, что касается до военного искусства, больше всего затвердил сие правило, что ревностная служба к своему Го-сударю и пренебрежение жизни бывают лучшими способами к получению успехов. Вот, Всемилоостивейшая Государыня, чему научила меня тактика и тот генерал, при котором служить я прошу Вашего Высочайшего повеления. Вы изволите увидеть, что усердие мое в службе Вашей наградит недостатки моих способностей и Вы не будете иметь раскаяния в выборе Вашем. Всемилоостивейшая Государыня, Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб, Григорий Потемкин» 39.

«Квартира» князя Прозоровского в мае 1769-го года находилась на Днестре, близ Хотина. Тогда именно русское войско готовилось атаковать эту крепость штурмом 40. Вскоре начались удачные действия Потемкина, произведенного [20] в генерал-майоры во время этого похода. Так напр. он отличился в авангардном деле под Хотиным (19-го июня), далее при овладении (2-го июля) турецкими укреплениями под Хотиным и (29 августа) в сражении, в котором верховный визирь, Молдаванджи-паша и крымский хан были совершенно разбиты и обращены в бегство. Затем, когда Румянцев, в качестве главнокомандующего, заменил Голицына, в самом начале 1770 года, Потемкин успешно участвовал в сражении при Фокшанах (3—4 января) 41; об этом деле императрица Екатерина упоминала в составленном ею кратком хронологическом перечне событий кампании против турок, причем однако этот факт по ошибке отнесен ею к декабрю 1769 года 42. Далее Потемкин участвовал в сражениях при Браилове (18 января), командовал отрядом, двинувшимся к Бухаресту, содействовал генералу Штофельну в овладении Журжею (4 февраля), успешно преследовал турок, бежавших после дела близ Рябой Могилы, отличился в сражении при Ларге и Кагуле 43, принимал деятельное участие в занятии Измаила 44, поразил турок у реки Олты 45, сжег город Цыбры, причем им было взято множество турецких судов 46.

Румянцев в своей реляции от 9 сентября 1770 года доносил о Потемкине императрице: «Ваше Величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться. Сколько сия причина, столько другая, что он во всех местах, где мы ведем [21] войну, с примечанием обращался и в состоянии подать объяснение относительно до нашего положения и обстоятельств сего края, преклонили меня при настоящем конце кампании отпустить его в С.-Петербург во удовольствие его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам Вашего Императорского Величества» 47.

Мы не имеем точных сведений о пребывании Потемкина в Петербурге между кампаниями 1770 —1771 годов. Анекдотические рассказы, относящиеся к этому времени, не заслуживают особенного внимания. Говорили, что Екатерина была недовольна Потемкиным за то, что он, будто бы, насмеялся над главнокомандующим, князем Голицыным, между тем как тот с похвалою отзывался о Потемкине 48. Самойлов пишет, что императрица благосклонно приняла приехавшего в Петербург Потемкина, но завистники его успели устроить дело таким образом, что Потемкин не долго оставался в столице и скоро должен был вернуться в армию. Достоин внимания рассказ, что Потемкин, через библиотекаря императрицы Петрова и через Ивана Перфильевича Елагина, пользовавшегося доверием Екатерины, испросил дозволение писать к ней и получать через них словесные ее ответы. Карабанов, передающий этот факт, прибавляет: «С любопытством прочитывая все письма, она видела, с каким чувством любви и с какою похвалою изъясняется он насчет ее особы, сперва приказывала словесные ответы, а потом сама принялась за перо и вела с ним переписку» 49.

Мы увидим, что в позднейшее время войны, а именно в 1773-м году, Екатерина, действительно, переписывалась с Потемкиным. Вероятно также, что она неоднократно беседовала о нем с Елагиным и Петровым. [22]

Уезжающему в армию в начале 1771 г. Потемкину императрица поручила купить для нее турецкую лошадь. Об исполнении этого поручения писал Румянцев к графу Н. И. Панину осенью 1771 года 50.

Так как изложение участия Потемкина в военных действиях выходит из рамки нашего очерка, мы ограничимся указанием на некоторые подвиги его. Он участвовал между прочим в делах при Красове и Турно в 1771 г., в военных операциях близ Силистрии в 1772 году, находился вместе с Орловым в Фокшанах во время переговоров, происходивших в этом местечке, в 1773 году поразил турецкую конницу в сражении у Силистрии и проч. 51

Не особенно выгоден отзыв кн. Ю.В. Долгорукого, участвовавшего в этой последней кампании и находившегося при Потемкине близ Силистрии: „Как у Потемкина никогда ни в чем порядку не было, а граф Румянцев его весьма уважал по его связям у "Двора" и пр. 52.

Достоин внимания то обстоятельство, что в начале 1773 года, когда императрица настаивала на переходе русских войск через Дунай, а Румянцев писал ей о неудобствах такого действия, Потемкин находился в числе тех генералов, которые говорили против мнения Екатерины 53. Последняя, сообщая Вольтеру в июне 1773 года о военных действиях, упоминала о подвигах Потемкина 54. Несколько позже, осенью, узнав через Румянцева о смелых военных делах Потемкина у Силистрии 55, Екатерина собственноручно писала Потемкину 4 декабря 1773 года:

„Господин генерал-поручик и кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что вам некогда письма читать; и хотя я по сю пору не знаю, предупела ли ваша [23] бомбардирада, но тем не меньше я уверена, что все то, что вы сами предпримете, ничему иному приписать не должно, как горячему вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному отечеству, которого службу вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю) ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то вас прошу по пустому не вдаваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься, сделаете вопрос: к чему оно писано? На сие вам имею ответить: к тому, чтобы вы имели подтверждение моего образа мыслей об вас, ибо я всегда к вам весьма доброжелательна“.

Екатерина

Декабря 4 числа 1773 г."

„Скажите и бригадиру Павлу Потемкину спасибо за то, что он хорошо турок принял и угостил, когда они пришли за тем, чтоб у вас батарею испортить на острову“.

Адрес этого письма писан рукою же императрицы: „Григорию Александровичу Потемкину" 56

Расположение Екатерины к Потемкину предвещало важную перемену в жизни последнего.

Примечания

1 Зап. Льва Ник. Энгельгардта. Москва, 1860, стр. 32.

2 «Minerva», 1797, II. 8-9.

3 «Minerva», 1797, II. 8. В биографии Потемкина, помещенной в «Русской Старине» (XII, 485), сказано: «По некоторым сообщениям мы останавливаемся на 1739 г.», причем не говорится подробнее об источниках.

4 См. устные рассказы об отце Потемкина между анекдотами, записанными П.Е. Карабанным, в «Рус. Старине», V, 463, и у Самойлова в «Р. Архиве», 1867, стр. 588.

5 См. замечания Карабанова в «Русской Старине», III, 39—40. На каком основании г. Семевский («Р. Ст.», XII. 485) считает Дарью Васильевну неспособною?

6 «Р. Ст.», V. 465.

7 Энгельгардт, 33.

8 Карабанов, в «Р. Старине», V. 465.

9 Энгельгардт, 33.

10 «Р. Архив», 1867, 600.

11 «Р. Архив», 1867, 600.

12 Бантыш-Каменский «Биографии российских генералиссимусов» (Спб., 1840, II, 54), где указано на печатное объявление об исключении Потемкина. Там же рассказан позднейший анекдот о том, как князь вспоминал об этом эпизоде.

13 См. данные Лонгинова в «Р. Архиве», 1867, стр. 954.

14 Рассказ племянника Амвросия, отца известного историка Бантыш-Каменского. См. соч. последнего «Словарь достопамятных людей русской земли». Москва, 1836, IV. 197. Потемкин эту сумму обещал с процентами возратить впоследствии, но не исполнил обещания.

15 Так, напр., рассказано это в соч. Бантыш-Каменского, «Словарь», IV. 198.

16 «Р. Арх.», 1867, стр. 997.

17 Ségur, „Mémoires ou souvenirs et anecdotes", Paris, 1827, II. 252.

18 «La cour de la Kussie il y a cent ans». Berlin, 1858 г.; стр. 252.

19 «Сб. Ист. Общ.», VII. 109, 110, 113, 115.

20 «Р. Старина», V. 465.

21 «Р. Арх.», 1867, 598.

22 «Р. Арх.» 1871, 459.

23 «Minerva», 1797, II. 429.

24 «Minerva», 1800, IV. 545.

25 «Vie de Potemkine», Paris, 1808, стр. 19: «par l'atteinte d'une balle au jeu de peau».

26 «Vie de Catherine II», II. 88.

27 «Зап. Энгельгардта». 34.

28 «Р. Арх.», 1867. 599.

- 29 «Сб. Ист. Общ.», XXVI. 312.
- 30 «Р. Арх.» 1867. 599—603. Многие писатели относились без критики к рассказам об этом эпизоде, напр. Блюм в своем сочинении о Сиверсе, II. 54—56.
- 31 «Р. Старина», V. 466—467.
- 32 См., напр., некоторые черты в рассказе Гельбига («Minerva» 1797. II. 443—446), где этот эпизод отнесен ко времени фаворита Васильчикова.
- 33 См. напр., «Зап. Энгельгардта». 34. («Minerva», 1797. II. 20 и пр.
- 34 «Р. Арх.» 1868. 604-605.
- 35 См. «Сб. Ист. Общ.», VII. 316-318.
- 36 См. данные, собранные Лонгиновым, в «Русском Архиве» 1867, стр. 594.
- 37 «Сборник Ист. Общ.» VIII.. 386. XXXII. 11. 78. 98.
- 38 «Сб. Ист. Общ.» XXXVI. 156.
- 39 «Русская Старина», XXIII. 716—717.
- 40 См. мнение Прозоровского в военном совете 19 мая, в соч. Петрова, «Война России с Турцией» 1769—1774. С.-Петербург, 1866, I. 174.
- 41 См. подробности у Петрова, II. 40 и след.
- 42 «Сб. И. Общ.», XIII, 152.
- 43 Соловьев, «Ист. России» XXVIII, 117. Самойлов («Р. Арх.» 1867. 1000) замечает, что Потемкин не принимал участия в Кагульской битве.
- 44 Петров, II. 146.
- 45 «Архив Госуд. Совета», 1.89.
- 46 Соловьев, XXVIII. 219. И об этом событии Екатерина упомянула в вышеозначенной месте, см. «Сб. И. Общ.» XIII, 156.—См. также некоторые подробности у Бантыш-Каменского «Биогр. р. генер.» II. 60.
- 47 «Чтения Моск. Общ. Ист. и Др.» 1865. II, отд. 2. стр. 112.
- 48 См. рассказ Самойлова в «Р. Арх.» 1867, 998, где приводится донесение Голицына, в котором сказано, что русская конница «до сего времени еще не действовала с такою стройностью и мужеством, как под командою генерал-майора Потемкина».
- 49 «Р. Старина», V. 466.
- 50 «Сб. Ист. Общ.», IX. 427.
- 51 См. между прочим рассказ Самойлова; подробности в сочинении Петрова.
- 52 Р. Старина (1889) т. LX, стр. 503.
- 53 Соловьев, XXIX. 11.
- 54 «Сб. Ист. Общ.», XIII, 343.
- 55 «Сб. Ист. Общ.», XIII, 374.
- 56 «Сб. Ист. Общ.», XIII. 373.

II Потемкин в 1774—1776 гг.

В продолжение 1774 года Потемкин не участвовал в военных действиях. Он уже в начале этого года прибыл в Петербург. О времени его приезда и о подробностях его путешествия в столицу мы не имеем точных сведений ¹.

Самойлов рассказывает, что Потемкин отправился из армии в Петербург „с тем, чтобы не чрез чье-либо посредство, но прямым путем представить монархине основательные соображения свои“, что он, прибыв в столицу в январе 1774 года, остановился в доме зятя своего, Н.Б. Самойлова, и вскоре после приезда, чрез посредство Григория Орлова, виделся с императрицею в Царском Селе. Самойлов сообщает далее, что императрица дозволила ему написать к ней письмо с просьбою о пожаловании его в генерал-адъютанты. Сделав это, Потемкин вскоре получил собственноручный ответ, в котором Екатерина, исполняя его просьбу, хвалила его за то, что он [25] писал прямо к ней, а не искал повышения побочными путями ². Все это шло чрезвычайно быстро. Уже 1 марта 1774 года императрица могла сообщить Бибикову о назначении Потемкина генерал-адъютантом. «Как он думает», сказано в этом письме, „что вы, любя его, тем обрадуетесь, то сие к вам и пишу. А кажется мне, что, по его ко мне верности и заслугам, не много для него сделала, но его о том удовольствие трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь что хотя одного человека совершенно до-вольного около себя вижу ³. 15 марта она писала к Бибикову: „Друга вашего Потемкина весь город определяет быть подполковником в полку Преображенском. Весь город часто лжет, но сей раз я весь город во лжи не оставляю, и вероятие есть, что тому быть так» ⁴. Поспешив затем удалить Васильчикова, осыпанного при удалении разными милостями, императрица в своих письмах к барону Гримму неоднократно в это время весьма выгодно отзывалась о Потемкине. Так напр. она писала 19 июля 1774 года: „Генерал Потемкин более в моде, чем многие другие, и смешит меня так, что я держусь за бока“. В другом письме, от 14 июля: „я удалилась от некоего прекрасного, но очень скучного гражданина ⁵, который тотчас же был замещен, не знаю сама, как это случилось, одним из самых смешных и забавных оригиналов сего железного века“. Сообщая Гримму в письме от 8 августа, что у нее в работе постельное одеяло для [26] ее собачки и что Потемкин собирается украсть это одеяло для себя, Екатерина прибавляет: «О, какая славная голова у этого человека! Он более чем кто-либо участвовал в заключении этого мира ⁶, и эта голова забавна как дьявол,“ и проч. ⁷.

Карьера Потемкина наделала много шуму. Жена новгородского губернатора Сиверса, находившаяся в это время в столице, писала мужу 31 марта: „Новый генерал-адъютант дежурит постоянно вместо всех других... Говорят, он очень скромен и приятен“. В другом письме, от 3 апреля: „Пока он живет у Елагина“. Далее 10 апреля: „Покои для нового генерал-адъютанта готовы, и он занимает их; говорят, что они великолепны“. 17 апреля: „Потемкина хвалят; он состоит в хороших отношениях к Панину, который когда-то, в опасное время, спас его от происков Орловых и отправил его с каким-то поручением в Швецию. Я часто вижу Потемкина, мчащегося по улице шестернею“. В письме от 28 апреля г-жа Сиверс рассказывает о посещении императрицею театра: „Потемкин был в ложе; с ним беседовали (т.е. императрица беседовала) много во все время представления; он пользуется большим доверием; говорят, что он отличается щедростью“. 9 мая: „Недавно Потемкин сделался членом государственного совета; это маленькая пощечина для Брюса, который не принадлежит к этому собранию“, и проч. ⁸.

Фон-Визин 20 марта писал к Обрезкову в Букарешт: «Здесь у двора примечательного только то, что г. камергер Васильчиков выслан из дворца, и генерал-поручик Потемкин пожалован генерал-адъютантом и в Преображенский полк подполковником. Sapientiti sat" ⁹. [27]

По поводу возвышения Потемкина Петр Ив. Панин в письме к одному приятелю заметил (7 марта 1774 года): «Мне представляется, что сей новый актер станет роль свою играть с великою живностью и со многими переменами, если только утвердится» ¹⁰.

Также и иностранцы-дипломаты зорко следили за переменою, происшедшею при русском дворе. Так, напр., прусский посланник, граф Сольмс, доносил 15 марта: „По-видимому Потемкин сумеет извлечь пользу из расположения к нему императрицы и сделается самым влиятельным лицом в России. Молодость, ум и положительность доставят ему такое значение, каким не пользовался даже Орлов... Граф Алексей Орлов намерен отправиться в Архипелаг раньше, чем предполагал, а князь Григорий Григорьевич, как говорят, высказывает желание уехать путешествовать за границу. Потемкин никогда не жил между народом, а потому не будет искать в нем друзей для себя и не будет бражничать с солдатами. Он всегда вращался между людьми с положением; теперь он, кажется, намерен дружить с ними и составить партию из лиц, принадлежащих к дворянству и знати. Говорили, что он не хорош с Румянцевым, но теперь я узнал, что, напротив того, он дружен с ним и защищает его от тех упреков, которые ему делают здесь" ¹¹. Вопрос об отношении Потемкина к Орловым, Панину и другим вельможам казался весьма важным. В среде иностранцев в то время передавали следующий анекдот. Однажды Потемкин подымался по дворцовой лестнице, направляясь в покои государыни, а князь Орлов спускался по той же лестнице, направляясь к себе домой. Первый из них, чтобы не казаться смущенным, обратился к своему предшественнику с

приветствием и, не зная, что сказать, спросил его: «Что нового при дворе?» Князь Орлов [28] холодно ответил: „Ничего, только вы подымаетесь, а я иду вниз» 12.

Особенно часто и подробно говорилось в это время о Потемкине в депешах английского дипломата Гуннинга. Так напр. он писал 4 марта: „Васильчиков, способности которого были слишком ограничены для приобретения влияния в делах и доверия своей государыни, теперь заменен человеком, обладающим всеми задатками для того, чтобы владеть и тем и другим в высочайшей степени. Выбор императрицы равно не одобряется как партией великого князя, так и Орловыми 13... Это — Потемкин, прибывший сюда с месяцем тому назад из армии, где он находился во все время продолжения войны, и где, как я слышал, его терпеть не могли... Он громадного роста, непропорционального сложения, и в наружности его нет ничего привлекательного. Судя по тому, что я об нем слышал, он, кажется, знаток человеческой природы и обладает большей проницательностью, чем вообще выпадает на долю его соотечественников, при такой же, как у них, ловкости для ведения интриг и гибкости, необходимой в его положении, и хотя распушенность его нрава известна, тем не менее он единственное лицо, имеющее сношения с духовенством». В конце апреля Гуннинг доносил: „Весь образ действий Потемкина доказывает совершенную уверенность в прочности его положения. Он приобрел сравнительно со всеми своими предшественниками гораздо большую степень власти и не пропускает никакого случая заявить это. Недавно он собственною властью и вопреки сенату распорядился винными откупам невыгодным для казны образом». В письме от 16 мая говорится: «Г. Потемкин продолжает поддерживать величайшую дружбу с г. Паниным и делает вид, что руководится в совете исключительно его мнениями; в те дни, когда происходят [29] заседания, он отделяется от прочих членов и держит сторону г. Панина". 13 июня: „Потемкин назначен товарищем графа Захара Чернышева по военной коллегии. Это было ударом для последнего... Принимая в соображение характер человека, которого императрица так возвышает и в чьи руки она, как кажется, намеревается передать бразды правления, можно опасаться, что она сама для себя изготовит цепи, от которых ей впоследствии нелегко будет освободиться. Последнее ее распоряжение озаботило Орловых больше, чем все предыдущее. По этому поводу между ней и князем (Орловым) произошло нечто более простого объяснения, а скорее горячее столкновение, что, как говорят, расстроило ее до такой степени, как еще никогда не видали, а его привело к решению предпринять путешествие тотчас по возвращении из Москвы" и проч.

И в дальнейших донесениях Гуннинга говорится о лишении Чернышева Потемкиным всякого влияния, о соперничестве между ним и графом Орловым, о наградах, которыми императрица осыпала фаворита, и проч. 12 апреля Гуннинг писал „секретно и конфиденциально": „Насколько я могу судить на основании немногих случаев, встретившихся мне для разговора с ним, мне кажется, что он не обладает теми качествами и способностями, которые обыкновенно приписывались ему, но, напротив того, проявляет большое легкомыслие и пристрастие к самым пустым развлечениям». В одном из своих донесений Гуннинг писал, что Потемкин нисколько не заботится о вопросах внешней политики; несколько позже он рассказывал, что Потемкин в Государственном Совете предлагал воспользоваться беспорядками в Персии, между тем как Панин резко и энергично возражал ему, утверждая, что не должно вмешиваться в чужие дела, так что Потемкин прервал прения с заметным неудовольствием. Вообще, английские дипломаты доносили о постоянно возрастающем влиянии Потемкина. В октябре Гуннинг писал из Москвы: „При назначении путешествия императрицы в Коломну [30] в будущее воскресенье, было позабыто о том, что в следующую среду именины графа Потемкина, вспомнив о чем ее величество отложила на некоторое время предполагаемую свою поездку, с тем, чтобы в этот день граф мог принимать поздравления дворянства и всех сословий, причем ей угодно было подарить ему сто тысяч рублей", и проч. 5 февраля 1776 года Ричард Окс писал: „Влияние Потемкина, без сомнения, достигло своего меридиана без малейших признаков уменьшения", а в марте он сообщал, что внимание, оказанное Екатериною князю Орлову во время болезни последнего, подало повод „к некоторому горячему объяснению" между императрицею и Потемкиным. Далее сказано: „Хотя Потемкин пользуется в настоящую минуту полною властью, многие под секретом предсказывают его падение, как событие весьма недалекое. Но я думаю, что это следует скорее объяснить всеобщим к тому желанием, чем какими-либо положительными признаками. Доказательством дурного мнения о его характере служит то обстоятельство, что весьма многие поверили слуху (совершенно неосновательному) о том. Будто бы он отравил князя Орлова. Правда, что зависть его ко всякому, кто пользуется малейшим отличием императрицы, чрезмерна и, как кажется, выражается таким образом и при таких случаях, которые не могут быть приятны императрице, а напротив способны только внушить ей отвращение" и проч. 14.

В донесении другого дипломата в сентябре 1774 года сказано: „Потемкин устранил всех лиц, казавшихся ему опасными; этим возвышается его сила. Он никем не любим; все его боятся" 15.

Довольно часто и подробно о Потемкине говорится в это время в письмах статс-дамы графини Е. М. Румянцовой к мужу. Вот некоторые выдержки из этих писем (20 марта 1774 г.): «Много новизны; сколько нового переменилось [31] по приезде Григория Александровича... все странною манерою идет... Он всех ищет дружбы. Александр Семеныч (Васильчиков) вчера съехал из дворца к брату своему на двор... Ежели Потемкин не отбоярит пяти братьев (Орловых), так опять им быть великим. Правда, что он умен и может

взяться такою манерою, только для него один пункт тяжел, что великий князь не очень любит, и по сю пору с ним ничего не говорит». В других письмах сказано о пожаловании Потемкину больших имений. 2 февраля 1776 г. графиня писала: „Григорий Александрович по наружности так велик, велик, что захочет, то сделает... он совсем другую жизнь ведет; вечера у себя в карты не играет, а всегда там прослуживает; у нас же на половине такие атенции в угодность делает, особливо по полку, что даже на покупку лошадей денег своих прислал 4000 р. и ходит с представлениями, как мундиры переменять и как делать и все на апробацию; вы его бы не узнали, как он нонеча учтив предо всеми. Веселым всегда и говорливым делается; видно, что сие притворное только; со всем тем, что бы он ни хотел и ни попросил, то конечно не откажут» 16.

О занятиях Потемкина делами, во время его „случая", т.е. до 1776 года, сохранилось немного данных. По рассказу Самойлова, Потемкин убедил Екатерину в неудобстве стеснения фельдмаршала графа Румянцева подробными инструкциями и в необходимости предоставления ему большего простора как в военных действиях, так и в переговорах о мире; вообще же Потемкин, как сообщает Самойлов, оказывал влияние на ход военных операций распоряжением об отправлении новых полков на театр действий; далее, он участвовал в принятии мер для борьбы с Пугачевым; а затем, „по соображениям Григория Александровича", была уничтожена Запорожская Сечь 17. [32]

В Государственном Совете, членом которого был назначен Потемкин, он, как видно из протоколов этого собрания, нередко участвовал в прениях. Так, напр., он делал предложения о размещении войск в Крыму, подавал свое мнение в вопросах финансового управления, сообщал свои соображения о дипломатических сношениях России с Портою после кучук-кайнарджийского мира и проч. 18 Сохранились докладные записки Потемкина о мероприятиях по поводу волнений в крестьянском сословии, о раздаче наград разным лицам, с замечаниями Екатерины на полях 19. Также сохранилось некоторое число кратких записок императрицы к Потемкину, относящихся к этому времени и заключающих в себе разные замечания о текущих делах. В некоторых записках говорится о беспорядках, состоявших в связи с Пугачевщиною, об отправлении войск в юго-восточную Россию, об участии Суворова в поимке Пугачева и проч. Обо всем этом говорится как бы мимоходом, в тоне шуток; в этих записках Екатерина называет Потемкина то „monseigneur", то „батенькою" и проч. 20. Как кажется, в некоторых случаях Потемкин имел влияние на дела. Так, напр., после кончины Бибикова, отправленного на восток для усмирения Пугачевского бунта, весь состав штаба войск был распущен по желанию фаворита 21. Круг деятельности его, после назначения его в товарищи Чернышеву, начальником военной коллегии, сделался весьма широким 22. Державин неоднократно обращался к Потемкину, как к своему начальнику, с просьбою об исходатайствовании наград за его подвиги во время Пугачевщины, и Потемкин составлял по этому предмету докладные записки 23. В документах [33] Государственного Совета и в рескриптах императрицы уже летом 1774 года говорится о Потемкине, как о „главном командире" или даже о „генерал-губернаторе Новороссийской губернии" 24 В этой должности он, между прочим, писал (16 июля 1774 г.) к князю В. М. Долгорукову-Крымскому о делах по вверенной ему губернии 25; однако, как кажется, управление южною Россиею в это время не обременяло Потемкина сложными и тяжелыми заботами.

Разумеется, возвышение Потемкина было сопряжено с материальными выгодами и почестями всякого рода. Не говоря уже о щедрости Екатерины в отношении к денежным наградам, мы упоминаем о великолепной, украшенной драгоценными камнями, иконе, которою императрица благословила его при назначении новороссийским генерал-губернатором 26. В одной из записок Екатерины к Потемкину, относящихся к этому времени, сказано: „Изволь сам сказать или написать к Елагину, чтоб сыскал и купил и устроил дом по твоей угодности. И я ему также подтверждаю" и проч. В другой записке говорится 27: „Послушай, друг мой; твое письмо повело бы к длинным разсуждениям, если бы я пожелала ответить на него подробно, но я выбрала из него два существенных пункта: во-первых, касательно дома Аничкова; в Москве же требовали четырехста тысяч рублей; это огромная сумма, которую я и не знала бы, где достать, но пусть Елагин спросит о цене; может быть, он и дешевле: это дом необитаемый и грозящий разрушением; с одной стороны вся стена в трещинах; содержание и восстановление обойдутся, я думаю, недешево"- и проч. 28.

По случаю празднования кучук-кайнарджийского мира Потемкин был возведен в графское достоинство, получил [34] золотую шпагу, осыпанную алмазами и портрет императрицы, осыпанный бриллиантами для ношения на груди на андреевской ленте; далее, он удостоился андреевской ленты и ордена св. Георгия. По его же просьбе императрица разрешила ему, в качестве новороссийского генерал-губернатора, иметь штат наравне со штабом малороссийского генерал-губернатора 29.

Далее императрица позаботилась о доставлении Потемкину заграничных знаков отличия. Король польский препроводил ему орден Белого Орла и св. Станислава; Фридрих Великий поручил брату своему Генриху возложить на Потемкина ленту Черного Орла; датский король прислал орден Слона, шведский—орден Серафима 30. Все это сильно занимало Екатерину. Она сама написала черновую письма Потемкина к принцу Генриху по поводу получения андреевского ордена 31. В украшении Потемкина орденом Черного Орла иностранцы видели попытку прусского короля задобрить императрицу 32. Датский министр,

Бернсторф, отправляя к Потемкину орден Слона, в частном письме убедительнейше просил фаворита содействовать сохранению дружеских сношений между Россией и Данией 33.

Достоин внимания следующее „секретное“ письмо императрицы к князю Д. М. Голицыну, русскому послу в Вене (от 13-го января 1776 г.): „Я вам чрез сие предписываю и прошу всячески стараться, и буде за нужное рассудите, то позволяю вам адресоваться прямо к его величеству императору римскому именем моим и изъявить сему государю, что высокие его качества и все в разные времена доходящие сентименты его величества о России и о особе моей возбудили во мне доверенность таковую, что приняла [35] намерение к нему прямо производить просьбу, которая персонально меня много интересует, а именно, чтоб его величество удостоил генерала графа Григория Потемкина, много мне и государству служащего, дать Римской Империи княжеское достоинство, за что весьма обязанной себя почту. Поручаю сие дело вашему прилежному попечению самолично; вы о сем ни с кем, кроме со мною, не имеете производить переписку, а что будет о том, мне донесете прямо, надписывая в собственные руки 34.

Желание императрицы вскоре было исполнено. В марте 1776 года был доставлен Потемкину диплом на княжеское достоинство 35. Рассказывали, впрочем, что Иосиф II, изъявляя готовность исполнить желание Екатерины, указал на разные случаи отказа в даровании этого титула 36. Что касается шведского Серафимского ордена, то король Густав III, как передавали в то время в среде дипломатов, сначала не хотел пожаловать Потемкина кавалером этого ордена, так что приходилось поддействовать на него, для достижения этой цели, чрез французского посланника в Стокгольме 37. Заметим кстати, что несколько позже, во время пребывания в России английского дипломата Герриса, Потемкин домогался английского ордена Подвязки, и Геррис ходатайствовал об этом перед королем Георгом III. Последний же не только не удостоил Потемкина этой чести, но даже сделал выговор Геррису за такую просьбу 38.

Не без основания как тогда, так и после иностранные дипломаты передавали друг другу разные анекдотические черты неограниченного честолюбия Потемкина; рассказывали, [36] например, что в 1775 году он мечтал о польской короне 39. Как бы то ни было, честолюбие фаворита находило обильную пищу в раболепстве, с которым относились к нему люди разных сословий, не исключая самых знатных вельмож. Тот же самый университет московский, который исключил Потемкина из числа своих студентов, восхвалял его в латинских виршах, сочиненных неким Гумилевским. Стихотворение это имеет заглавие: „Ulustrissimo Comiti Grigorio Alexandridi de Potemkin hoc grati animi sui documentum offert Academia Mosquensis“ 40.

Безбородко, поздравляя Потемкина с возвышением, просил его ходатайства для получения разных наград 41. Завадовский, который немного позже сделался некоторым образом соперником Потемкина, для себя или для графа Семена Романовича Воронцова просил Потемкина о покровительстве 42. Князь С. Голицын, узнав о возвышении Потемкина, писал ему между прочим: „Этот пост, можно сказать, вам давно уже принадлежал“ 43. Разные духовные лица, например московский архиепископ Платон, митрополит петербургский Гавриил, архиепископ псковский и проч., обращались к Потемкину с письмами, в которых поздравляли его с разными наградами 44. Протоиерей Алексеев поднес ему сочиненный им „Церковный Словарь“ 45. Писатели, как Сумароков и Херасков, восхваляли его, как мецената 46. Гренадеры лейб-гвардии Семеновского полка, участвовавшие в государственном перевороте 1762 года, обратились к [37] Потемкину с просьбою наградить их за услугу, оказанную императрице при этом случае 47. Даже граф Алексей Орлов писал к Потемкину из Пизы в это время в самых лестных выражениях 48.

Что касается личных отношений Потемкина к вельможам, то мы видели выше, что он сначала угождал Панину, но старался действовать против Григория Орлова. Впрочем рассказы современников-наблюдателей об интригах Потемкина основаны лишь на сплетнях и не заслуживают особенного внимания 49. Так, например, в то время, когда в среде иностранцев говорили о вражде между графом Кириллом Григорьевичем Разумовским и Потемкиным, в более достоверных источниках встречаются противоположные данные 50.

О ненависти Сиверса к Потемкину в это время мы узнаем из письма Сиверса к императрице, в котором он порицал равнодушие его к благу империи и указывал на его неспособность заниматься делами. Екатерина отвечала Сиверсу: „Ревность продиктовала ваше письмо, которое я сожгла“ 51. В весьма резких выражениях граф Семен Романович Воронцов говорит в своей автобиографической записке о невнимании и недоброжелательстве к нему Потемкина в первое время возвышения, о неудачной карьере, причиною которой были интриги Потемкина; при этом замечено, что С. Р. Воронцов при Силистрии оказал Потемкину существенную услугу — и образ действий Потемкина свидетельствовал о неблагодарности его 52.

Нельзя удивляться, что при столь высоком положении [38] Потемкина у него были недоброжелатели, с нетерпением ожидавшие его падения. Так, например, Гуннинг доносил графу Суффольку 1-го января 1776 года: „Если верить сведениям, недавно мною полученным, императрица начинает совсем иначе относиться к вольностям, которые позволяет себе ее любимец. Отказ графа Алексея Орлова от всех занимаемых им должностей до того оскорбил ее, что она захворала, и при этом до нее в первый раз дошли преобладающие в обществе слухи. Уже поговаривают исподтишка, что некоторое лицо, определенное ко двору Румянцевым, по-видимому скоро приобретет полное ее доверие“ 53.

Слух об удалении Потемкина основывался на том факте, что Румянцев в декабре 1775 года, по просьбе императрицы, рекомендовал ей для занятия секретарской должности при ее кабинете Завадовского и Безбородко.

Молва о предстоявшей перемене в судьбе Потемкина не была лишена основания. Его значение обуславливалось исключительно личным расположением к нему императрицы. Множество записок Екатерины к Потемкину дает нам возможность заглянуть, так сказать, в закулисную историю личных отношений между Потемкиным и императрицею. Материал этот в высшей степени интересен не только в историческом, но и в психологическом отношении.

Примечания

1 В XIII томе „Сборника Имп. И. О.“, стр. 363, помещен рескрипт на имя генерал-майора Кара. Редактору этого тома, Я.К. Гроту, как кажется, принадлежит замечание в надписи, что этот рескрипт (от 10 октября 1773 г.) писан рукою Потемкина. Возможно ли это? Мог ли в это время Потемкин находиться в Петербурге? Очевидно, тут есть некоторое недоразумение. Можно ли утверждать, как то делает комментатор на стр. 395, что Потемкин был вызван письмом Екатерины от 4 декабря 1773 г.? В письме от 4 декабря не заключалось приглашения в Петербург.

2 Бантыш-Каменский, „Биогр.“ II. 61, 62, сообщает оба письма дословно; ссылка: „Из портфелей Миллера, хранящихся в моск. архиве мин. ин. д.“. У Самойлова („Р. Арх.“ 1867, 1018) выписка из рескрипта императрицы, по содержанию схожая с документом, сообщенным Бантыш-Каменским. Тут однако рождается вопрос: почему это письмо Екатерины не издано в XIII томе „Сборника Ист. Общества"? Ведь там же изданы бумаги Екатерины, хранящиеся в государственном архиве Неужели не были приняты в соображение „портфели Миллера"?

3 „Сб. И. О.“ XIII. 395.

4 „Сб. И. О.“, XIII. 396.

5 Васильчикова.

6 Кучук-кайнарджийского.

7 „Сб. Ист. О.“ XIII. 409, 416, 432, 439. Те же письма еще раз изданы в XXIII томе, стр. 4, 6, 9.

8 Blum, „Ein russischer Staatsmann“, II 20—24.

9 „Р. Арх.“ 1865. 854.

10 «Р. Стар.» VIII. 343.

11 «Р. Архив» 1873, 126—127.

12 „Зап. Гордта“, в „Др. и н. России“ 1880. III. 526.

13 См. анекдот о беседе Екатерины с Орловым, записанный М.С. Воронцовым в Арх. кн. Воронцова ст. XXIII. Приложение стр. 21.

14 „Сб. Ист. Общ.“ XIX. 405-513.

15 Herrmann, „Gesch. d. russ. Staats“. V. 678.

16 См. „Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу“ (изд. гр. Д. А. Толстым). Спб. 1888, стр. 188—201.

17 „Р. Арх.“, 1867 г. 1018—1027.

18 „Арх. Гос. Сов“, I. 296, 301, 308, 326.

19 „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 17—21.

20 „Сб. Ист. Общ.“ XIII. 403, 407, 412, 419-420, 436, 446.

21 Грот, Державин, VIII, 126.

22 Так, напр., рескрипт о назначении 4 авг. 1774 г. графа С. Р. Воронцова в бригадиры подписан Чернышевым и Потемкиным. См. „Арх. кн. Воронцова“, XXVIII. 64.

23 Грот, Державин, V. 269, 271, 293.

24 „Арх. Гос. Сов.“ II. 220. „Сб. И. О.“ XIII. 418.

25 „Зап. Од. Общ.“ VIII. 191.

26 „Зап. Одесск. Общ.“ X. 418.

27 Эта записка на французском языке.

28 „Сб. Ист. Общ.“ XXVII. 80 и 90.

29 Рескрипт от 16 января 1775 года. „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 26.

30 Бантыш-Каменский, II. 64.

31 „Сб. Ист. Общ“, XXVII. 16.

32 „Minerva“, 1797. III. 116. См. также донесение Окса в „Сб. Ист. Общ.“ XIX. 514.

33 „Minerva“, 1797. III. 116—117.

34 „Р. Архив“, 1878. I. 18.

35 См. собственноручный рескрипт императрицы Потемкину о дозволении ему принять это достоинство. „Сб. Ист. Общ.“ XXVII. 77.

36 „Minerva“, 1797. III. 113.

- 37 „Minerva", 1797. III. 117.
- 38 См. письмо графа С. Р. Воронцова к А. Р. Воронцову 12 июля 1801 г.: „Le roi non seulement n'y a pas consenti, mais en a été très choqué et a ordonné qu'on fît une bonne savonnade à Harris" („Арх. Кн. Вор.", X. 110).
- 39 См. донес. Фёлькерзама, где указано на разговор Панина с Деболи. Herrmann, Ergänzungsband, стр. 107.
- 40 Печатный экземпляр этих стихов хранится в Публ. Библ. в Петербурге.
- 41 „Сб. Ист. Общ.", XXVI. 279.
- 42 Письмо Завадовского в „Арх. Кн. Воронцова", XII. 2—3. Г. Бартенев полагает, что оно писано Завадовским для С. Р. Воронцова.
- 43 Лебедев, „Графы Панины", стр. 111.
- 44 „Р. Арх.", 1878. III. 20.
- 45 „Р. Арх.", 1863, 603.
- 46 „Р. Арх.", 1879. III. 26.
- 47 „Р. Арх.", 1880. II. 148-150.
- 48 „Р. Арх.", 1876. II. 5.
- 49 „Minerva", 1797. II. 452.
- 50 „Russische Gunstlinge", 217; совсем иные данные встречаются в сочинении Васильчкова „Оеменство Разумовских», I. 357 и 358.
- 51 Blum, II. 128.
- 52 „Арх. Кн. Воронцова", VIII. 13—16. Более выгодный отзыв о Потемкине в письме С.Р. Воронцова к отцу в 1775 г. „Арх. Кн. Воронцова", XVI. 134.
- 53 „Сб. Ист. Общ.", XIX. 509.

III. Отношения Екатерины к Потемкину (1776—1786 гг.)

Не во всех отношениях императрица была довольна Потемкиным. Оставаясь вполне независимой от него в области управления государством, она неоднократно изъявляла ему свое неудовольствие его образом действий. Она делала это со свойственной ей мягкостью, сохраняя притом искреннюю дружбу и привязанность к Потемкину.

Так, напр., в одной записке императрицы к Потемкину, относящейся к 1774-му году, она жаловалась, что Потемкин не сообщает ей достаточных подробностей о вверенных ему делах военной администрации и этим ставит ее в неловкое положение в тех случаях, когда разные лица обращаются к ней с вопросами. Рядом с заявлениями благосклонного внимания и истинного расположения в записках Екатерины к Потемкину встречаются более или менее резкие замечания. Когда Потемкин однажды просил императрицу дать купцу Фалееву на откуп пошлину на соль в южной России, она наотрез отказала ему в исполнении просьбы, заметив на самой записке Потемкина: „Пока живу, никакой таможи не будет на откупе". О сильном раздражении свидетельствует следующая записка, хронологическое определение которой, к сожалению, представляет затруднение и содержание которой остается неясным. „От вашей светлости", писала Екатерина, „подобного бешенства ожидать надлежит, буде доказать [40] вам угодно в публичке, так как и передо мною, сколь мало границ имеет ваша необузданность, и конечно сие будет неоспоримым знаком вашей ко мне благодарности, так как и малой вашей ко мне привязанности; ибо оно противно как воли моей, так и несходственно с положением дел и состоянием персон. Венский двор один из того должен судить, сколь надежна я есмь в тех персонах, коих я рекомендую им к высшим достоинствам; так-то оказывается попечение ваше о славе моей".

Возвышение Завадовского, представленного Екатерине в декабре 1775 года, пока не изменяло внешнего положения Потемкина. Императрица, после приезда из Москвы, подарила ему в Белоруссии воеводство Кричевское, в котором состояло 14,000 душ, подарила ему Аничковский дворец и 100,000 рублей на поправление его; но в то же самое время современники замечали некоторую перемену в отношениях между Потемкиным и императрицею; говорили о холодности, с которою императрица принимала Потемкина, об уменьшении его силы у двора 1. Английский дипломат Окс писал 3-го мая 1776 года к Уильяму Идену: „Ежедневно ожидают удаления князя Потемкина и испрошения им дозволения уехать на некоторое время в свою губернию". В другой депеше, 10 мая, сказано: „Принц Генрих, хорошо зная правила Орловых, конечно, желает дать им соперника во власти в лице одного из своих сторонников, и я полагаю, что он много содействовал отсрочке удаления Потемкина, которого лента (Черного Орла) привязала к его интересам. Тем не менее, легко быть может, что через несколько дней будет положен конец тем наружным признакам милости, которые до сих пор сохранены ему" 2.

Ожидания английского дипломата оказались лишенными [41] основания. Не только продолжались „наружные признаки милости", но и дружеские отношения между императрицею и Потемкиным не прекращались.

Тем не менее, однако, недоразумения в начале лета 1776 года заставили, наконец, Потемкина упросить императрицу, чтобы ему, как генерал-инспектору, позволено было осмотреть войска в С.-Петербургской и Новгородской губерниях. Екатерина, как рассказывает Самойлов, согласилась на эту поездку, но с условием, чтобы отлучка князя из Петербурга не продолжалась более трех недель. К тому же Потемкин сохранил, при удалении, комнаты, отведенные для него во всех дворцах 3.

Путешествие Потемкина считалось современниками знаком немилости Екатерины. Каково было впечатление этого события, видно из письма Чернышева к Андрею Кирилловичу Разумовскому от 24 июня 1776 года: „Бедный Потемкин вчера уехал в Новгород, как говорит, на три недели, для осмотра войск: хотя он имеет экипажи и стол придворные, он все-таки недоволен» 4. Ричард Окс доносил 1 июля 1776 года: „Несмотря на высокую степень милости, которою Орловы пользуются в настоящую минуту у государыни, и на недоброжелательство, с которым, как полагают, граф Орлов относится к князю Потемкину, последнему продолжают оказывать необычайные почести. Во время своей поездки в Новгород он пользуется совершенно придворной обстановкой, и продолжают утверждать, что он чрез несколько недель возвратится сюда, но тем не менее я полагаю, что милость его окончена, и меня уверяли, что он уже перевез часть принадлежащей ему мебели из комнат, занимаемых им в Зимнем дворце. Высокомерие его поведения в то время, когда он пользовался [42] властью, приобрело ему столько врагов, что он может рассчитывать на то, что они ему отмстят в немилости, и было бы не удивительно и не неожиданно, если бы он окончил свое поприще в монастыре, — образ жизни, к которому он всегда оказывал расположение; и едва ли не лучшее убежище для отчаяния разбитого честолюбия. Говорят, что долги его превышают двести тысяч рублей".

Вскоре после этого, английский дипломат сообщал о пожаловании Завадовскому и денег и крестьян и чинов; но уже 26 июля он доносил о другой новости: „Князь Потемкин приехал сюда в субботу вечером и появился на следующий день при дворе. Возвращение его в комнаты, прежде им занимаемые во дворце, заставляет многих опасаться, что, быть может, он снова приобретет утраченную милость" 5.

Устные рассказы современников о путешествии Потемкина, об устраиваемых всюду в честь его празднествах, об упрямстве, которое обнаруживалось в его желании во чтобы то ни стало сохранить за собою квартиры во дворцах, — все это имеет легендарный характер 6. Так, напр., Гельбиг сообщает разные анекдоты о том, как Екатерина тщетно старалась освободиться от Потемкина, выжить его из дворца и пр. Документальные источники не допускают сомнения в том, что Потемкин и после краткого отсутствия оставался другом императрицы, что она нуждалась в нем, как в соратнике. Следующее, напр., обстоятельство заслуживает особенного внимания. Когда Потемкина не было в Петербурге, вместе с принцем Генрихом отправился в Берлин великий князь Павел Петрович, где он должен был встретить свою невесту, вюртембергскую принцессу (Марию Федоровну). Во время пребывания цесаревича за границей Екатерина находилась с ним в довольно оживленной переписке. Потемкин возвратился в столицу около 20 июля. В конце июля Екатерина написала Павлу [43] письмо, в котором говорилось подробно о его женитьбе. Черновая этого собственноручного письма испещрена поправками и дополнениями, сделанными рукою Потемкина 7. Значит, он тотчас же после возвращения из путешествия, считавшегося знаком яко бы постигшей его опалы, был настолько близким к Екатерине лицом, что принимал участие в редакции ее писем к сыну.

И другие документы, найденные между бумагами Екатерины и относящиеся ко второй половине 1776 года, свидетельствуют о его пребывании в Петербурге и о том, что он, вместе с императрицею работал над разными вопросами внутренней администрации и внешней политики. Так, напр., Екатерина 26 июля доставила Потемкину разные бумаги, относящиеся к беспорядкам, происходившим в окрестностях Вологды 8. В августе она подписывала рескрипты о крымских делах, очевидно приготовленные Потемкиным; подобные же бумаги относятся к октябрю и проч. 9. Все это не лишено значения, потому что даже в среде современников смотрели на отлучку Потемкина, как на какую-то ссылку, продолжавшуюся несколько месяцев. В «Записках» Державина сказано, что Потемкин до ноября 1776 года прожил в Новгороде 10. Впрочем, рассказ самого Державина о том, как он в декабре 1776 года домогался чрез Потемкина повышения в чине и разных наград, свидетельствует о важной роли Потемкина в это время при дворе. К тому же во второй половине 1776 г. мать Потемкина сделалась статс-дамою, а племянница его — гоф-фрейлиною 11. [44]

Об отношениях Потемкина к Завадовскому в это время мы не знаем почти ничего положительного. Только в письме Завадовского к С. Р. Воронцову, писанном в это время, сказано: „Кроме двух Орловых, я не вижу, кого бы интересовал жребий отчизны". Это замечание, как видно, включает в себе упрек Потемкину, которого Завадовский не считал хорошим патриотом. В другом письме, как кажется, тоже говорится о Потемкине, об отношениях его к императрице, о кознях его, направленных против Завадовского: „Приезжий с Г. получше 12. Против меня тот же Да я рад, лишь бы он ее не прогневался; меня ж он раздражить никогда не может. Напрасно вы стараетесь находить средства сделаться его другом. Он не родился с качеством для сего нужным. Таланты его высоки, но душа... 13 Всех совершенств не дает природа одному человеку. Таким сделать его, каковым быть ему надобно и любящим его особу и отечество желательно, никак нельзя и вотще все будут помышления. Со мною он не будет николи искренен, потому больше, что он сам знает, что его довольно знаю" 14.

Кроме этих отрывочных заметок в письмах Завадовского мы не располагаем никакими достоверными данными об интригах Потемкина в это время 15. Сообщая своему другу, С.Р. Воронцову, о своем горе, о том, что он лишился расположения императрицы, Завадовский летом 1777 года ни одним словом не обвиняет в своем несчастье Потемкина. Замечания Гельбига в составленной им [45] биографии Потемкина об участии последнего в возвышении Зорича не заслуживают особенного внимания, потому что не подтверждаются никакими положительными данными в рассказах современников в тесном смысле. Разные документы, записки, рескрипты, относящиеся к этому времени, свидетельствуют о расположении Екатерины к Потемкину. Препровождая императрице в конце 1776 года челобитную находившихся в Хиве в плену русских, Потемкин добавил в краткой записке об этом предмете: „Моя щедрая мать, будь здорова по мере моего желания". На этой же бумаге Екатерина написала: „При сем посылаю мое мнение; я здорова и тебя, батя, прошу быть здоровым и веселым. Прощай до завтра" 16. К 1777 году относятся многие доклады Потемкина с разными резолюциями Екатерины 17. Рукою Потемкина написан указ, с собственноручными поправками Екатерины, о должности флигель-адъютантов 18. Спрашивая мнения Потемкина о награждении Прозоровского, Екатерина оканчивает свою записку словами: „Пребываю навеки дружелюбна" 19. 30 сентября 1777 года она, празднуя день рождения и именин Потемкина, подарила ему 150,000 руб. „на оплату долга" 20. В одной из записок императрицы говорится о турецких и татарских делах, о необходимости со временем подумать о завоевании Очакова и Бендер, а в конце этой записки находится заметка: „О летах баста; более ни словеческа не молвлю" 21. Из писем императрицы к барону Гримму, относящихся к этому времени, видно, что Потемкин по вечерам бывал у Екатерины и служил ее собеседником. В начале 1778 г. она заказала великолепный севрский фарфоровый сервиз, причем заметила в письме к Гримму: „Сервиз назначен для моего дорогого и любимого князя Потемкина, и чтобы [46] он вышел получше, я показывала вид, будто он заказан для меня" 22. Немного позже Екатерина,

сообщая Гримму о составлении списка всем достопримечательным действиям ее царствования, прибавляет, что Потемкин, по природе своей не любящий льстить, в восхищении от этой записки 23.

Недаром даже люди сильные, высокопоставленные, как напр. гетман Кирилл Григорьевич Разумовский, ухаживали за Потемкиным. Дочь Кирилла Григорьевича была недовольна отцом за это 24. В 1778 году Потемкин устроил у себя для двора празднество, стоившее, по словам английского посланника, 50,000 руб. 25.

Из донесений Герриса видно, что князь во все это время играл при дворе первенствующую роль. Однако в одном из этих донесений мы встречаем некоторые данные о неприятностях, происходивших при дворе, о столкновениях между Потемкиным и другими чиновниками, о недоразумениях, неоднократно случавшихся между князем и императрицею. Нелегко решить вопрос, насколько рассказы английского дипломата заслуживают доверия. В некоторых случаях они основаны на слухах и догадках, имеют анекдотический характер и едва ли во всех частностях соответствуют фактам.

В какой мере около этого же времени ненавидели Потемкина в публике, видно из той части «Записок» Болотова, которая относится к 1778 году. Он называет князя „мужем, дышущим любочестием и любовластием беспредельным, и простирающим замыслы и намерения свои почти за самые облака“, рассказывает о склонности Потемкина к интригам, его безмерном сребролюбии и проч. 26

Отдавая полную справедливость необычайным умственным [47] способностям Потемкина, Геррис считал его интригантом, всячески старавшимся господствовать над императрицею. В происках Потемкина, направленных против Панина, нельзя сомневаться. Геррис, находившийся в до-вольно близких сношениях с Потемкиным, участвовал в этих интригах. Однако, из донесений же английского дипломата видно, что влияние князя на дела было ограничено, что императрица во многих отношениях действовала независимо от Потемкина. Так напр. Геррис замечает, что князь немного заботился о вопросах западно-европейской политики, но особенно охотно занимался восточным вопросом. При дворе он и в 1779 году играл первенствующую роль 27.

Особенною роскошью отличался праздник, устроенный и Потемкиным в честь императрицы, летом 1779 года, на своей даче Островки, находившейся на берегу реки Невы недалеко от Александро-Невской лавры. Тут были маскарад и бал с фейерверком на озере, разные изобретения прихотливого воображения, напр. плавающая картина, представлявшая храм с именами членов императорского дома. Всю ночь продолжалась иллюминация; над озером видны были разного рода здания, блиставшие разноцветными огнями. Место, где приготовлен был ужин, представляло пещеру Кавказских гор, убранную миртовыми и лавровыми деревьями, между которыми вились розы и другие цветы; ее прохлаждал ручей, стремительно падавший с вершины горы и разбивавшийся об утесы. Во время ужина, устроенного по обычаю древних, хор певцов, под звуки органа, пел в честь славной посетительницы строфы, составленные на эллино-греческом языке, и проч. 28.

Некоторые записки Екатерины к Потемкину, относящиеся к этому времени, свидетельствуют о расположении императрицы к князю. [48]

Записки и донесения Герриса и другие источники истории внешней политики России за это время дают понятие о важности той роли, которую играл Потемкин в области внешней политики. Иностранные дипломаты постоянно беседовали с ним о делах; Геррис называл его своим другом: через него шли переговоры между представителями иностранных держав и императрицею. Это доказывает, что Потемкин во все это время пользовался истинным расположением Екатерины. Но изредка между ними происходили кое-какие недоразумения.

Император австрийский Иосиф II писал из Могилева своей матери: „Кредит Потемкина в высшей степени силен. Ее величество за столом назвала его своим истинным другом; в беседе со мною она хвалила его способности“ и проч. 29. По случаю пребывания принца прусского в Петербурге, осенью 1780 года, императрица писала Потемкину: „Защитница и друг твой советует надеть прусский орден“ 30. Недаром, значит, король Фридрих II всячески старался задобрить Потемкина, обещая ему герцогство Курляндское и т. п. 31.

После возвращения императора Иосифа в Вену английский дипломат Кейт спросил его: „Должен ли Потемкин, после опалы графа Панина, считаться главным, пользующимся полным доверием советником императрицы?“ — „Да“, отвечал император, „но он советник несостоятельный. У него мало сведений; к тому же он ленив, и даже сама императрица обращается с ним, как со своим учеником в делах политики; она и говорит о нем, как о своем ученике и как о человеке, который скорее нуждается в руководстве, нежели способен быть руководителем. Ей доставляет большое удовольствие говорить: „он мой ученик“, „он знанием дел обязан исключительно мне“. Вы можете представить себе, что те лица, которым она это [49] говорит, недостаточно откровенны, чтобы прямо возразить ей: так как, государыня, он ваш ученик, то он вам не делает чести“. — „Можно ли думать“, спросил далее Кейт, „что влияние князя Потемкина и доверие, которым он пользуется, ослабевают мало-помалу?“ — „Нисколько“, возразил император, „но в области политики их отношения никогда не были такими, какими они считались в публике. Императрица не желает расстаться с Потемкиным и на то имеет тысячу причин. Она не легко могла бы отделаться от него, если бы

даже желала этого. Нужно побывать в России, чтобы составить себе точное понятие о положении, в котором находится императрица" 32

Достоин внимания замечание Герриса, летом 1780 года, о старании Потемкина угождать во всем Екатерине, чтобы изгладить неблагоприятное впечатление, произведенное им на Иосифа II 33. Во время пребывания в Петербурге принца прусского, которому был оказан чрезвычайно холодный прием, Геррис писал: „Мне кажется, что если б и князь Потемкин захотел сделать что-либо в этом отношении, он не имел бы достаточного влияния на императрицу, чтобы убедить ее не показывать отвращения к принцу" и проч. 34. В другом месте Геррис писал: „Потемкин или боится помочь мне, или не может этого сделать". Дело в том, что князь неоднократно жаловался в это время, в разговоре с английским дипломатом, на раздражительность императрицы и проч. Во всяком случае около этого времени не было полного согласия между императрицей и князем в отношении к англо-русским делам. Очевидно происходили кое-какие неприятности, потому что Потемкин, в разговоре с Геррисом, сильно жаловался на недостатки в характере Екатерины 35. Геррис упоминает, что императрица, когда Потемкин около этого времени захворал, не бывала [50] у него, между тем как прежде она в подобных случаях оказывала ему гораздо больше внимания. В другом донесении сказано, что Потемкин надеется вскоре восстановить свое прежнее влияние на Екатерину, и весной 1782 года Геррис писал опять: „Потемкин не лишен ни милости, ни влияния" 36. В 1782 году, когда Потемкин находился на юге, императрица с большим вниманием следила за его действиями по присоединению Крыма к России. В одном из писем Екатерины к Потемкину в июне 1783 г. сказано между прочим: „Когда изволишь писать: дай Боже, чтоб вы меня не забыли, — то сие называется у нас писать пустошь: не токмо помню часто, но и жалею и часто тужу, что ты там, а не здесь, ибо без тебя я как без рук». В другом письме говорится: „Ты мне очень-очень надобен, и так прошу тебя всячески беречь здоровье". Когда, во время пребывания Потемкина на юге, там свирепствовала язва, императрица сильно беспокоилась и в каждом письме просила князя остерегаться, писать почаще и проч. После присоединения Крыма Екатерина писала: „За все приложенные тобою труды и неограниченные попечения по моим делам не могу тебе довольно изъяснить мое признание; ты сам знаешь, koliko я чувствительна к заслугам, а твои отличные, так как и моя к тебе дружба...; дай Бог тебе здоровья и продолжения сил телесных и душевных; знаю, что не ударишь лицом в грязь; будь уверен, что не подчиню тебя никому окромя себя". Когда Потемкин осенью 1783 года на юге заболел, императрица писала ему: „Всёкрайне меня беспокоивает твоя болезнь; я ведаю, как ты не умеешь быть больным и что во время выздоровления никак не бережешься; только сделай милость, вспомни в нынешнем случае, что здоровье твое в себе какую важность заключает, благо империи и мою славу добрую: поберегись ради самого Бога; не пусти моей просьбы мимо ушей; [51] важнейшее предприятие в свете без тебя оборотится ни во что" и проч. 37.

В письме Ланского к князю от 29 сентября 1783 г. сказано: „Вы не можете представить, сколь чувствительно огорчен я болезнью вашею; несравненная наша Государыня-Мать тронута весьма сею ведомостью и неутешно плачет; я решился послать зятя моего узнать о здоровье вашем; молю Бога, чтоб сохранил вас от всех болезней" 38.

Такие уверения в дружбе были сопровождаемы частыми и щедрыми подарками. Так напр. в августе 1783 года императрица приказала отпустить на постройку петербургского дома князя 100,000 рублей „из кабинета" 39. Посылая ему к именинам несессер, Екатерина писала: „Праздник такой, который для меня столь драгоценен и любезен, как твое рождение. Приими, друг мой, дар доброго сердца и дружбы". В другой записке сказано: „Посылаю тебе шубку, да чарку и фляжку для водки" и проч. 40. Князь, в свою очередь, посылая императрице дорогую шелковую материю, писал ей: „Вы приказали червям работать на людей от плодов учреждений ваших. Ахтуба приносит вам на платье. Если моление мое услышено будет, то Бог продлит лета ваши до позднейших времен, и ты, милосердная мать, посещая страны мне подчиненные, увидишь шелками устлан путь". Как видно, это письмо писано в то время, когда уже зашла речь о путешествии Екатерины на юг России, т.е. в 1784 году 41.

Сомневаться в искреннем расположении Екатерины к князю во все это время нельзя. В ее письмах к нему не было конца ласкам и выражениям дружбы. Слова в роде „батенька", „голубчик", „mon soeur", „mon bijou", „батя", „папа" и пр. встречаются на каждом шагу. Впрочем, и [52] в это время случались недоразумения, временные размолвки. Однажды князь требовал денег, но императрица отказала ему в этом; объясняя свой образ действий, Екатерина писала: „Хотя сердисься, но нельзя не говорить того, что правда". Другой раз она упрекнула князя в том, что он „смотрит сквозь пальцы". Он сильно обиделся и писал: „Когда бы перестали мои способности или охота, то можно избрать лучшего нежели я, на что я со всею охотою согласен». Она старалась успокоить его, замечая: „Я колобродным пересказам не причиною" и проч. 42.

В «Записках» Энгельгардта встречается следующий рассказ, относящийся к 1783 году: „По разным причинам, государыня оказала к князю немилость и уже он собирался путешествовать в чужие края и экипажи уже приготавливались. Князь перестал ходить к императрице и не показывался во дворце, почему как из придворных, так и прочих знатных людей никто у него не бывал, а сему следуя и другие всякого звания люди его оставили; близ его дома ни одной кареты не бывало, а до того вся Миллионная была заперта экипажами, так что трудно было и проезжать. Княгиня Дашкова довела до сведения императрицы чрез сына своего, бывшего при князе дежурным полковником 43, о разных неустройствах в войске: что

слабым его управлением вкралась чума в Херсонскую губернию, что выписанные им итальянцы и другие иностранцы, для населения там пустопорожных земель, за неприготовлением им жилищ и всего нужного, почти все померли, что раздача земель была без всякого порядка и окружающие его делали много злоупотребления, и тому подобное; к княгине Дашковой присоединился А. Д. Ланской. Императрица не совсем поверила доносу на светлейшего князя и через особых, верных ей людей, тайно узнала, что неприятели ложно обнесли уважаемого ею светлейшего князя, как человека, [53] способствовавшего к управлению государством; лишила милости княгиню Дашкову, князю возвратила доверенность". Рассказав затем о назначении Потемкина президентом военной коллегии и фельдмаршалом, Энгельгардт продолжает: „Не прошло еще двух часов, как уже все комнаты князя были наполнены, и Миллионная снова заперлась экипажами; те самые, которые более ему оказывали холодности, те самые более пред ним пресмыкались" и проч. 44.

В 1785 году произошло возвышение Ермолова. Потемкин относился благосклонно к этому гвардейскому офицеру; но Ермолов, по словам графа Сегюра, как очевидца, старался вредить Потемкину в глазах Екатерины, обвиняя его, между прочим, в несправедливом обращении с несчастным бывшим крымским ханом Шагин-Гиреем. К Ермолову присоединились другие недоброжелатели князя, на которого посыпались доносы и поклепы. Потемкин, — как рассказывает французский дипломат далее, — гордый и надменный, не считал нужным оправдываться, покинул двор, находившийся в это время в Царском Селе, и переехал в Петербург, где он занимался устройством великолепных праздников для своих знакомых. Все ожидали опалы Потемкина; многие избегали встречи с ним; даже иностранные дипломаты большею частию изменили свое обращение с князем, между тем как Сегюр продолжал по-прежнему бывать у Потемкина. Сегюр даже начал открыто беседовать с ним об угрожавшей ему опасности. Князь возразил: „Неужели вы также ожидаете, чтобы я, после стольких оказанных мною услуг, унижался и уступал? Я знаю, про меня говорят, что я погибну. Не беспокойтесь: меня не погубит этот мальчик, и вообще нет никого, кто бы осмелился это сделать. Я слишком презираю моих врагов, чтобы бояться их», и проч. Между тем, — как сказано далее в «Записках» Сегюра, — Ермолов более и более начинал принимать участие в делах, и, [54] вместе с Шуваловым, Безбородкою, Воронцовым и Завадовским, заведывал государственным банком. Вдруг узнали об отъезде Потемкина в Нарву; его приверженцы потеряли всякую надежду. Но спустя некоторое время он возвратился в столицу, между тем как Ермолов был удален от двора и отправился путешествовать по западной Европе. В беседе с Сегюром Потемкин хвалился своим торжеством над всеми недоброжелателями 45.

В 1785 году Потемкин сопровождал Екатерину в путешествии, целью которого был смотр системы Вышневолоцкого канала. Многие подробности этой поездки не допускают сомнения в том, что князь в это время пользовался полным расположением императрицы 46. К апрелю 1786 года относится краткая записка Екатерины к Потемкину, отличающаяся тоном дружбы 47.

Позднейшие письма относятся к тому времени, когда Потемкин уже покинул столицу и спешил на юг, где он в 1787 году должен был встретить Екатерину. В ноябре она неоднократно писала к нему в тоне дружбы 48.

Во все это время императрица с самым напряженным вниманием следила за деятельностью Потемкина. Он был не только другом, но и сотрудником Екатерины. Не без основания она высоко ценила его ум, познания, рабочую силу. Его труды при управлении южною Россией и в области военной администрации казались ей в высшей степени полезными и важными для государства.

Примечания

1 Самойлов в „Русском Архиве", 1867, стр. 1205—1207.

2 „Сб. Ист. Общ.", XIX. 516 и 517. Подробности о возвышении Завадовского по желанию самого Потемкина в рассказе Гельбига („Minerva", 1797. III. 119 и след.) не заслуживают внимания.

3 „Р. Архив», 1867, стр. 1207.

4 „Il n'en est pas plus content". Васильчиков, „Семейство Разумовских», III. 48. Зато графиня Румянцева, упоминая в письме к мужу от 21 июня 1776 о поездке Потемкина в Новгород, не делает намека на немилость. См. ее письма, стр. 204.

5 „Сб. Ист. Общ.", XIX. 521.

6 „Minerva", 1797, III. 210—212.

7 См. Письмо Екатерины к Павлу в „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 105—107, где под страницу указано на поправки и добавления, сделанные Потемкиным.

8 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 101.

9 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 111. 120 и пр.

10 Грот, „Державин», VI. 529—535. Ввиду всего сказанного, мы не соглашаемся с замечанием Я. К. Грота на стр. 529, что обстоятельство удаления Потемкина вполне разъяснено в записках Самойлова и в монографии Гельбига. Оба они писали гораздо позже.

- 11 „Minerva", 1797, III. 214—215.
- 12 К сожалению, это письмо издано без числа; издателем поставлен на нем 1776 год. Слово „приезжий" может относиться к Потемкину, возвратившемуся из Новгорода в июле. „Г." вероятно значит „Государыня".
- 13 Так в подлиннике.
- 14 „Архив кн. Воронцова", XII. 11. Г. Листовский в „Р. Арх.", 1883, 91, относит эти слова не к Потемкину, а к Румянцеву. Издатель не занялся решением вопроса, о ком идет речь в данном месте.
- 15 Рассказ г. Листовского в составленной им биографии Завадовского в „Р. Архиве", 1883, III. 87—89 основан на слухах и догадках.
- 16 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 126.
- 17 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 126, 127, 128.
- 18 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 130.
- 19 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 134.
- 20 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 137.
- 21 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 138.
- 22 „Сб. Ист. Общ.", XXIII. 64, 73, 84.
- 23 „Сб. Ист. Общ.", XXIII. 100.
- 24 В ее письме к брату сказано: „En vérité je souffre, quand je vois si peu de fierté. Comment faire la cour à ce vilain aveugle et pourquoi? " Васильчиков, I. 367—368.
- 25 Diaries and correspondent of James Harris. I. 154.
- 26 Зап. Болотова, ч. III, стр. 812 и след.
- 27 „The court is entirely directed by Prince Potemkin, who continues to enjoy the first place" и пр. Геррис в сентябре 1779 г. I. 224.
- 28 Грот, „Державин», I. 379.
- 29 Arneth, „Maria Theresia und Ioseph II", III. 255.
- 30 „Сб. Ист. Общ.", XLII. 395.
- 31 Harris, I. 255—256.
- 32 „La cour de la Russie-il y a cent ans", 345—346.
- 33 Harris, I. 271.
- 34 Harris, I. 238.
- 35 Harris, I. 380.
- 36 Harris. I, 425. См. также стр. 438.
- 37 „Сб. И. Общ.", XXVII, 207—288.
- 38 Из собрания копий писем, находящемся в распоряжении г. Шубинского.
- 39 „Сб. И. Общ.", XXVII, 277.
- 40 „Сб. И. Общ.", XLII, 393 и 394.
- 41 „Сб. И. Общ.", XLII, 393 и 410.
- 42 „Сб. И. Общ.", XLII, 402, 405.
- 43 Об отношениях Потемкина к молодому Дашкову, см. Записки Дашковой в „Архиве князя Воронцова", XXI, 234, 261, 262, 377.
- 44 Записки Энгельгардта, 30—31.
- 45 Segur, Memoires, III, 397—402.
- 46 Напр. шутки в письмах к Гримму, „Сб.И.Общ.", XXIII, 342, 352—55.
- 47 „Сб. И. О.", XXVII, 367.
- 48 „Сб. И. О.", XXVII, 367, 373, 391, 396.

IV. Деятельность Потемкина до 1786 г.

И в качестве вице-президента военной коллегии и занимая должность новороссийского генерал-губернатора, Потемкин уже в семидесятых годах принимал участие в управлении делами. Множество докладов его по разным вопросам, весьма значительное число рескриптов, подписанных Екатериною, свидетельствуют о многосторонней деятельности князя в это время. Особенно часто в деловых бумагах этой эпохи говорится о крымских делах, о мерах колонизации на юге, о распоряжениях относительно войск около Крыма¹. Самойлов особенно хвалит меры, принятые Потемкиным в это время для приведения в надлежащее состояние нерегулярных казачьих войск на Дону².

Что касается вопросов внешней политики, то Потемкин, за время заведывания Панина этою частью, не играл в этом отношении особенно важной роли. Иностранные державы, зная расположение императрицы к Потемкину, всячески старались задобрить влиятельного царедворца, значение которого росло по мере того, как граф Панин мало-помалу лишался доверия и расположения Екатерины. Трудно определить, насколько рассказы о стараниях [56] разных держав подкупить Потемкина заслуживают доверия. Рассказывали напр. что австрийский двор в то время, когда был поднят вопрос о баварском наследстве, чрез графа Кауница велел передать Потемкину значительную сумму денег. Даже Гельбиг, упоминая об этом слухе, замечает, что, при громадном богатстве князя, Австрия едва ли располагала достаточными средствами, чтобы этим способом повлиять на Потемкина и чрез него на Екатерину³. Как уже было замечено нами раньше, около этого же времени ходили слухи, будто бы Фридрих Великий предлагал Потемкину герцогство Курляндское⁴. Одновременно с тем, как Англия во что бы то ни стало старалась помешать России в проведении мысли о так называемом вооруженном нейтралитете, ходили слухи о громадных суммах денег, истраченных лондонским кабинетом, чтобы подкупить князя Потемкина; однако другие современники сомневались в достоверности этих слухов⁵. Словом, никаких сколько-нибудь достоверных известий об этом не сохранилось. К тому же, при полной самостоятельности, которою отличался образ действий Екатерины в области внешней политики, подкуп вельможи можно было считать делом лишним и нецелесообразным, тем более, что, как видно между прочим из донесений Герриса, Потемкин не имел достаточного влияния на дела и не мог служить полезным орудием иностранным державам.

Трудно сказать также, насколько Потемкин около 1780 года содействовал сближению России с Австрией. Энгельгардт рассказывает в своих «Записках», что Екатерина, решаясь на союз с Иосифом II, в беседе с Румянцевым, не одобрявшим этой политики, ссылалась на мнение Потемкина; Румянцев, сказано у Энгельгардта, заметил: «Государыня, вам не нужно ни от кого принимать советов: [57] свой ум — царь в голове» и проч.⁶ Но справедливость этих сообщений подлежит большому сомнению. Столько же неосновательно предположение Гельбига, что Потемкин был виновником путешествия императрицы в Могилев, где она встретилась с императором Иосифом II⁷. Во время пребывания Потемкина в Москве вместе с Иосифом II он избегал говорить с ним о политических делах⁸. На императора он произвел гораздо более впечатление царедворца, чем замечательного государственного деятеля. За то после возвращения в Петербург князь неоднократно беседовал с австрийским послом Кобенцем в видах сближения Австрии с Россией⁹. В Могилеве князь не играл особенно выдающейся роли. Завадовский, насмехаясь, писал из Могилева 29 мая 1780 года к С. Р. Воронцову: „Полк свой учил для императора князь Потемкин, которого везде вижу херувимом»¹⁰. Во время пребывания принца Фридриха-Вильгельма в Петербурге Потемкин не говорил с ним о делах, и мог выказать свой взгляд на отношение России к Пруссии разве только холодною обращением с племянником прусского короля, невниманием к высокому гостю. «Князь Потемкин», доносил Геррис, «нисколько не старается угодить принцу и обращает на него не более внимания, чем требует необходимость». Дальше: «Отъезд князя Потемкина (на охоту) должен считаться, по справедливости, признаком неуважения к принцу прусскому». Наконец: «Князь Потемкин не хотел дозволить своей племяннице устроить для принца вечер и проч.¹¹ Несмотря на эти указания, все же нет никакого основания верить [58] утверждениям Гельбига, будто бы не кто иной как Потемкин был виновником холодного приема, оказанного прусскому принцу Екатериною¹².

Во время пребывания великого князя Павла Петровича во Флоренции он в беседе с герцогом тосканским, Леопольдом, говорил, что русские сановники подкуплены венским двором, и между ними первым назвал Потемкина¹³. С другой стороны именно в это же время ходили слухи о раздражении Потемкина против Иосифа II, когда возникли кое-какие затруднения при заключении договора между Австрией и Россией в 1781 году¹⁴.

Некоторые дипломаты, как напр. Геррис и Сегюр, часто беседовавшие с Потемкиным о делах, хвалили его способности и, как кажется, были довольны его открытым и честным образом действий. Геррис с Потемкиным говорил более откровенно, чем с Остерманом или Паниным¹⁵. В свою очередь Потемкин в беседе с Безбородкою называл Герриса „человеком коварным, лживым и весьма непохвальных качеств»¹⁶. Даже и тогда, когда Потемкин находился на юге России и был занят устройством вверенного ему края, он подробно знал о состоянии отношений России к другим державам. В письмах Екатерины к князю все эти вопросы занимают весьма видное место. В своих ответах Потемкин сообщал императрице свои соображения. Но все же напрасно некоторые современники приписывали князю чрезмерное влияние на

внешнюю политику. По рассказу Гельбига и союз России с Австрией и поездка императрицы в Фридрихсгам для свидания с Густавом III и вмешательство России в дела Германии по поводу образовавшегося там так называемого княжеского [59] союза — все это было делом почина Потемкина 17. Такой взгляд на деятельность князя не соответствует фактам. Западная Европа, вообще говоря, интересовала князя настолько, насколько с нею были связаны дела восточного вопроса. Бывали, впрочем, случаи, в которых Потемкин чрезвычайно зорко следил за событиями в том или другом государстве. Неоднократно он старался вмешиваться в дела Польши 18. В 1784 году им была составлена записка о мерах на случай войны с Швецией 19. В заключении торгового договора с Францией в 1786 году он принимал деятельное участие, как видно из записок Сегюра, из писем Безбородки и проч. 20. Во время нерасположения императрицы к Англии Потемкин скорее был склонен к союзу с этою державою, нежели к сближению с Францией 21. Если бы сохранились и были изданы все письма Потемкина к Екатерине, мы могли бы составить себе гораздо более точное понятие об участии князя в делах внешней политики. Из писем императрицы к князю видно, что он часто и подробно писал ей о предметах внешней политики. В письме князя к Безбородке от 30 июля 1783 г. из Карасубазара сказано между прочим: „Мысли мои в рассуждение противovesия Бурбонским дворам; союз с Англиею, который чем теснее, тем полезнее России, ибо Франция открыла свое доброхотство и что она наипаче желает Россию поставить как державу без действия. Вообразите, как бы она зачала давать законы, если б усилилась; нам нужна морская держава, так как и она дознала нужду в союзе нашем. Против истины сей говорить нечего, и если Государыня решиться изволит, то увидите, чего мы не [60] сделаем. По сему уведомите меня, в каком положении дела заграничные... Нужно нам снабдиться флотом; тогда воля Божия" и пр. 22.

Главным предметом внимания Потемкина в области политики был восточный вопрос, отношение России к татарам и туркам. Участие в турецкой войне было эпохою приготовления к той деятельности, которой он посвятил себя после Кучук-Кайнарджийского мира. Расширение границ России на юге, устройство новозаятых провинций, присоединение Крымского полуострова, сокрушение Оттоманской Порты, полное торжество России над исламом — вот главные предметы забот Потемкина до его кончины. Самойлов рассказывает, что он еще во время первой турецкой войны неоднократно вспоминал о подвигах первых русских государей — Олега и Игоря в борьбе с Царьградом, сравнивал татар с половцами, давно составил план отделения татар от турок, приведения Крыма под власть России, занятия Очакова, постройки на юге русских крепостей, проведения линии укреплений на Кавказе и проч. 23 Несомненно, что Потемкин, сделавшись другом и сотрудником Екатерины, часто с нею беседовал об этих задачах внешней политики России. Начиная с 1776 года явилось множество рескриптов императрицы к князю, в которых идет речь о приведении в исполнение начертанной им программы. Точно также и в частных письмах Екатерины к Потемкину постоянно встречаются относящиеся к этому предмету замечания.

В особенной записке Потемкин изложил свои мысли обо всем этом 24: «Крым», — говорится в этой записке, — «положением своим разрывает наши границы. Нужна ли [61] осторожность с турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всех сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешним туркам неприятен: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите теперь, что Крым ваш и что нет уже сей бородавки на носу, — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубанской сверх частых крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несомнительна, мореплавание по Черному морю свободное, а то извольте рассудить, что кораблям вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще вдобавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах. Всемиловнейшая Государыня! неограниченное мое усердие к вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику; Цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собою Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить вас не может, а только покой доставит. Удар сильный — да кому? Туркам: это вас еще больше обязывает. Поверьте, что вы сим приобретением бессмертную славу получите и такую, какой ни один Государь в России еще не имел. Сия слава положит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море; от вас зависеть будет запираť ход туркам и кормить их или морить с голоду. Хану пожалуйте в Персии, что хотите, — он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешнюю зиму, и жители охотно принесут о сем просьбу. Сколько славно приобретение, столько [62] вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждом хлопотах так скажет: вот она могла, да не хотела или упустила. Если твоя держава кротость, то нужен в России рай. Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления».

Можно думать, что эта записка очень понравилась императрице. Программа, составленная Потемкиным, была исполнена. Уже в 1776 году князь, руководствуясь секретнейшими предписаниями Екатерины, содействовал занятию Перекопской линии Румянцевым. Постоянно князь распоряжался войсками около Крымского полуострова; он же занимался колонизацией Азовской губернии 25, чрез него Екатерина

предписывала Стахиеву в Константинополе, как должно было трактовать с турками; ему она писала уже в конце 1777 года о необходимости приготовления к войне; ему она в 1778 году приказывала распорядиться о постройке кораблей на Днепре, адмиралтейства на Лимане, города Херсона; ему она предписывала принять меры против набегов кабардинцев в 1779 году, а также и против волнений в Крыму в 1782 году и проч. 26. Можно считать вероятным, что многие рескрипты Екатерины, относящиеся к этим делам, были результатом докладов Потемкина.

Таким образом, уже в семидесятых годах Екатерина с Потемкиным были заняты так называемым „греческим проектом“, виновником которого считался князь 27. Геррис доносил в 1779 году, что Потемкин „заразил“ императрицу своими идеями об учреждении новой византийской империи 28. Ему приписывали проект медали, выбитой [63] по случаю рождения великого князя Константина Павловича 29.

На этой медали изображены Софийский храм в Константинополе и Черное море, над которым сияет звезда 30.

Свои мысли Потемкин проводил и в переписке с другими сановниками 31, и в заседаниях государственного совета 32, и в беседах с Екатериной. Одновременно он заботился как о присоединении Крыма к России, так и о приведении в подданство России царя грузинского Ираклия.

Весною 1782 года Потемкин сам был на юге, откуда писал императрице подробно о состоянии дел 33.

Осенью этого же года он писал Екатерине из Херсона. Она отвечала: „Не блистающее состояние Очакова, которое ты из Кинбурна усмотрел, совершенно соответствует попечению той империи об общем и частном добре, к которой по сию пору принадлежит; как сему городишку нос подымать противу молодого Херсонского колосса! С удовольствием планы нового укрепления Кинбурна приму и выполнение оного готова подкрепить всякими способами... Для тамошнего строения флота плотников я приказала приискать, а сколько сыщется, тебе сообщу“ 34.

Поддерживая в Крыму русскую партию, князь сообщал императрице о всех событиях. Им же заранее был составлен манифест от имени императрицы, которым татары призывались к присяге. В апреле 1783 года он явился в Херсон, откуда сделал последние распоряжения для занятия Крыма. Переговоры с ханом Шагин-Гиреем привели к желанной цели. Переписка Потемкина с императрицей в это время была особенно оживленною. Еще в конце 1782 года она писала ему, что настала самая удобная пора для решительных действий и нужно начать с занятия Ахтиарской гавани 35. Геррис писал около этого [64] времени:

„Потемкин желает овладеть Очаковым; очевидно, существуют самые широкие планы относительно Турции, и эти планы доходят до таких размеров, что императрице приходится сдерживать пылкое воображение Потемкина“. «Он просил», — сказано в другом донесении Герриса, — „об усилении артиллерии в южной России, так как он намерен в ближайшем будущем приступить к осаде Очакова“ 36.

Осенью 1783 года Грейг составил записку о нападении на Дарданеллы; к ней Потемкин прибавил некоторые замечания 37. Современники считали вероятным, что Потемкин мечтал о каком-то крымском царстве для себя 38. До настоящего времени сохранилось мнение, что Потемкин „мечтал, при поддержке императрицы, получить греческую ворону“ 39. Такие предположения не подтверждаются никакими документальными свидетельствами.

Из некоторых сохранившихся писем Потемкина к императрице 40, Булгакову 41 и другим видно, как многостороння была его деятельность в 1783 году. Летом он тяжело заболел. Завадовский писал 19 сентября к графу С.Р. Воронцову: „В Крыму будучи, кн. Потемкин получил горячку: она так сильна была, что он соборовался маслом, исповедался и причастился. В горячке он и христианской веры обряды хранит. Однакож он выздоровел. В болезни перевезли его в Кременчуг“ и пр. 42. В Петербурге ходили слухи о безнадежном положении князя. Рассказывали, будто Екатерина отправила на юг офицера с поручением запечатать, в случае кончины Потемкина, все его бумаги 43. [65]

Так как Потемкин летом 1783 года писал редко, императрица не совсем была довольна им. Из Царского Села она писала 15 июля: „Ты можешь себе представить, в каком я должна быть беспокойстве, не имея от тебя ни строки более пяти недель; сверх сего, здесь слухи бывают ложные, кои опровергнуть нечем. Я ждала занятия Крыма по крайнем сроке в половине мая, а теперь и половина июля, а я о том не более знаю, как и папа римский; сие неминуемо производит толки всякие, кои мне отнюдь не приятны: я тебя прошу всячески, уведомляя меня почаще, дабы я могла следить за течением дел; природная деятельность моего ума и головы измышляет тысячи мыслей, которые часто мучат меня“. Узнав об успешном окончании крымского дела, она писала князю: „Прямо ты друг мой сердечный. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурят, а мы дело делаем«. В письме от 31 августа сказано: „Ожидала ли я, чтоб ты всекрайне опечалил меня известием о твоей опасной болезни... Просила я тебя, да и прошу ради самого Бога, и естли меня любишь, приложи более прежнего старание о сбережении драгоценного твоего для меня здоровья... Браниться с тобою и за то хочу, для чего в лихорадке и в горячке скачешь повсюду; теперь крайне буду беспокойна, пока отпишешь что каков«. В сентябре она писала: „Друг мой сердечный, я об тебе в крайнем беспокойстве, и для того посылаю нарочного курьера. чтоб узнать, каков ты? От посторонних людей слышу, что маленько будто лучше тебе“ 44.

Присоединение Крыма к России легко могло иметь следствием столкновение между Россией и Портою. Уже в 1783 году ожидали разрыва. Недаром Потемкин все время переписывался с Булгаковым. Именно в то

время, когда состоялось занятие Крыма, Булгаков писал Потемкину о настроении умов в Константинополе, о появлении какой-то книги, в которой заключалось пророчество неминуемо предстоявшего [66] крушения Турецкой империи 45. Любопытно, что Потемкин скоро после присоединения Крыма к России мечтал о поездке в Константинополь и писал о своем намерении Булгакову. Последний не советовал князю посетить Турцию. В его письме от 15 (26) марта 1784 года сказано: „Здесь почитают вашу светлость нашим верховным визирем. Прибытие ваше сюда не может быть утаено и произведет суматоху в народе, коей и поныне еще Сераль и Порты опасаются, ибо думают, что духи еще не успокоились" и проч. 46.

Около этого времени, не только крымские дела, но и все части турецкой монархии обращали на себя внимание Потемкина. Он знал обо всем, что происходило в Дунайских княжествах и на Кавказе. Всюду он имел своих агентов, с которыми вел переписку 47. С Булгаковым он переписывался о заключении турецко-русского торгового договора, с Павлом Потемкиным — о делах Грузии 48; академик Паллас составил по желанию Потемкина проект учреждения военных колоний на Кавказе 49; о персидских делах князь переписывался с Безбородкою 50 и пр. Во все это время он очень часто бывал в дороге. Занимаясь управлением южной Россией, он часто ездил в столицу. Приехав в Петербург в конце 1783 года, он уже в марте 1784 года снова покинул столицу. Сообщая об отъезде Безбородко в письме к А.Р. Воронцову замечает: „Он полагает первые четыре или пять месяцев года всегда проживать в своих наместничествах» 51. В июле этого же года он опять был в Петербурге 52. Около этого же времени [67] была речь о путешествии Потемкина в Италию, чему, однако, не суждено было осуществиться 53. Осенью 1785 г. он собирался ехать на Кавказскую линию 54. В 1786 году он, побывав в столице, осенью отправился на юг, куда собиралась ехать немного позже императрица. На пути туда он побывал в Риге, где ему был оказан самый торжественный прием 55.

В качестве президента военной коллегии и фельдмаршала Потемкин во все это время занимался администрацией войска. Безбородко писал о нем в 1784 году: „По военной коллегии не занимается он кроме секретных и самых важных дел, дав скорое течение прочим» 56. „Потемкин ворочал военную частью", — писал о нем впоследствии Завадовский 57. Он был, так сказать, военным министром. Фельдмаршалом он сделался в начале 1784 года 58. Важные реформы его в военном деле относятся к 1783 и 1784 годам. В подробной записке он изложил свой взгляд на технику обучения солдат, на их одежду, уборку волос и пр. Тут развиваются мысли о большей свободе, о сбережении сил и времени военных, о гуманном обращении с солдатами. Он ратовал против „вредного щегольства, удручающего тело"; встречаются очень дельные замечания об истории одежды и вооружения солдат; князь между прочим резко порицает „педанство" иностранных офицеров. „Им казалось", — писал он, — „что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и проч. Занимая же себя такою дрянью, они не знают самых важных вещей". Дальше сказано: „Завивать, пудриться, плести косы — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен [68] согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал и готов» 59. Все это изложено весьма подробно; указание на частности свидетельствует о полном знакомстве с делом. В этом смысле были проведены реформы, которыми восхищались современники. Самойлов хвалит „внимание князя об искоренении жестоких наказаний, попечение его об обогащении солдатских артелей и об устройении лазаретов» и проч. „Солдаты русские," — говорит он далее, — „никогда не забудут того, что князь Григорий Александрович острижением волос избавил их от головных болезней, от лишних напрасных издержек для мазания пудреной головы" 60. Довольны были этими нововведениями также и другие современники 61. Даже граф С.Р. Воронцов, вообще очень резко осуждавший деятельность князя, хвалит его за введение удобного и соответствующего климату обмундирования войска 62. Державин одобрял введение князем легких сапожков — ботин 63. Солдаты сочинили песню о перемене солдатской прически: „Дай Бог тому здоровье, кто выдумал сие; виват, виват, кто выдумал сие" и проч. 64. Энгельгардт рассказывает в своих записках, что один гренадер говорил по случаю кончины Потемкина: „Покойный его светлость был нам отец, облегчил нашу службу: довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети" и проч. 65. Менее довольны Потемкиным были офицеры, как видно из следующей записки князя к Суворову, найденной в бумагах последнего (без числа): «Сведал я, что офицеры [69] ваши разглашают, что они не могут ни в чем угодить, забывая, что если бы они делали, что других полков делают, то бы они равно сим угождали. То и извольте им сказать, что легкий способ все кончить: отстать мне от них и их кинуть, предоставляя им всегда таковыми остаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и без них государственною обороною» 66.

Впрочем, были слышны и чрезвычайно неблагоприятные отзывы о военной администрации Потемкина. Граф С.Р. Воронцов сильно порицал чрезмерное обращение внимания князя на конницу 67. После кончины Потемкина Безбородко писал о „воинском хаосе", находя „более всего странную страсть князя к казакам, которая до того простиралась, что он все видимое превращал в это название" 68. В среде иностранцев находили, что нововведения Потемкина повредили дисциплине в войске 69. Саксонский дипломат Сакен доносил своему правительству о страшном беспорядке, яко бы господствовавшем в военной администрации вследствие небрежности Потемкина 70. Ходили слухи о неудовольствии Алексея Орлова, Румянцева и других лиц по поводу мер принятых князем, и разных злоупотреблений 71. Особенно резко

осуждал военную организацию Потемкина князь Кочубей, обращая главное внимание на распущенность солдат, развившуюся вследствие мер Потемкина и необдуманного формирования им новых и новых полков конницы 72. Граф С.Р. Воронцов писал из Пизы своему брату в 1785 году. „Князь Потемкин, даром что [70] он военный министр, ничуть не годится для этой должности; он вздумал сооружать крепости при помощи нехороших топографических карт; таким образом был построен Херсон, таким образом сооружена Моздоцкая линия укреплений; напрасно специалисты, люди знающие старались убеждать князя в невозможности такого образа действий; он считал себя Вобаном и верил безусловно в свою способность к математике" 73.

Очень невыгодно отзывался о деятельности князя в качестве военного администратора князь Ю.В. Долгорукий, в записках которого сказано: „По вытеснении графа Чернышева Потемкин сделался президентом военной коллегии. В начальство Чернышева армейские дела шли можно сказать по музыкальным нотам, а Потемкин в армии все расстраивал по разным преобразованиям (sic) войск. Гусарские полки, кои были всегда очень хороши, переделал в легкоконные". Затем князь Долгорукий рассказывает, как эти легкоконные полки находились в расстройстве, но как он, получивши командование над ними, привел их в хорошее состояние и как эти полки, показанные Екатерине в Кременчуге в 1787 г., понравились императрице 74.

Адмирал Чичагов заметил в 1805 году, что именно Потемкин внушил императрице Екатерине убеждение в необходимости содержания сильного флота; при этом князь обвиняется им в том, что флот должен был служить лишь орудием княжеского честолюбия 75. Современники, приверженцы Потемкина, удивлялись опытности и знанию дела, которые он обнаруживал по этой части вверенной ему администрации 76. Сооружение флота на Черном море обуславливалось наступательными действиями России против Турции в это время. В разных местах были построены верфи. В Херсоне Потемкин завел морской кадетский корпус и [71] училища штурманское и корабельной архитектуры 77. Основание Севастопольской гавани было эпохой в истории русского флота 78. Об этом предмете князь переписывался с императрицею. В одном из его писем, в котором он просит ее позаботиться о доставлении флотских офицеров и матросов, между прочим сказано: „Прикажете отрядить хороших, а то что барыша, когда в новое место нашьют дряни. Ежели бы приказали великому князю, как генерал-адмиралу, сей наряд сделать, сказавши, что ваша воля есть чтоб люди были годные, то бы конечно разбор был лучший. Я, матушка, прошу воззреть на здешнее место, как на такое, где слава твоя оригинальная и где ты не делишься ею с твоими предшественниками; тут не следуешь по стезям другого" 79. Спустив первый корабль с Херсонской верфи, Потемкин сообщил императрице, что намерен назвать его, «Слава Екатерины». „Это наименование", писал он, „я берусь оправдать и в случае действительном» 80. Она отвечала: „Пожалуй не давай кораблям очень огромные имена, чтобы слишком знаменитые имена не стали бы в тягость, и чтобы не было слишком затруднительно выполнить им подобную карьеру; впрочем, как хочешь с именами; держи узду в руках, потому что лучше быть, чем казаться и не быть" 81. Потемкина не раз затем обвиняли в том, что флот им построен слишком наскоро и при этом был употреблен негодный материал 82; тем не менее нельзя не отдавать ему справедливости в том, что созданный им флот успешно сражался с турецким; значит, оказался не совсем негодным. [72]

„Лучше быть, чем казаться", — писала Екатерина. Этого правила не всегда придерживался Потемкин при постройке новых городов в вверенных ему наместничествах. Екатерина называла, как мы видели выше, учрежденный в 1778 году город Херсон „молодым колоссом"; между тем это новое создание Потемкина вовсе не заслуживало такого громкого имени. Город, впрочем, развивался быстро. Хемницер, бывший там проездом в 1782 году, на пути в Константинополь, не мог надивиться быстрому возрастанию и украшению его 83. Уже в 1776 году туда был определен архиепископом грек Булгарис, польстивший Потемкину переводом на греческий язык стихов Петрова, сочиненных в честь князя 84. В Херсоне Потемкин бывал очень часто и руководил происходившими там работами, на которые тратились громадные суммы. Развитие города было задержано, между прочим, чумою, которая свирепствовала в нем два года 85; Самойлов говорит по этому поводу: „Предположение Потемкина было, чтобы сделать сей город знаменитым и толико же цветущим, каков был древний Херсон в Херсонесе Таврическом... Григорий Александрович предполагал произвести на этом месте то, что Петр Великий произвел на зыбком грунте в Петербурге... Чрез два года по основании уже в Херсон приходили корабли и отправлялись с грузом и под российским флагом. Народ стремился со всех сторон и обогащался. Иностранцы завели коммерческие дома" 86. Но фактическое развитие Херсона не соответствовало панегирическому тону в рассказе племянника князя. Херсон не сделался вторым Петербургом.

Особенно рельефно выступает разница между предначертаниями [73] и успехами Потемкина при основании Екатеринослава — города, предназначенного для возведения всему свету славы императрицы. Уже в начале восьмидесятых годов императрица, между прочими распоряжениями по устройству Екатеринославской губернии, приказала Потемкину избрать место для постройки города по правой стороне Днепра 87, а в 1784 году повелено было учредить университет в Екатеринославе 88. В начале 1785 года явилось множество рабочих на том месте, где предполагалось строить город. В донесении князя императрице от 4 и 6 октября 1786 года указывается на значение Екатеринослава и богатство всего края,

говорится о необходимости устроить там университет и выражается надежда, что „по соседству Польши, Греции, земель Волошской, Молдавской и народов иллирийских, множество притечет юношества обучаться" 89. Далее сказано, что «следует выстроить храм в подражание храма св. Петра в Риме, в знак, что страна сия из степей бесплодных преобразена попечениями вашими в обильный вертоград и обиталище зверей в благоприятное пристанище людям, из всех стран текущих». Затем Потемкин предлагает построить «судилище на подобие древних базилик», «лавки полукружием наподобие Пропилей или преддверия Асинского», с биржей и театром посередине. Кроме того, Потемкин предполагал учредить «музыкальную академию или консерваторию», двенадцать фабрик — шерстяную, шелковую, суконную и проч. Ко всему этому он прибавил, что для всех предполагаемых зданий уже заготовлено довольно строительных материалов 90. Относительно университета «немедленно были приняты меры для его устройства. Предполагали строить обсерваторию, жилища для профессоров и студентов. Уже в 1785 году назначено было жалованье университетским [74] наставникам (20,178 рублей), учреждена была университетская канцелярия и приглашены были некоторые преподаватели. Знаменитый композитор Сарти был определен директором музыкальной консерватории с жалованьем 3,500 рублей и разными другими доходами. Громадные суммы были ассигнованы на устройство университета и на постройку города. Учреждены были строительные комиссии. Город должен был иметь пространство в 300 квадратных верст, выгонной земли для пастбища городского скота предназначалось до 80,000 десятин, улицы должны были иметь ширину в 30 сажень.

На заведение одной чулочной фабрики назначено было 340,000 рублей; из этой суммы истрачено было 240,000 р. на постройку 200 изб для мастеровых 91. На чулочной фабрике, которую успели устроить в Екатеринославе, были, как рассказывают, приготовлены шелковые чулки до того тонкие, что они вложены были в скорлупу грецкого ореха и поднесены Екатерине. Великолепный дом Потемкина отделали совершенно. При доме был сад с двумя оранжереями: одна ананасовая, другая — из лавровых, померанцевых, лимонных, апельсиновых, гранатных, финиковых и других деревьев 92. Церковь должна была иметь 71 сажень длины, 21 сажень ширины; проект вида собора был составлен итальянцем Моретти 93.

Результаты всей этой деятельности не соответствовали надеждам и намерениям Потемкина. Желая превратить южную Россию в богатый край, покрытый садами, изобилующий городами, селами, отличающийся производительностью, густым населением и проч., — князь не мог достигнуть этой цели. Из огромного числа деловых бумаг и писем канцелярии Потемкина видно, как многостороння и неусыпна была его деятельность по управлению южною Россией; но вместе с тем, в ней очевидны лихорадочность, поспешность, [75] самообольщение, хвастовство и стремление к чрезмерно высоким целям. Приглашение колонистов, закладка городов, разведение лесов, виноградников и шелководства, учреждение школ, фабрик, типографий, корабельных верфей — все это предпринималось чрезвычайно размахисто, в больших размерах, причем Потемкин не щадил ни денег, ни труда, ни людей. Но, к сожалению, многое было начато и брошено; другое с самого начала оставалось на бумаге; осуществилась лишь самая ничтожная часть смелых проектов 94.

История учреждения Николаева немного позже походит на историю начала Херсона и Екатеринослава. И тут кипучая деятельность, множество ордеров, трата весьма значительных сумм денег — не повели к особенно важным результатам. И тут число рабочих доходило до нескольких тысяч; Потемкин мечтал о заведении аптекарского сада в больших размерах, об устройстве мастерских для снабжения флота соленым мясом и консервами из овощей, пильных мельниц, образцовых сельскохозяйственных ферм и проч. 95. Однако новый город произвел самое неблагоприятное впечатление напр. на врача Дримпельмана, посетившего его в 1788 году. Город составляли отдельные хижинки из тростника или жилища, выкопанные в земле; гигиенические условия были ужасны. Впрочем, Дримпельман замечает, что постройка нового города „шла вперед с изумительною быстротою", и в течение года было выстроено более полутора десятков домов. Лес и другие строительные материалы доставлялись в изобилии на казенный счет по Бугу и продавались весьма дешево желавшим поселиться в новом городе 96.

Иностранцы, не расположенные к Потемкину, находили, что все эти работы, происходившие под руководством князя, [76] обходились казне слишком дорого. Миллионы, истраченные князем на администрацию в Крыму, оказались далеко невыгодною капитализацией. Некоторые авантюристы-спекуляторы сумели при таком случае действовать в свою пользу. Купец Антуан, пользовавшийся покровительством графа Сегюра и Потемкина, занимался контрабандною торговлею 97. Граф С.Р. Воронцов, бывший посланником в Англии, сильно порицал намерение Потемкина заселить Крым преступниками и каторжниками из Англии, и от себя принял меры, чтобы воспрепятствовать приведению в исполнение такого странного и оскорбительного для достоинства России намерения. Он представил императрице всю несообразность и нелепость этого проекта; императрица вполне убедилась в нелепости затеи князя. Потемкин, задетый за живое таким образом действий Воронцова, никогда не мог простить ему этой помехи 98. Чрезвычайно резко обвиняли Потемкина в невнимании к интересам переселенцев, которых он разными обещаниями старался привлечь в Крым 99. Ходили слухи о чем-то вроде набора по всей империи нескольких тысяч девушек, которых Потемкин хотел выдать замуж за колонистов в Крыму;

рассказывали о страшных притеснениях, заставлявших не только прежних жителей Крыма, татар, но и прибывших туда греков спасаться в Турцию и проч. 100.

Но, несмотря на все это, было бы несправедливо бросить тень на всю вообще административную деятельность Потемкина.

Беспристрастные современники умели ценить признаки прогресса, совершавшегося на юге в это время. Так, напр., следующее письмо Кирилла Григорьевича Разумовского к [77] Ковалинскому, от 22 июня 1782 года, заслуживает полного внимания. Совершив путешествие на юг, бывший гетман писал: „В сделанном мною в Херсоне вояже я ощущал особенное удовольствие, ибо неточию в путешествии сем не имел никакого беспокойства, но зрение мое беспрестанно занималось приятным удивлением, поколику на самой той ужасной своею пустотою степи, где в недавнем времени едва кое-где рассеянные обретаемы были ничего не значащие избышки, называемые от бывших запорожцев зимовниками, на сей пустоте, особенно по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга, нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и не далее 30, большею же частью при обильных водах. Что принадлежит до самого Херсона, то, кроме известного великолепного Днепра, северный берег которого здесь оным населяется, представьте себе множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость, замыкавшую в себе цитадель и лучшие строения, адмиралтейство с строящимися и построенными уже кораблями, обширное предместье, обитаемое купечеством и мещанами разнородными с одной стороны, казармы, около 10,000 военнотружущих в себе вмещающие, с другой. Присовокупите к сему почти перед самым предместием и видоприятный остров с карантинными строениями, с греческими купеческими кораблями и с проводимыми для выгод сих судов каналами. Все сие вообразите и тогда вы не удивитесь, когда вам скажу, что я и поныне не могу выдти из недоумения о том скором возвращении на место, где так недавно один токмо обретался зимовник. Не говорю уже о том, что сей город, конечно, в скорости процветет богатством и коммерциею, сколь то видеть можно из завидного начала оной. Херсон для меня столь показался приятен, что я взял в нем и место для постройки дома, на случай, хоть быть там некогда и согражданином. Скажу вам и то, что не один сей город занимал мое удивление. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый-Кондак, лепоустроенный Екатеринославль. [78]

К тому же присовокупить должно расчищенные и к судоходству удобными сделанные Ненасыткинские пороги с проведенным и проводимым при них с невероятным успехом каналом, равно достойны всякого внимания и разума человеческого" и проч. 101.

Такой отзыв доказывает, как осторожно нужно относиться к сочинениям в роде биографии Потемкина Гельбига, где просто осмеяна административная деятельность князя. Любопытно, что тот самый французский писатель, который в 1808 году воспроизвел в сущности сочинение Гельбига, в той главе, где говорится об управлении Потемкиным южною Россией, не соглашаясь с мнением автора монографии, помещенной в журнале „Minerva", смягчил отзывы о вреде мер, принятых князем, указал на затруднения, с которыми приходилось бороться Потемкину, и похвалил результаты его деятельности 102.

Писателям-памфлетистам вроде Гельбига, иностранным дипломатам, вообще любившим хулить все виденное ими в России, не могли быть известны частности деятельности Потемкина. После того, как было опубликовано множество деловых бумаг, относящихся к этому предмету, резкие отзывы о князе оказываются совершенно несправедливыми. Просматривая переписку Коховского с Потемкиным или с Поповым, письма Синельникова к князю, письма Потемкина к Фалееву и пр., мы можем составить себе понятие о том, в какой мере князю принадлежит почин во многом, насколько он заботился о реформах и старался быть полезным краю.

Императрица, разумеется, знала о работах Потемкина и поэтому ценила его деятельность, хотя, быть может, она и придавала слишком большое значение результатам его управления. К тому же нельзя не признать, что князь располагал громадными суммами, пользовался неограниченным кредитом и, как будет объяснено ниже, только в виде [79] исключения отдавал отчет в истраченных им миллионах. Правда, стремления князя не всегда имели успех; грандиозные его проекты большею частью оставались проектами. Если, однако, принять во внимание всю трудность и сложность административных задач вообще, если вспомнить о диком состоянии края, где трудился Потемкин, то нельзя не относиться снисходительно с некоторым промахом, сделанным князем, и к сравнительно скромным результатам, достигнутых им.

Примечания

1 См. напр. „Сб. И. Общ." XXVII, 1-130.

2 „Р. Арх.", 1867, стр. 1230.

3 „Minerva", 1797, III, 460.

4 Harris, I, 260 (первое издание) и „Minerva", 1797, III, 461.

5 Zinkeisen, „Geschichte des osmanischen Reiches", VI, 255. „Minerva", 1797, IV, 111-112.

6 Энгельгардт, 19. Также рассказ у Блюма, „Ein russischer Staatsmann", II, 340, основан на одних предположениях, не поддерживаемых фактическими данными.

7 „Minerva", 1797, III, 464.

- 8 Arneth, „Maria Theresia und Joseph", III, 263-264.
- 9 Arneth, III, 269, 270, 284.
- 10 „Арх. Кн. Воронцова", XXIV, 159. О столкновении Потемкина с гр. 3. Чернышевым в Могилеве см. Зап. Энгельгардта 20 и Зап. Добрынина в „Русской Старине", IV, 117.
- 11 Harris, I, 330-337 (первое издание).
- 12 „Minerva", 1797, III, 467.
- 13 Arneth, „Joseph II und Leopold von Toscana", Wien. 1872, 765-772 у Григоровича в биографии Безбородки — „Сб. И. Общ.", XXVI, 83.
- 14 „Minerva", 1797, IV, 119, где сказано о переписке между Иосифом и князем по этому поводу.
- 15 „Арх. кн. Вор.", XIII, 2.
- 16 „Сб. И. Общ.", XXVI, 109.
- 17 „Minerva", 1797, IV, 298, 1798, I, 357 и пр.
- 18 См. напр. карикатуру, о которой говорится в соч. Гельбига, „Minerva", 1798, I, 35.
- 19 „Сб. И. Общ.", XXIX, 515-516.
- 20 „Сб. И. Общ.", XXVI, 110. „Minerva", 1798, II, 164.
- 21 „Арх. кн. Вор.", XIII, 68, 72, 76, 95, 177.
- 22 Из рукописной коллекции бумаг, обязательно сообщениях мне С. Н. Шубинским и из других писем Потемкина к Безбородке видно, сколь деятельно он занимался такими вопросами.
- 23 „Рус. Арх.", 1867, 1009-1014.
- 24 См. Соловьева „Падение Польши", 156-157. Трудно понять, как наш знаменитый историк мог сообщить столь важный документ без обозначения времени, к которому он относится.
- 25 „Зап. Од. Общ.", VIII, 210.
- 26 „Сб. Ист. Общ.", XXVII, 120, 124, 137, 140, 145, 152, 153-155, 166, 177, 207-288. Множество писем Потемкина и к нему напечатано в последнее время в издании Дубровина „Присоединение Крыма к России". Спб. 1885 и след.
- 27 См. Петров, „Вторая турецкая война", Спб., 1882, I, 21. „Minerva", 1797, III, 232.
- 28 Harris, I, 203 (второе издание).
- 29 „Minerva", 1797, III, 237.
- 30 „Р. Старина", XIX, 220—225.
- 31 См. напр. письмо Румянцева к Потемкину в „Р. Старине", VIII, 711.
- 32 См. напр. „Архив Гос. Совета", I, 331.
- 33 См. „Арх. кн. Вор.", XIII, 26.
- 34 „Сб. И. Общ.", XXVII, 217. Рескрипты о Крыме и пр., стр. 221.
- 35 Т.е. Севастополя. „Сб. Ист. Общ.", XXVII, 228.
- 36 Harris, II, 8-56 (первое изд.).
- 37 „Русская Старина", XXII, 449 и сл.
- 38 Гельбиг.
- 39 Петров, I, 33.
- 40 См. „Р. Старина", XII, 689.
- 41 „Сб. Ист. Общ.", XLVII, стр. 92.
- 42 „Арх. кн. Воронцова", XII, 2.3.
- 43 Извлечение из депеш Гёрца в сочинении Цинкейзена „Gesch. d. osman Reiches", VI, 398. В другой депеше было сказано, что Потемкин „moins moribond que fou".
- 44 „Сб. Ист. Общ.", XXVII, 269, 276-279.
- 45 „Сб. Ист. Общ.", XLVII, 70.
- 46 «Р. Архив», 1366, 1574.
- 47 „Minerva", 1797, IV, 303-309.
- 48 „Minerva", 1798, 26. „Зап. Од. Общ.", VIII, 201 и след. „Р. Арх.", 1879, II, 430 и след.
- 49 Herrmann, „Gesch. d. russ. Staats", VI, 69.
- 50 „Арх. кн. Воронцова", XIII, 53-54.
- 51 „Арх. кн. Воронцова", XIII, 48.
- 52 „Сб. Ист. Общ.", XXVII, 337.
- 53 Zinkeisen, VI, 488.
- 54 „Арх. кн. Воронцова", XIII, 97.
- 55 Herrmann, Ergänzungsband, 643.
- 56 „Арх. кн. Воронцова", XIII, 48.
- 57 „Арх. кн. Воронцова", XII, 104.
- 58 См. письмо Н. П. Румянцева к А. Р. Воронцову, в „Арх. кн. Воронцова", XXVII, 109.
- 59 Эта записка напечатана в „Русской Старине", VIII, 722-727 и в „Русском Архиве" (1888), II, 364-367.
- 60 «Русский Архив», 1867, 581-582, см. там же стр. 1575-1576.
- 61 См., напр., „Записки Энгельгардта", 40.
- 62 См. „Архив князя Воронцова", X, 473.

- 63 Грот, „Державин», I, 415.
- 64 „Русская Старина", VIII, 817.
- 65 Энгельгардт, Зап. 100.
- 66 «Р. Архив», 1886, I, 308.
- 67 „Архив князя Воронцова", X, 479.
- 68 „Архив князя Воронцова", XIII, 227.
- 69 „Minerva", 1798, III, 218. Герцог Ришелье писал: „Les ressorts de la discipline etaient relaches. La faute est au prince Potemkin, qui pour se faire aimcer du soldat, a diminue l'autorite de l'officier et donne toujours tort a celui-ci, quand un soldat vient se plaindre. Depuis la mort du prince la discipline se retablit" etc. „Об. Ист. Общ. ", LIV. 151.
- 70 Herrmann, Ergänzungsband, 633.
- 71 Herrmann, Ergänzungsband, 651. Гарновский в „Р. Старине", XV, стр. 23. „Minerva", 1798, I. 367.
- 72 „Архив князя Воронцова", XVIII, 55.
- 73 „Архив князя Воронцова", IX, 26-27.
- 74 „Р. Старина" (1889), т. LXIII. стр. 509.
- 75 См. письмо Чичагова к С. Р. Воронцову в „Арх. князя Воронцова", XIX, 150.
- 76 Самойлов в „Русском Архиве", 1867 г., стр. 1577.
- 77 «Русский Архив», 1867, 1564.
- 78 См. подробности в монографии „Начало учреждения Российского флота на Черном море и действий его с 1778 по 1798 год" в „Записках Одесского Общ.", IV, 261-303.
- 79 „Русская Старина", XII, 697.
- 80 „Русская Старина". XII, 689.
- 81 „Сб. Ист. Общ.", XXVII, 265.
- 82 Безбородко писал в 1795 году: „Потемкин умел выводить в море гнилые корабли в большом числе". „Сб. Ист. Общ.", XXIX, 290.
- 83 „Р. Старина", V, 223.
- 84 „Древняя и новая Россия", 1876, I, 217.
- 85 Записки Дримпельмана в „Р. Арх.", 1881, I, 33-35.
- 86 Самойлов в „Р. Арх.", 1867, 1214-1215. См. также очерк Новороссийского края в „Зап. Од. Общ.", V, 435 и след. О Херсоне см. еще некоторые замечания в сочинении „Anekdoten zur Lebensgeschichte des Fursten Potemkin". Freistadt am Rhein. 1792, стр. 214-218.
- 87 „Пол. собр. зак." №, № 15908, 15910.
- 88 „П. с. з." № 16057.
- 89 «Русский Архив», 1865, стр. 722-747.
- 90 «Русский Архив», 1865, стр. 394.
- 91 „Зап. Од. Общ. " II. 773 и след.; II, 332; III, 138, V, 426 и след.
- 92 „Зап. Од. Общ.", V, 437.
- 93 См: краткий указатель музея в Одессе. Одесса, 1867 г., стр. 19.
- 94 См. мое соч. „История Екатерины II", изд. Суворина, Спб. 1885, стр. 610 и 611.
- 95 См. статью „Мирные предначертания князя Потемкина" в „Р. Арх.", 1874, II, 289-302. См. также „Зап. Од. Общ.", IV, 363 и след.
- 96 „Р. Арх.", 1881, 48-50.
- 97 См. письмо Безбородки в „Арх. кн. Воронц.", XIII, 109.
- 98 Безбородко писал С. Р. Воронцову об этом деле. „Арх. кн. Воронцова", XIII, 102. С.Р. Воронцов к Панину в 1801 г. „Арх. кн. Воронц.", XI, 177-179.
- 99 „Minerva", 1797, IV, 129.
- 100 См. депеши прусского дипломата Гёрца в 1785 г. в сочинении Цинкейзена, „Gesch. d. osman. Reiches", VI, 620-621.
- 101 Васильчиков, „Семейство Разумовских", I, 370-371.
- 102 „Vie du prince Potemkin", Paris, 1808, стр. 86-90.

V. Путешествие Екатерины (1787 г.).

Кипучая деятельность князя Потемкина в южной России не могла не обратить на себя внимания современников. Недоброжелатели князя, конечно, не считали эту деятельность плодотворною. Утверждали напротив, что громадные суммы, истраченные Потемкиным, не приносят никакой пользы, что даже приобретение Крыма не стоило огромных пожертвований, требуемых князем. По рассказу одного современника, мысль о путешествии императрицы Екатерины в полуденный край появилась вследствие интриги, направленной против Потемкина. Ермолов, — рассказывает Гельбиг, — желая повредить Потемкину во мнении Екатерины, уговаривал ее поехать на юг и убедиться самолично в неисправности администрации князя 1.

Рассказ Гельбига основан на сплетнях. Он же рассказывает, что „Потемкин, узнав о намерении Екатерины посетить вверенные ему провинции, сильно перепугался и даже сознался, что полученные им для административных целей три миллиона рублей он истратил на собственные частные нужды", и проч. Все это едва ли заслуживает внимания. Ничего положительного неизвестно о том, как и почему именно у Екатерины явилось желание совершить путешествие на юг России. Известно только, что об этой поездке [81] начали говорить уже в 1784 году. Так как она состоялась не раньше первой половины 1787 года, то Потемкин достаточно располагал временем, чтобы подготовить управляемый им край и показать его Екатерине в самом выгодном свете.

Если недоброжелатели Потемкина намеревались при этом случае нанести удар князю, то их расчеты оказались лишенными всякого основания. Он остался полным победителем. Употребив слишком два года на подготовку края к путешествию Екатерины, он устроил дело так ловко, что южный край, особенно благодаря стараниям князя, произвел на императрицу самое благоприятное впечатление.

Современники рассказывали разные анекдотические черты о чрезмерном честолюбии князя. Говорили напр., что Потемкин, предвидя путешествие Екатерины, уже в 1784 году удалил Тутолмина, оказавшего ему важные услуги при устройстве южной России и Крымского полуострова, переместив его в Архангельск, чтобы, в случае приезда императрицы, ни с кем не делить ее признательности 2. Далее утверждали, что Потемкин, истрачивая в своих губерниях громадные суммы для путешествия Екатерины, старался устроить дело таким образом, чтобы Румянцев, управлявший Малороссией, был лишен средств для приведения Киева и прочих мест в надлежащее состояние 3.

Как бы то ни было, Потемкин сделал все возможное, чтобы доказать неосновательность слухов о недостатках его управления, чтобы восторжествовать над своими противниками. Богатство степного края, быстрое развитие городов, изобилие военных запасов и снарядов, отличное устройство войска, значение военных портов, прелесть южной природы в Крыму, следы заботливости и результаты трудов князя во всем крае — все это должно было поразить Екатерину и обезоружить недоброжелателей князя. Путешествие [82] императрицы, если оно и имело значение контроля над действиями Потемкина, должно было обратиться в полное торжество его.

Заблаговременно начались приготовления к этой поездке. Уже 13 октября 1784 года Потемкин отправил к бригадиру Синельникову ордер, в котором говорилось о приготовлении на различных станциях известного числа лошадей, о местностях, где во время путешествия должны быть приготовлены обеденные столы, о дворцах, которые должны были строиться по присланному рисунку, о квартирах в городах для свиты императрицы и т. д. 4. Главные приготовления в южном крае происходили в 1786 году. Зимой Потемкин старался подготовить находившихся в Кременчуге русских, сербов, молдаван, греков к приезду Екатерины, давал им балы, концерты и другие пиршества. Тысячи рабочих трудились над созданием Екатеринослава. На Днепре строилась целая галерная флотилия, на которой Екатерина и ее спутники должны были спуститься из Киева до Херсона. Самая роскошная галера — «Днепр» — была назначена для Екатерины, другая — «Буг» — для Потемкина. Что же касается приготовлений в Крыму, то многие подробности о происходивших там работах сделались известны из писем правителя Таврической области В.В. Коховского к правителю канцелярии В. С. Попову, для доклада Потемкину. В письмах говорится об исправлении уже существовавших дорог и о проложении новых, о постройке дворцов на станциях, об экипажах и лошадях, о мебели в покоях, приготовленных для императрицы, и проч. Далее, были приняты меры, чтобы в разных местах, через которые проезжала императрица, ее встречали и приветствовали толпы татар, киргизов, ногайцев, туркмен 5. [83]

Для путешествия Екатерины не только строились в разных местах триумфальные ворота, но даже воздвигались целые города, как напр. Алешин, на левом берегу Днепра, против Херсона: в октябре 1786 года его еще не существовало, а в апреле 1787 года городок был отстроен и заселен малороссиянами. Генерал-майору Синельникову было поручено позаботиться о придании Кременчугу вида столичного города. Архиепископу Амвросию екатеринославскому и таврическому Потемкин собственноручно написал тему, на которую преосвященный должен был сказать приветственное слово. Наконец, неутомимый князь успевал уделять время для слушания торжественной оратории, приготовленной к приезду Екатерины итальянским капельмейстером Сартти 6.

Хлопоты Потемкина продолжались и в то время, когда уже началось путешествие Екатерины. Он покинул столицу уже в 1786 году, отправился в свое наместничество заниматься приготовлениями к приему Екатерины и, когда она прибыла в Киев, присоединился к путешественникам. В Киеве он занимал самое видное место между лицами, окружавшими императрицу. За ним, между прочим, ухаживали приехавшие в Киев поляки, представители оппозиции против короля Станислава-Августа. Из „Записок" Сегюра, сопровождавшего императрицу в этом путешествии, видно, что Потемкин в то время играл весьма важную роль и пользовался расположением государыни. Однако, в то же самое время, в Петербурге ходили слухи о разных неприятностях, с которыми князю приходилось бороться. Гарновский писал к правителю канцелярии Потемкина, В.С. Попову, что в Петербурге говорили „о негодовании (Екатерины) на светлейшего князя"; рассказывали далее, что Потемкин болен, что он по болезни не мог доехать до Киева. В [84] одном из писем Гарновского сказано: „Говорят в городе и при дворе (т.е. при так называемом малом дворе, так как великий князь и его супруга оставались в Петербурге) еще следующее: Задунайский и Ангальт приносили ее императорскому величеству жалобу на худое состояние российских войск, от небрежения его светлости (т.е. князя Потемкина) в упадок пришедших. Его светлость, огорчась на графа Ангальта за то, что он таковые вести допускает до ушей ее императорского величества, выговаривал ему словами, чести его весьма предосудительными. После чего граф Ангальт требовал от его светлости сатисфакции. К сему присовокупляют, что ее императорское величество не благоволит его светлости... Многие не в пользу его светлости толкуют и то, что его светлость в монастыре, а не во дворце жить в Киеве изволил» 7.

Нельзя не считать вероятным, что между Потемкиным и другими сановниками в Киеве происходили кое-какие недоразумения. Существовала ненависть между Румянцевым и Потемкиным. В Петербурге даже говорили о намерении Румянцева подать в отставку. Сегюр, как очевидец, рассказывает, что Потемкин в Киеве был невесел и даже не всегда бывал при дворе. Он поселился в Печерском монастыре, где его окружала толпа льстецов, надеявшихся чрез милости князя достигнуть каких-либо выгод. Его странный образ действий, между прочим, выражался в том, что он то являлся в пышной одежде и блестящем мундире, то угрюмый, брюзгливый, полуодетый, по целым суткам лежал на диване, даже в присутствии знатных лиц. „Потемкин глядит волком», сказала однажды Екатерина в это время 8. С особенною холодностью, пишет Сегюр, Потемкин обращался с графом Румянцевым и графом Штакельбергом. Его обращение с поляками доходило иногда до крайней грубости. Когда Браницкий в [85] чем-то заупрямился, Потемкин стал кричать на него и даже махал кулаком у него под носом. При Браницких у Потемкина был однажды нелюбимый Браницким Штакельберг; жена Браницкого обошлась с ним нелюбезно. Потемкин схватил свою племянницу за нос и подвел к Штакельбергу. Игнатия Потоцкого он называл «scelerat», Казимира-Нестора лгунишкой и другим нелестным именем 9. Все боялись Потемкина. Так, например, до его приезда в Киев ходили кое-какие неблагоприятные слухи о его управлении; но лишь только он приехал, все начали раболепствовать перед всемогущим князем; один только Румянцев не скрывал своего нерасположения к нему и бесцеремонно высказывал свое мнение о недостатках Потемкина 10. Странности последнего, впрочем, — как рассказывает Сегюр, — не мешали ему и в Киеве, в тесном кругу знакомых и родственников, обнаруживать любезность, остроумие и способность беседовать о всевозможных предметах 11. К тому же он в это время серьезно занимался делами, переписывался с русским послом в Константинополе о восточном вопросе, беседовал с Сегюром об отношении Франции к Турции и находился в деятельных сношениях со множеством агентов, техников, поставщиков и прикащиков, работавших над приготовлениями к дальнейшему путешествию Екатерины. Эти работы оказывались столь сложными, что Потемкин, ради окончания их, старался удержать императрицу в Киеве как можно дольше 12, чтобы выиграть время для приготовления блестящего приема. Из Киева Потемкин ездил в местечко Фастово для свидания с польским королем, причем последний жаловался Потемкину на Браницкого 13. Говорили далее о преобразованиях [86] Потемкина в южной России, о его проектах учредить университет и музыкальную консерваторию в Екатеринослав и пр. Долго беседовал Потемкин с епископом Нарушевичем. С королем Потемкин говорил о Польше, о партиях в этой стране, о готовности императрицы, насколько это было возможно, исполнить желание короля. Чрез Штакельберга, бывшего с Потемкиным, Станислав-Август узнал, что Потемкин желал сделаться польским вельможею и что для этой цели он купил громадное имение Смела. Наконец Потемкин коснулся еще богословских вопросов, говоря об унии, причем обнаружил некоторые познания в области церковной истории.

Свидание Потемкина с королем происходило в марте; в конце апреля состоялось свидание Станислава-Августа с императрицею в Каневе. Потемкин играл при этом первенствующую роль. Так напр. после торжественного обеда, происходившего на галере „Десна", король в сопровождении Потемкина делал визиты русским сановникам и генералам под именем графа Понятовского. В присутствии Потемкина происходил крупный разговор между королем и Браницким. Потемкина король просил уговорить императрицу остаться несколько дольше в Каневе и отобедать у него 14.

Екатерина не желала исполнить просьбы короля и в двух записках к Потемкину, писанных очевидно после обеда, объясняла князю, почему ей нужно, не теряя времени, продолжать путь. Очевидно Потемкин серьезно стоял за исполнение желания короля, и в одной из записок императрицы к князю сказано в несколько резком тоне: „Когда я что определяю, тогда обыкновенно бывает то не на ветру, как в Польше

часто случалось; итак еду завтра, как назначала, а ему желаю всякого благополучия... Право, батинька, скучно". В другой записке ее говорится: „Пожалуй, дай ему (гостю) учтивым образом чувствовать, [87] что перемену делать в моем путешествии возможности нету" 15.

Когда вечером, после беседы в каюте императрицы, она дала почувствовать королю, что пора расставаться, Станислав-Август шепотом сказал Потемкину: „Есть ли надежда, что можно остаться долее?" Потемкин отвечал: „Нет". Вслед затем он ввел короля в особый кабинет, где Екатерина простилась с ним. Де Линь затем рассказывал королю, что Потемкин говорил императрице: „Вы меня компрометировали пред королем и всю Польшу, столько сокращая свидание" 16. В свою очередь, императрица жаловалась на Потемкина, заметив на другое утро: „Князь Потемкин ни слова не говорил; принуждена была говорить беспрестанно; язык засох; почти осердили, прося остаться; король торговался на три, на два дня или хотя для обеда на другой день" 17.

Если вообще рассказ о замечании Потемкина, что Екатерина „компрометировала его перед королем и Польшу", заслуживает доверия, то нельзя не заметить, что желание Потемкина угодить королю легко могло находиться в связи с некоторыми честолюбивыми замыслами его в отношении к Польше. Такое предположение подтверждается и рассказом принца де Линя, будто он сам был свидетелем, как Потемкин делал выговор Браницкому за его образ действий в отношении к королю, причем раздражение князя дошло до того, что он едва не прибил Браницкого 18.

Король и Потемкин остались взаимно довольными друг другом. Может быть даже, что этому выгодному впечатлению, произведенному Станиславом-Августом на Потемкина, должно приписывать то обстоятельство, что король еще [88] несколько лет оставался на престоле 19. Существует рассказ, будто король предлагал Потемкину обратить его поместья, находившиеся в Польше, в особое владетельное княжество, зависимое от польской короны, подобно Курляндии, однако князь отклонил от себя это предложение 20; но это не согласуется с воззрениями короля на события этого времени. Станислав-Август с трепетом взирал на опасность, грозившую ему в случае занятия Потемкиным какого-либо политического поста в Польше. Около этого времени ходили даже разные слухи об обширных интригах Потемкина в отношении к Польше. Завадовский 8 марта 1787 года писал к А. Р. Воронцову: „Граф А.А. (т.е. Безбородко) пишет ко мне, что Штакельберг, обще с Браницким и Потоцким, — находящимися в Киеве, интригу открыл свою против короля польского, считая на помощь князя Потемкина" 21.

Несмотря на разногласие между Потемкиным и Екатериною по вопросу о дальнейшем пребывании путешественников в Каневе, не смотря на слухи о нерасположении Екатерины к князю, мы не имеем основания думать, что императрица была недовольна князем. Она, напротив, была в восхищении от приготовлений Потемкина к дальнейшему путешествию. Недаром Гарновский писал Попову после того, как Екатерина со всею свитою уехала из Киева: „Со времени отъезда ее императорского величества из Киева, не только все неприятные о его светлости слухи вдруг умолкли, но и все говорят теперь о его светлости весьма громко" 22.

Меры, принятые Потемкиным для путешествия по Днепру, удивляли и Екатерину, и ее спутников. Галеры были построены в римском вкусе и отличались огромными размерами и богатством убранства. На особенно большой галере „Десна" находилась огромная столовая, в которой императрица давала большие обеды. На галерах находилось около [89] 3,000 человек. Очень величественный вид имела флотилия, окруженная со всех сторон шлюпками и челноками.

В некоторых особенно живописных местах путешественники осматривали берега, на которых почти всегда толпился народ. Стреляли из пушек. Происходили маневры казаков. Екатерина наслаждалась прекрасною весеннею погодою, хвалила благорастворенный воздух, теплый климат, сожалела, что не на берегах Днепра построен Петербург, и проч. По распоряжению Потемкина, многие скалы на Днепре были взорваны порохом для большей безопасности плавания. Тем не менее путешествие было несколько медленнее, чем ожидали. Екатерина в своих письмах к Павлу Петровичу и Марии Феодоровне, Сегюру и принцу де Линю в своих мемуарах и донесениях говорили о затруднениях и даже опасностях, с которыми приходилось бороться во время плавания по Днепру. Нигде, однако, не говорится о каких бы то ни было неприятностях для Потемкина, вследствие не совсем удачного плавания.

В Кременчуге, куда путешественники приехали через несколько дней, началось полное торжество Потемкина, с давних пор готовившегося с особенным великолепием приветствовать Екатерину во вверенном ему наместничестве. Для императрицы было приготовлено весьма удобное помещение с прекрасным садом. Екатерина была очень довольна. Зная об интригах недоброжелателей князя, она со своей стороны делала все возможное для распространения более выгодного мнения о Потемкине. В письмах к разным лицам она горячо хвалила Потемкина, особенно за приведение в надлежащее состояние войска.

В 1786 году была укомплектована армия. Некоторые из лучших полков находились в Кременчуге и очень понравились Екатерине, которой таким образом представился удобный случай полемизировать против недоброжелателей Потемкина. Так напр. она писала Еропкину: „Здесь нашла я треть конницы, той, про которую некоторые незнающие [90] люди твердили донныне, будто она лишь числится на бумаге, а в самом деле ее нет, однако же она действительно налицо и такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало, в чем прошу, рассказав любопытным, сослаться на мое письмо, дабы перестали говорить

неправду и отдавали справедливость усердию ко мне и империи в сем деле служащим» 23 В другом письме, к Салтыкову, говорится: „Здесь я нашла три легкоконные полка, про которых покойный Панин и многие иные старушенки говорили, что они только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные" 24.

Различие между Киевом и Кременчугом, то есть между наместничествами графа Румянцева и князя Потемкина, бросалось в глаза. Сегюр, хваля успехи административной деятельности Потемкина, замечает, что Екатерина сказала князю: „До самого Киева я могла думать, что механизм администрации в моей империи испорчен; здесь же я нахожу, что он действует с полною силою" 25. В письме к Гримму императрица хвалила прекрасный дом, в котором поместил ее Потемкин. „Кременчуг», — писала она, — „прелестнейшая местность, какую мне случалось видеть; здесь все приятно. Мы нашли здесь расположенных в лагере 15,000 человек превосходнейшего войска, какое только можно встретить", и проч. 26. В таких же восторженных выражениях Екатерина сообщала о своем пребывании в Кременчуге Марии Феодоровне и другим лицам 27. Особенного внимания заслуживает следующее замечание в одном из писем к Салтыкову: „В Кременчуге нам всем весьма понравилось, наипаче после Киева, который между нами ни [91] единого не получил партизана, и если бы я знала, что Кременчуг таков, как я его нашла, я бы давно переехала. Чтобы видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала князя Потемкина, надлежит приехать в его губернии, где все части устроены как возможно лучше и порядочнее; войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оные хвалят неложно; города строятся; недоимок нет. В трех же малороссийских губерниях, оттого что ничему не давано движения, недоимки простираются до миллиона, города мерзкие и ничто не делается" 28.

Вскоре после пребывания в Кременчуге Екатерина должна была встретиться с императором Иосифом II. Мы не знаем, справедливо ли замечание Гельбига, что не только императрица пригласила Иосифа к участию в путешествии по южной России, но что и Потемкин неоднократно писал к императору об этом свидании 29. Во всяком случае князь, в ту минуту, когда Екатерина встретила с Иосифом II на берегу Днепра, играл довольно важную роль, рассказывая в письме к барону Гримму об этой встрече с Иосифом, Екатерина шутила о странном положении, в котором очутились оба коронованные лица: „Он (Иосиф) рассчитывал обедать у меня; я же рассчитывала найти обед у фельдмаршала князя Потемкина; а сей последний вздумал поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку нового города. Мы нашли (в Кайдаках) князя Потемкина, только что возвратившегося из своей поездки, и обеда не оказалось. Но так как нужда делает людей изобретательными, то князь Потемкин затеял сам пойти в повара, принц Нассау в поваренки, генерал Браницкий в пирожники, — и вот их величествам никогда еще, с самого дня их коронаций, не случалось иметь столь блистательной прислуги и столь плохого обеда" и проч. 30.

На другой день путешественники присутствовали при закладке [92] храма в городе Екатеринославе. Ко времени прибытия императрицы на место постройки города по гигантским планам Потемкина, князем в Берлине была заказана статуя императрицы, которая, однако, не была готова в мае 1787 года 31. Когда Екатерина, сопровождаемая Иосифом II, приехала 8 мая к этому месту, оно, как пишет Самойлов, „уже имело вид приятного обиталища" 32. В походной церкви, т.е. в шатре, раскинутом на берегу Днепра, отслужили молебен, а затем происходила закладка собора. Храм этот должен был походить на храм св. Петра в Риме. Мелочность честолюбия Потемкина доходила до того, что он приказал архитектору „пустить на аршинчик длиннее, чем собор в Риме" 33. Иосиф II и Сегюр не без основания скептически относились к будущности Екатеринослава и в беседе между собою смеялись над честолюбием Потемкина. Скоро после закладки храма постройка его была приостановлена. Гораздо позже была построена на том месте, где предполагалось строить громадный собор, церковь в довольно скромных размерах; фундамент проектированного собора, на который было истрачено более 70,000 рублей, настоящее время составляет ее ограду. В музее общества истории и древностей в Одессе до сих пор хранятся великолепные планы и рисунки колоссального проекта Потемкина. Однако в 1787 году Екатерина, как кажется, вполне разделяла оптимизм своего друга и сотрудника. На пути в Херсон она писала Еропкину: „Хорошо видеть сии места своими глазами; здесь все делается и успевает... польза окажется со временем... здешние жители все без изъятия имеют вид свежий и здоровее, нежели киевские, и кажутся работающее и живее. Все эти примечания и рассуждения пишу к вам нарочно, дабы вы, зная оные, могли кстати и ко времени употребить сущую истину к опровержению предубеждений, сильно действующих иногда [93] в умах людских. Все вышеописанное оспаривать может лишь слабость, либо страсть или неведение" 34.

В Херсон Екатерина приехала в великолепной колеснице, в которой сидела с Иосифом II и Потемкиным. Херсон удивил даже иностранцев, бывших в свите Екатерины. Крепость почти совершенно оконченная, большие казармы, адмиралтейство с богатыми магазинами, арсенал со множеством пушек, два линейные корабля и один фрегат, совершенно готовые на верфях, казенные здания, несколько церквей, частные дома, лавки, купеческие корабли в порте — все это свидетельствовало о неутомимой и успешной деятельности Потемкина 35. Тогда думали, что Херсон делается вторым Амстердамом 36. Даже Иосиф II, весьма недоверчиво относившийся к реформам и проектам Потемкина и Екатерины, заметил о Херсоне: „Cela a l'air de quelque chose" 37. В письме Екатерины к Салтыкову сказано между прочим: „Мы с удивлением и с немалым удовольствием увидели, что здесь сотворено... Степи обещают везде изобилие... где сажают, тут принимается и растет... Прошу вспомнить, что шесть лет назад не было ничего... Крепость не в пример

лучше киевской... дома мещанские таковы, что и в Петербурге не испортят ни которую улицу; казармы гораздо лучше гвардейских» 38. Еще подробнее хвалила Екатерина в письме к Еропкину все виденное ею в Херсоне, заключая свой рассказ замечанием: „Я могу сказать, что мои намерения в сем крае приведены до такой степени, что нельзя оных оставить без достоюлжной хвалы; усердное попечение везде видно и люди к тому избраны способные" 39. В этом же тоне Екатерина писала к великим князьям Александру и Константину, [94] к Марии Феодоровне и проч. 40 В письме к Гримму сказано между прочим, после подробного изложения всего того, что Екатерина видела в Херсоне: „Словом, благодаря попечениям князя Потемкина, этот город и этот край, где при заключении мира не было ни одной хижины, сделались цветущим городом и краем и их процветание будет возрастать из года в год» 41.

Также и английский дипломат Фиц-Герберт, сопровождавший Екатерину, писал из Херсона: „По-видимому, императрица чрезвычайно довольна положением этих губерний, благосостояние которых действительно удивительно, ибо не далее как несколько лет тому назад здесь была совершенная пустыня. Князь Потемкин", сказано, впрочем, далее в этом письме, „конечно, позаботился о том, чтобы представить все с наилучшей стороны" 42. О несколько мелочном тщеславии Потемкина при церемонии спуска кораблей в Херсоне пишет очевидец, немецкий врач Дримпельман: „Государыня явилась запросто, в сером суконном капоте, с черною атласною шапочкою на голове. Граф Фалькенштейн также одет был в простом фраке. Князь Потемкин напротив блистал в богато вышитом золотом мундире со всеми орденами" и проч. 43.

Иосифу и другим спутникам Екатерины Херсон понравился далеко не в такой мере, как самой императрице. Император, побывав в Херсоне еще до встречи с Екатериною и тщательно осмотрев фортификационные работы и проч., находил, что многого здесь недоставало и военная администрация была далеко не совершенна; достойны внимания также его замечания о непрочности кораблей, построенных из сырого лесу, о неудачном выборе места для постройки города и проч. 44. В этом же скептическом и [95] строго-критическом тоне говорит о деятельности Потемкина в Херсоне и граф Сегюр, который откровенно сообщил свое мнение самому князю 45.

После пятидневного пребывания в Херсоне путешественники отправились в Крым чрез Кизикерман и Перекоп. Сооружая этот путь, Потемкин предписывал: „Дорогу от Кизикермана до Перекопа сделать богатою рукою, чтобы не уступала римским; я назову ее: Екатерининский путь" 46. В Крыму весьма эффектным эпизодом было окружение императрицы многочисленными депутациями от татар, кабардинцев и пр. Этими манифестациями, устроенными Потемкиным, он хотел убедить Екатерину в расположении татар к России, между тем как современники считали татар весьма склонными освободиться от нового правительства 47.

Крым произвел глубокое впечатление на императрицу, отдавшую и при этом случае Потемкину, как главному виновнику приобретения полуострова, полную справедливость. Из Бахчисарая она писала Еропкину: „Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничижением бесславили приобретение сего края" и проч. В заключение сказано: „С сими мыслями и с немалым утешением ложусь спать сегодня, видя собственными глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу империи" 48. И в письмах к Гримму, к Марии Феодоровне и проч. Екатерина хвалила Тавриду. В беседе с разными лицами, ее окружавшими, она сказала между прочим: „Приобретение сие важно; предки дорого заплатили бы за то, но есть люди мнения противного, которые жалеют о бородах, при Петре I выбритых» и проч. 49. Без сомнения Потемкин сам старался внушить императрице оптимистический взгляд, расходившийся с пессимизмом [96] или скептицизмом Иосифа II, Сегюра и других спутников Екатерины.

Потемкин был, так сказать, героем путешествия императрицы. Недаром она в Бахчисарае прославляла Потемкина в стихах на французском языке. К слову сказать, императрица, хорошо писавшая в прозе, не отличалась стихотворным дарованием 50. Потемкина хвалили за великолепный фейерверк, устроенный им в честь императрицы в Бахчисарае; кроме того он удивил путешественников сооружением новой дороги до Инкермана чрез горы и вдоль по реке Каче 51.

В Инкермане, где также был построен дворец, во время обеда вдруг отдернули занавес, закрывавший вид с балкона, и таким образом, совершенно неожиданно для всех, открылся вид прекрасной Севастопольской гавани. На рейде стояло 3 корабля, 12 фрегатов, 20 мелких судов, 3 бомбардирские лодки и 2 брандера. Открылась пальба из всех пушек. Это зрелище было чуть ли не самым эффектным моментом из всего путешествия Екатерины. Оно произвело на всех глубокое впечатление.

После обеда императрица вместе с Иосифом поехала в Севастополь в особой шлюпке, заранее заказанной Потемкиным в Константинополе и совершенно сходной с султанскою 52. Даже Иосиф II был в восхищении от этой великолепной гавани и предвещал ей великую будущность. В его письме к Ласи сказано, между прочим: „Императрица в восхищении от такого приращении сил России. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и нельзя вообразить себе, как все за ним ухаживают» 53. [97]

К барону Гримму Екатерина писала из Севастополя: „Здесь, где тому назад три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость" 54.

Для проезда Екатерины из Севастополя по Байдарской долине, тогда почти целиком принадлежавшей князю Потемкину 55, была также сделана новая дорога. Чтобы показать путешественникам пару ангорских коз в одном из своих имений, Потемкин заставил их проехать туда горами по тяжелым дорогам, так что придворные экипажи были приведены в страшный беспорядок и путешественники не раньше как в час пополудни приехали в Бахчисарай 56. Отдохнув здесь день, они чрез Акмечеть, нынешний Симферополь, где Потемкин успел устроить сад в английском вкусе и несколько домов, поехали в Карасубазар. В этом городе князь имел прекрасный дворец, окруженный садом, с фонтанами и искусственным водопадом.

Немного повыше был построен дворец для Екатерины. Сад, вечером освещенный великолепнейшим образом, удивил всех своею красотою 57. Фейерверк состоял из 300,000 ракет, и проч. 58. Внешний блеск путешествия, маневры войск и флота, дворцы, сады, и проч. — все это не мешало современникам относиться скептически к административной деятельности Потемкина. В письмах императора Иосифа II к Ласи встречаются более или менее едкие замечания об упадке городов в Крыму, особенно же о печальном состоянии Кафы, куда путешественники поехали из Карасубазара, о неудовольствии татар, готовых отложиться от России, о многих [98] случаях выселения из Крыма в другие места, об отчаянном положении иностранцев, поселившихся в последнее время в южной России, и о разных крупных промахах Потемкина, как администратора. Но при всем том, нельзя было не удивляться тому, что Потемкин в короткое время успел сделать на юге. Принц де Линь отчасти даже и Сегюр, восхищались тем, что было создано им 59. Из бесед Иосифа II с Сегюром видно однако, что они не ожидали особенно прочных результатов, от административной деятельности Потемкина. Иосиф, например, говорил: „Я вижу во всем этом гораздо более эффекта, нежели внутренней цены. Князь Потемкин деятелен, но он гораздо лучше умеет начинать, нежели довершать. Впрочем, так как здесь никаким образом не щадят ни денег, ни людей, то все может казаться нетрудным. Мы, в Германии и во Франции, не смели бы предпринимать того, что здесь делается. Владелец рабов приказывает; рабы работают; им вовсе не платят или платят мало; их кормят плохо; они не жалуются, и я знаю, что в продолжение трех лет в этих вновь приобретенных губерниях, вследствие утомления и вредного климата болотистых мест, умерло около 50,000 человек; никто не жаловался, никто даже и не говорил об этом». В другой раз Иосиф заметил: „Вы видите, что здесь ни во что не ставят жизнь и труды человеческие; здесь строятся дороги, гавани, крепости, дворцы в болотах; разводятся леса в пустынях без платы рабочим, которые, не жалуясь, лишены всего, не имеют постели, часто страдают от голода". Сегюр отвечал: „Все здесь начинается, ничто не оканчивается. Князь Потемкин часто оставлял то, что только что было начато; ни один проект не составляется солидно; ни один не исполняется до конца. В Екатеринославе мы видели начало города, который не будет обитаем, начало церкви, в которой никогда не будет службы; место, избранное для Екатеринослава, безводное; Херсон [99] окружен опасно болотистою атмосферою. В последние годы степи опустели хуже прежнего. Крым лишился двух третей своего прежнего населения. Город Кафа разорен и никогда не поднимется более. Один Севастополь — действительно великолепное место, но еще пройдет много времени, пока там будет порядочный город. Старались украсить все временно для императрицы. После отъезда ее все чудеса исчезнут 60. Я знаю князя Потемкина; его пьеса сыграна, занавес упал; князь займется теперь задачами или в Польше, или в Турции. Настоящая администрация, требующая постоянства, не согласуется с его характером». Иосиф кончил беседу, назвав все путешествие „галлюцинацией" 61.

Как бы то ни было, путешествием императрицы Потемкин удивил современников, как видно, между прочим, из письма Гарновского к Попову, в июле 1787 года: „Я сомневаюсь, чтобы кто более превозносил хвалами поход ее императорского величества в Тавриду, как Евграф Александрович Чертков. Сие преимущество отдаю я потому, что он льстить не умеет. Он, между прочим, рассказывал почти тако: Я был с его светлостью в Тавриде, в Херсоне и в Кременчуге месяца за два до приезда туда ее величества. Нигде там ничего не видно было отменного; словом, я сожалел, что его светлость позвал туда ее императорское величество по-пустому. Приехав с государынею, Бог знает, что там за чудеса явились. Чорт знает, откуда взялись строения, войска, людство, татарва, одетая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Бог знает что... [100] Какое изобилие в яствах, в напитках, словом, во всем - ну, знаешь, так, что придумать нельзя, чтоб пересказать порядочно. Я тогда ходил как во сне, право, как сонный. Сам себе ни в чем не верил, щупал себя: я-ли? где я? не мечту-ли, или не привидение-ли вижу? Н-у! надобно правду сказать: ему — ему только одному можно такие дела делать, и когда он успел все это сделать? Кажется, не видно было, чтоб он в Киеве занимался слишком делами... ну, подлинно удивил! Не духи ли какие-нибудь ему прислуживают". 62

Любопытно также письмо Сегюра к Потемкину, писанное тотчас же после путешествия. Тут сказано между прочим по поводу заявления о намерении поехать во Францию: „Я там с восторгом опишу все те чудные картины, которые вы представили нашим взорам: коммерцию, завлеченную в Херсон, не смотря ни на зависть, ни на болота; флот, построенный в два лишь года каким-то чудом в Севастополе, ваш Бахчисарай, напоминающий Тысячу и одну ночь, вашу Темпейскую долину 63; ваши празднества, почти баснословные, в Карасубазаре; ваш Екатеринослав, где вы собрали в три года более монументов, нежели иные столицы в три столетия; эти пороги, которые вы подчинили своей власти, в ущерб авторитетности историков, географов и журналистов, и ту гордую Полтаву, на полях которой вы отвечали подвигом своих семидесяти

эскадронов на критики, которыми невежество да зависть клеветали на вашу администрацию и опытность вашей армии. Если мне не поверят — вы в том виноваты: зачем сотворили столь много чудес в столь малое время и не гордились ими перед всеми, пока не показали нам их всех вдруг", и проч. 64. [101]

Из всего этого видно, что Потемкин одним казался чародеем, гениальным преобразователем, умеющим создавать из ничего города, села, и проч.; другие же видели в нем фокусника, шарлатана, обманщика. Гельбиг рассказывает, что большая часть селений, показанных на пути императрице, были не что иное, как театральная декорация 65; благодаря полицейским распоряжением, толпа людей, пригнанных издалека, украшала всюду дорогу, чрез которую проезжала Екатерина; ей пять или шесть раз показывали одно и то же громадное стадо скота, которое по ночам гнали из места в место; Потемкин показывал ей богатые склады хлеба, в котором мешки были наполнены не пшеницею, а песком; базары на пути императрицы были также ничем иным как искусственным драматическим представлением; великолепные сады в Кременчуге и других городах тотчас же после краткого пребывания там Екатерины, были запущены, превратились опять в голую степь и проч. Принц де Линь, участвовавший в этом путешествии, называет рассказ о театральных декорациях, представляющих села и деревни, нелепою баснею, но говорит, что действительно на пути встречались «города без улиц, улицы без домов, дома без крыш, без дверей и без окон»; императрице показывали лишь казенные помещения; она не прогуливалась пешком и поэтому видела меньше, чем некоторые из ее спутников 66. Такое же мнение об административной деятельности Потемкина высказывал тогда князь М.М. Щербатов в одном из своих сочинений, ходивших по рукам в последнее время царствования Екатерины. По поводу путешествия ее он заметил довольно резко: „Монархиня видела и не видала, и засвидетельствование и похвалы ее суть тщетны, самым действием научающие монархов не хвалить того, чего совершенно сами не знают» 67. [102]

Расставшись с Потемкиным в Харькове, она пожаловала ему название „Таврического" 68. Кроме того, он получил в подарок 100,000 рублей „за труды и старания в доставлении продовольствия войскам, с выгодой и сбережением казны" 69. Важнейшею же наградою были письма Екатерины к Потемкину, писанные тотчас же после ее пребывания в южной России. Так напр. она писала ему 25 июня 1787 года из Села Коломенского: «Мы здесь чванимся ездою и Тавридою и тамошними генерал-губернаторскими распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях». Из Твери 6 июля: «Твои чувства и мысли тем наипаче милы мне, что я тебя и службу твою, исходящую из чистого усердия. весьма, весьма люблю». В другом письме: «Слава Богу, что ты здоров, пожалуй поберегись.... Бог с тобою.... я здорова. Котенок твой доехал со мною здорово же.... Мы без тебя во всей дороге, а наипаче на Москве как без рук... При великих жарах, кои у вас на полдень, прошу тебя всепокорно: сотвори милость, побереги свое здоровье, ради Бога и ради нас, и будь столь доволен мною, как я тобою». 13 июля из Царского Села: «Третьего дни окончили мы свое шести-тысячи-верстное путешествие, приехав на сию станцию в совершенном здоровье, а с того часа упражняемся в рассказах о прелестном положении мест вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, попечении и порядке, вами устроенном повсюду. Итак, друг мой, разговоры наши почти непрестанные замыкают в себе либо прямо, либо с боку твоё имя, либо твою работу. Пожалуй, пожалуй, пожалуй будь здоров и приезжай к нам безвреден, а я, как всегда, к тебе и дружна, и доброжелательна». 27 июля: «Между тобою и мною, мой друг, дело в кратких словах: ты мне служишь, а я признательна, вот и все тут; врагам своим ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностью к делам империи» 70. [103]

17-го июля Потемкин писал из Кременчуга: «Матушка государыня! Я получил ваше милостивое письмо из Твери. Сколь мне чувствительны оно и изъяснения, то Богу известно. Ты мне паче родной матери, ибо попечение твое о благосостоянии моем есть движение, по избранию учиненное. Тут не слепой жребий. Сколько я тебе должен, сколь много ты сделала мне отличностей; как далеко ты простерла свои милости на принадлежащих мне, но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мне причинить у тебя зла и все коварства не могли иметь успеха. Вот что редко на свете: непоколебимость такого степеня (sic) тебе одной предоставлена. Здешний край не забудет своего счастья. Он тебя зрит присно у себя, ибо почитает себя твоею вотчиною и крепко надеется на твою милость... Прости, моя благотворительница и мать; дай Боже мне возможность доказать всему свету, сколько я тебе обязан, будучи по смерти вернейший раб», и проч. 71.

Между бумагами императрицы найден проект надписи на медали, которая должна была увенчать память о путешествии. Из тридцати восьми различных надписей Екатерина выбрала слова „Путь на пользу". Эта надпись находится на медали, вырезанной в 1787 году 72. Екатерина была довольна своим путешествием; она считала деятельность Потемкина полезною.

Но эта деятельность Потемкина на юге, в связи с путешествием Екатерины, подала повод к новому столкновению России с Турцией. Во время путешествия Екатерины Потемкин был декоратором, чичероне и *maitre de plaisir*. Теперь он должен был действовать в качестве полководца.

Примечания

1 „Minerva", 1798, I, 364.

2 Blum, „Ein russischer Staatsmann", II, 476.

- 3 Segur, Memoires, III, 47. О путешествии вообще см. мою статью в „Истор. Вестнике“, 1885 — июль, август и сентябрь.
- 4 „Зап. Од. Общ. ист. и др.“, II, 758.
- 5 „Зап. Од. Общ. ист. и др.“, X, 253 и след. О кабардинцах см. письмо Попова к Петру Потемкину в „Р.Арх.“, 1879, II, 436. Множество новых данных об административной деятельности Потемкина в это время см. в монографии Арсения Маркевича „Материалы Архива Канцелярии Таврического губернатора относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым“. Симферополь, 1891.
- 6 „Русская Старина“, XII, 693.
- 7 „Р. Старина“, XV, 20-23.
- 8 Храповицкий 30 мая 1787. „Le prince tient du borgne et du louche“, писал о нем принц де Линь „Oeuvres“, II, 9. Segur, II, 76-77.
- 9 Костомаров, „Последние годы Речи Посполитой“, в „Вестнике Европы“. 1869, апрель, 622 и 623.
- 10 Segur, III, 70.
- 11 Segur, III, 79.
- 12 Храповицкий, 4 апреля 1787 г.
- 13 Польский историк Ксаверий Лиске сообщает некоторые подробности об этом свидании в статье: „Beitrag z. Gesch. d. Kaniower Zusammenkunft 1787“ в „Russische Revue“, IV, 483-494.
- 14 См. подробности у Лиске, 496-497.
- 15 „Сб. Ист. Общ.“, XXVII, 407-408. В другой записке к Потемкину, 25 апреля, сказано: „Я на тебя сержусь: ты сегодня ужасно как неловок“ („Р. Старина“, XVI, 239).
- 16 Лиске, 498. Рассказ самого короля.
- 17 Храповицкий, 26 апреля 1787 г.
- 18 Лиске, 499.
- 19 Castella, II, 125. То же писал Фиц-Герберт в Англию, см. дневник Храповицкого, 16 марта 1787 г.
- 20 Лиске, 485.
- 21 „Архив кн. Воронцова“, XII, 38.
- 22 „Р. Старина“, XV, 23.
- 23 „Соч. Екатерины“, изд. Смирд. III, 342.
- 24 „Р. Арх.“, 1864, 966. См. замечание об этих легкоконных полках в записках кн. Ю.В. Долгорукого в „Р. Старине“ (1889), т. LXIII, стр. 509 и 510.
- 25 Segur, „Memoires“, III, 134.
- 26 „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 408-409.
- 27 „Сб. Ист. Общ.“, XV, 95 и «Русский Архив», 1867, стр. 1235.
- 28 «Р. Архив», 18(34, стр. 966.
- 29 „Minerva“, 1798, II, 314.
- 30 „Сб. И. Общ.“, XXIII, 410. Segur, III, 138.
- 31 „Сб. И. Общ.“, XIII, стр. XIX.
- 32 «Р. Архив», III, 1867, 1282.
- 33 «Р. Архив», 1865, стр. 870.
- 34 „Соч. Екатерины“, III, 344-345.
- 35 См. рассказы Сегюра, Самойлова и пр.
- 36 Колотов, „Ист. Екатерины“, III, 131.
- 37 Arneth, „Joseph II und Katharina“, 359.
- 38 „Р. Арх.“, 1864, 969.
- 39 „Соч. Ек.“ изд. Смирд., III, 346-347.
- 40 Письма и бумаги Екатерины, издан. Бычковым. Спб., 1873, 44. „Сб. И. Общ.“, XXVII, 408 и XV, 108 и 110.
- 41 „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 410-411.
- 42 „Сб. Ист. Общ.“, XXVI, 183-184.
- 43 „Р. Арх.“, 1881, I, 40-43.
- 44 Arneth, „Joseph II und Katharina“, 355-359.
- 45 Memoires, III, 143-144.
- 46 Надеждина, биограф. Потемкина, в „Од. Альманахе“ на 1869 г., стр. 61.
- 47 Arneth, 362.
- 48 „Соч. Ек.“, III, 348.
- 49 Храповицкий, 21 мая 1787 г.
- 50 См. „Зап. Храповицкого, 23 и 28 мая 1787 года“, „Мемуары“ Сегюра, „Русский Архив“ 1865 г., стр. 1513, и письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковым, 147.
- 51 Pallas, II, 41.
- 52 См. поручение Потемкина Булгакову заказать шляпку, от 7 января 1787 года из Севастополя, в „Рус. Архиве“, 1865, 413.

- 53 Arteth, 363-364. Екатерина подарила Потемкину пальмовую ветвь, которую получила от гротмейстера Мальтийского ордена. См. „Зап. Од. Общ. ", IV, 265.
- 54 „Сб. Ист. Общ.", XXIII. 412.
- 55 „Рус. Арх.", 1867, стр. 1571.
- 56 О неудовольствии Иосифа по этому поводу см. Арнета, 366.
- 57 Segur. III. 195.
- 58 Arneth, 367.
- 59 De Ligne, Oeuvres, III. 43.
- 60 На этот счет любопытно замечание в письме Гарновского к Попову: „Вейкардт писал к Либерику: После отъезда государыни в Тавриду остались мы здесь (в Херсоне), как овцы без пастыря или как сироты без отца и без матери. Есть и пить нечего, купить нечего, да и кого об оном спросить — не знаем», и проч. „Рус. Старина", XV. 27. Почти все дворцы, построенные по поводу путешествия Екатерины, исчезли. См. частности этого упадка тотчас после 1787 г. в соч. Арс. Маркевича стр. 59 и след.
- 61 Segur, Memoires, III. 149, 213-214. II в беседе с герцогом Ришелье Иосиф II смеялся над результатами деятельности Потемкина. См. „Сб. Ист. Общ." LIV, стр. 132.
- 62 „Русская Старина", XV. 33.
- 63 Темпейскою долиною одна английская путешественница назвала Байдарскую долину.
- 64 „Зап. Од. Общ.", IX. 230. Число 24 апреля 1787 г. неверно; должно быть 24 авг. Представление Сегуровой трагедии „Кориолан", о котором говорится в этом письме, происходило 17 августа 1787 г. (см. Дневник Храповицкого).
- 65 „Die Hauser und Kirchthurme waren nur auf Bretter gemalt". „Minerva", 1798, XL 300 и след.
- 66 См. письмо его из Тулы на обратном пути, „Oeuvres", II. 49.
- 67 „Чтения М. Общ. Ист. и Др.", 1860, I. 80.
- 68 „Зап. Од. Общ.", VIII. 222.
- 69 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 413.
- 70 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 415-419.
- 71 „Русская Старина", XII. 699-700.
- 72 См. „Segur, Memoires", т. III. См. также письма Екатерины к Гримму в „Сб. Ист. Общ.", XXIII. 411, 412.

VI. Начало войны.

Путешествие Екатерины, имевшее целью контроль деятельности князя Потемкина, легко могло получить характер политической демонстрации. То, что самим путешествовавшим казалось *partie de plaisir* колоссальных размеров, в глазах западной Европы могло служить выражением наступательной политики России. Во время путешествия на юге были сосредоточены различные отряды войск. Кроме того, громадное скопление там же значительных военных припасов и снарядов могло быть принято за демонстрацию против Османской Порты и ее защитников 1.

Душою этой политической демонстрации был Потемкин. Он, как мы видели, в продолжение десяти лет, главным образом занимался восточным вопросом; он был виновником присоединения Крымского полуострова к России; о нем за границу в 1786 году рассказывали, что он сделается королем Тавриды 2; он во время путешествия Екатерины стоял на первом плане, показывая императрице и Иосифу II построенный им флот, сооруженные им гавани, приготовленные им войска; он в то же время переписывался с русским послом в Константинополе Булгаковым, и [105] проч. Не без основания современники считали вероятным, что инструкции, данные Потемкиным Булгакову, повели к войне.

Потемкин пользовался безусловным доверием Императрицы. В ее секретнейшем рескрипте к нему от 16 октября 1786 года сказано, что война с Портою в ближайшем будущем неминуема, и далее прибавлено: „С особенным удовольствием приемлем мы план, вами начертанный... вверив вам главное начальство над армией, даем вам полную власть и разрешение распространить все поиски, кои к пользе дела и к славе оружия нашего служить могут. Посланник наш, Булгаков, имеет уже от нас повеление посылать дубликаты своих донесений к вам и предписания ваши по службе нашей исполнять. Мы дали ему знать, что, как-скоро получит от нас уведомление о выезде из Царьграда, должен предъявить Порте причины тому и требовать безопасного отъезда" 3. 13 декабря 1786 года Потемкин сообщил Булгакову выписку из этого повеления, указывая на вверенную ему власть „начинать военные действия" 4. Через Булгакова Потемкин грозил Порте немедленным разрывом, самыми решительными действиями.

Хотя другие сотрудники Екатерины не могли знать о широком плане Потемкина объявить Порте войну по своему усмотрению, они все-таки видели в нем виновника предстоявшей войны. Сегюр во время путешествия приставал к Безбородке с требованием объяснить ему положение дел и, главным образом, сказать, действует ли Булгаков сообразно с данными ему инструкциями, или руководствуется ли он собственными соображениями. Сегюру дали почувствовать, что Булгаков действовал отчасти по внушениям Потемкина, расположенного к войне. Сегюр рассказывает даже в своих Записках, будто Екатерина в беседе с [106] ним упрекала Потемкина в чрезмерной горячности 5. Потемкин же в своих разговорах с Сегюром резко обвинял Францию в том, что эта держава поддерживала варваров-турок, и говорил о необходимости определить для Турции более удобные границы ради избежания дальнейших столкновений. „Я понимаю", — возразил Сегюр, — „вы хотите занять Очаков и Аккерман: это почти то же самое, что требовать Константинополя; это значит — объявить войну с целью сохранения мира". Далее Потемкин выразил желание сделать господарей молдавского и валахского независимыми 6.

Нельзя удивляться после этого тому, что Сегюр, когда наконец дело дошло до войны, считал князя Потемкина главным виновником разрыва. Потемкин на возвратном пути в Петербург, расстался с путешественниками и отправился на юг, как бы для принятия мер на случай войны 7. Значительное количество войск находилось уже около турецких границ. Понятно, что Потемкин и Булгаков, рассчитывая на это обстоятельство, могли увлечься и чрезмерными требованиями заставить Порту объявить войну. В Херсоне, во время путешествия, находился Булгаков; туда же приехал из Константинополя австрийский дипломат Герберт; современники придавали большое значение переговорам, происходившим в Херсоне, но весьма лишь немногие лица могли иметь сведения о том, что было решено в этом месте. Недаром Сегюр жаловался, что в России все происходило в глубокой тайне, и разве только Екатерина, Безбородко и Потемкин знали положение дел. В то время, как Безбородко уверял графа Сегюра в том, что Россия желает сохранить мир, Булгаков грозил туркам вторжением в пределы Турции 60,000 войска под начальством князя Потемкина.

При всем том нельзя утверждать, чтобы Потемкин, [107] воспользовавшись путешествием императрицы, старался во чтобы то ни стало внушить ей желание тотчас же начать войну. И сама Екатерина не желала своим появлением на берегах Черного моря подать повод к разрыву с Портою. Тем не менее именно это путешествие Екатерины и образ действий Потемкина в это время содействовали объявлению турками войны. Этот кризис мог сделаться роковым для князя.

Потемкин преобразовал войско, строил военные корабли, арсеналы, верфи, магазины, гавани. Екатерина была весьма довольна тем, что успела осмотреть во время своего пребывания в наместничестве князя. Теперь Потемкин должен был доказать на деле, что его деятельность не была тщетною, что все слухи о ничтожности результатов его администрации были лишены основания.

К лицам, скептически относящимся к деятельности Потемкина, как мы видели выше, принадлежал император Иосиф II. В его письмах к фельдмаршалу Ласи встречаются весьма подробные указания на вооруженные силы России. Он был крайне недоволен и постоянно повторял, что внешнему блеску армии и

флота не соответствовала внутренней прочности и сила. Войско было одето в новые и весьма изящные мундиры, но у конницы, например, сабли были негодны. Одежду солдат Иосиф находил несоответствующую условиям климата, отчего они заболели часто лихорадкой. Больных было вообще весьма много, а лазаретная часть страдала от многих недостатков. При страшной дороговизне на юге офицеры нуждались в существенном и иногда терпели голод, а солдаты часто ходили без рубах. Лошади, не находившие достаточного корма, походили на тощих кляч. Комплект полков был далеко не полный. Всего войска в наместничестве Потемкина считалось на бумаге 100,000 человек; на деле же, как полагал Иосиф, было не более 40,000, из которых многие хворали, а другие были заняты разными работами при постройках. Так, напр., во время путешествия императрицы, не успели собрать надлежащее число [108] лошадей для движения галер по Днепру; — несколько сотен солдат с утра до вечера, находясь в воде, тянули эти галеры, что сильно поразило Иосифа. Состояние крепостей также казалось Иосифу весьма неудовлетворительным. Он находил, что стены Херсонской крепости были сделаны из песка, готового каждую минуту рассыпаться. К приезду Екатерины, — писал Иосиф, — хотели стрелять из пушек, находившихся на крепостном валу, но опасались, что от грома их может обрушиться вал. При постройке были сделаны, по мнению императора, большие ошибки. У Кинбурнской крепости он также находил профили слишком низкими. Числу пушек не соответствовало количество снарядов. Опыты над бомбами и брандсугелями, сделанные в присутствии императора, не удавались. О военных кораблях Иосиф писал, что материал, из которого они построены, никуда не годился. Матросы ему казались неопытными: это были обыкновенные рекруты, переименованные в матросов; они должны были лазить по мачтам и такелажу. часто падали, ломали себе руки и ноги, и проч. Далее Иосиф находил, что калмыки стреляли довольно плохо. Ему казалось странным, что гренадерские полки были созданы лишь для того, чтобы раздать новые офицерские места людям, которым Потемкин хотел оказать милость 8.

В этом же духе отзывались и другие современники. иностранцы и русские. Сиверс, в апреле 1787 года, считал войну почти невозможной, потому что, по его мнению, Россия вовсе не была к ней приготовлена. При этом Сиверс выразил надежду, что по крайней мере граф Румянцев откроет императрице глаза относительно печального состояния военной администрации 9. Саксонский дипломат Гельбиг, сообщая в донесении своему правительству о русской армии, заметил, что численность ее на бумаге сильно преувеличена и смертность в войске ужасна; такие же данные встречаются в донесениях прусского дипломата Келлера [109] 10. Французского дипломата Сегюра забавляли выходки шута Потемкина, Моссе, смеявшегося над бедственным состоянием России в начале войны и указывавшего на пустоту в казне, на неполноту состава армии и на то, что война не имеет другой цели, кроме доставления Потемкину Георгиевской ленты 11. С различных сторон старались доказать императрице, что в интересах России необходимо было желать сохранения мира, что Потемкин представлял средства России в слишком выгодном свете 12.

Особенно резко осуждал князь Щербатов образ действий Потемкина. Говоря о неудачных операциях в начале войны, о медленности военных действий, он замечает: „Потемкин, человек, носящий на себе особливо милость и доверенность монаршу, могущий все, что восхощет, генерал-губернатор к турецким границам прилегающих губерний и президент военных коллегий, поскакал на турецкие границы. При таковых обстоятельствах кто бы не подумал, чтобы князь Потемкин, при первом открытии войны, не вступил в неприятельские области, чтобы флот наш, которого в Севастопольском порте показывали государыне и германскому императору, не выступил в море и не пошел бы прямо к Константинополю или, по крайней мере, к Синопу и не опустошал бы области турецкия... Чего не доставало? Пять лет мы готовились к войне; войска были отовсюду собраны, артиллерия привезена, флот готов, все казано монархине, всему она чинила похвалу... Стекались, кажется, случаи для обвинения пышного начальника", и проч. 13. Щербатов, на указанных основаниях, приходит к заключению, что Потемкин должен был или позаботиться о приведении в надлежащее состояние войска и флота, или же не вызывать войны с Портою. И правда, оказалось, что средства Потемкина во время [110] войны были недостаточны. Медленность и незначительность успехов его в первый год борьбы современники не без основания объясняли тем, что князь, несмотря на громадные суммы, истраченные им на войско и флот, не вполне был приготовлен к войне. Сравнительно-скромные успехи не соответствовали внешнему блеску армии и флота, чрезвычайно понравившихся императрице. Потемкин обвинялся в небрежности, беспечности, даже в трусости, а его неумению вести дело приписывались неудачи первого времени войны, особенно же медленность при важнейшей операции — осаде Очакова.

Подробное изложение деятельности Потемкина в области дипломатии по случаю разрыва России с Турцией в 1787 году и в качестве полководца во время войны до 1791 года выходило бы из рамки нашего сочинения. Мы ограничиваемся указанием на некоторые характеристические черты этих важных событий для освещения нрава Потемкина и места, занимаемого им в истории этой эпохи. И в этом случае, как и в других главах нашего очерка, мы будем обращать главное внимание на отношения Потемкина к Екатерине. Ко времени разрыва между Россией и Турцией относится множество писем Екатерины к Потемкину. Из них видно, в какой мере императрица стояла выше князя по силе воли и умственным способностям. Порою Потемкин, в первое время войны, падал духом, унывал. обнаруживал малодушие. Екатерина старалась ободрить его, наставляла, руководила его действиями. Во все это время князь пользовался полным

доверием императрицы, между тем как почти все современники, более или менее знакомые с ходом дел, порицали его образ действий и считали его виновником неудач в войне.

Скоро после того, как Екатерина после пребывания на юге рассталась с Потемкиным на пути в столицу, она узнала о разных действиях Порты, готовой объявить войну России. Тогда она написала Потемкину, указывая, между прочим, [111] на события в Турции: „Противу сего всякие слабые меры действительно быть не могут; тут не слова, а действие нужно, нужно, нужно, чтоб сохранить честь, славу и пользу государя и государства" 14.

Екатерина, основываясь на данных, сообщенных ей Потемкиным, считала Россию хорошо для войны приготовленной и заметила в беседе с Храповицким (1 сентября), что „в две недели все войска могут быть на своих местах» 15. При всем том императрица, однако, сильно беспокоилась. 3-го сентября она плакала, жалуясь на „отлучку князя" и замечая, что „в течение тринадцати лет сделала привычку обо всем обстоятельно говорить и советоваться" с Потемкиным. „Что меня более тревожит», сказала она, „то это, что князь ничего решительно не пишет, как будто бы и он чем-нибудь нечаянно встревожен» 16.

Агент Потемкина в Петербурге — Гарновский, наблюдавший зорко за настроением умов в столице в отношении к князю, писал в это время Попову: „Несмотря, что, по случаю бытности ее И. В-ва в Тавриде, его светлость поднялся гораздо выше, остались люди, которые роют подкопы, да и рыть, доколе партия противоборствующая его светлости не истребится, не престанут». Гарновский находил, что в этом отношении нельзя надеяться даже на графа Безбородко, находившегося в близких сношениях с недоброжелателями Гарновский опасался, что люди влиятельные станут препятствовать усиленному набору рекрут, желая „сделать князю маленькое шиканство". Между тем как одни желали Потемкину успеха, другие ожидали, что его положение сделается опасным. „Если бы не он, то бы не было войны", говорили в иностранной коллегии. Зато Екатерина оставалась верною своим взглядам. Мамонов в сентябре 1787 года говорил Гарновскому: „Я вас уверяю, что князь в мыслях государыни в таком положении, [112] что никто не дерзнет сделать что-нибудь вопреки ему" 17. Было устроено самое быстрое сообщение между главною квартирою Потемкина и императрицею. Для курьеров на каждой станции стояло по 12 лошадей. Однако князь вообще писал очень редко. В записке Екатерины от 20 сентября сказано: „Третья неделя, как я от вас не имею ни единой строки, почему нахожусь в великом душевном беспокойстве, столько по делам, как и о вашем здоровье; уведомите меня чаще о том и другом» 18.

Наконец, Потемкин, командовавший в это время Екатеринославскою армией, выразил желание приехать в Петербург. Екатерина была недовольна и начала письмо к князю такими словами: „Я думаю, что в военное время фельдмаршалу надлежит при армии находиться". Однако, по просьбе Мамонова, благоволившего к Потемкину в это время, редакция письма была смягчена 19.

В это время начались военные действия на берегах Черного моря, преимущественно у Кинбурна, но Потемкин в них не участвовал. Екатеринославская армия была еще довольно далеко от берегов Черного моря, где находился Суворов с отрядом войск. Кинбурн был недостаточно укреплен, и Потемкин, как видно из его переписки с Екатериною, считал положение крепости весьма опасным; он падал духом и не верил в возможность отстоять Кинбурнскую крепость. Екатерине приходилось утешать его 23 сентября она писала ему: „Ради Бога, ради меня, береги свое драгоценное для меня здоровье; я все это время была не жива, ни мертва от того, что не имела известия. Молю Бога, чтоб вам удалось спасти Кинбурн», и проч. 24 сентября она писала: „Я с немалым удовольствием вижу, что ты моим письмам даешь настоящую их цену; они суть и будут искренно дружеские, а не иные. Беспокоит меня твое здоровье: я знаю, как ты заботлив, как ты [113] ревностен, рвешься изо всей силы; для самого Бога, для меня имей о себе более прежнего попечение; ничего меня не страшит оприч твоей болезни. В настоящее время, мой милый друг, ты не просто частный человек, который живет и все делает, как ему угодно; вы принадлежите государству и мне; ты должен, приказываю тебе, беречь свое здоровье; я должна сделать это, ибо благо, защита и слава империи поручены твоим заботам, и нужно быть здоровым и телом и душою, чтобы исполнить дело, которое ты имеешь на руках; после этого материнского увещания, которое прошу принять с покорностью и послушанием, буду продолжать... Дай Боже не потерять Кинбурна, ибо всякая потеря неприятна; но положим так, то для того не унывать, а стараться как ни на есть отомстить и брать реванш; империя останется империею и без Кинбурна; то ли мы брали и потеряли? Всего лучше, что Бог вливает бодрость в наших солдат; тамо, да и здесь не уныли, а публика лжет в свою пользу, и города берет и морские бои и баталии складывает, и Царьград бомбардирует Войновичем; я слышу все сие с молчанием и у себе на уме думаю: был бы мой князь здоров, то все будет благополучно и поправлено, естли бы где и вырвалось что неприятное. Усердие А. В. Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало; ты знаешь, что ничем так на меня не можно угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности". Затем Екатерина, сообщив разные подробности о делах в военной администрации, об образе действий различных европейских держав, и проч., продолжает: „Молю Бога, чтоб тебе дал силы и здоровье и унял ипохондрию. Как ты все сам делаешь, то и тебе покою нет; для чего не берешь к себе генерала, который бы имел мелкойetail; скажи, кто тебе надобен: я пришлю; на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтоб один из них занялся мелочию, а главнокомандующий тем не замучен был. Что не проронишь, в том я уверена: но во всяком случае не унывай и береги свои силы; Бог тебе поможет [114] и не оставит, а царь тебе друг и подкрепитель; и ведомо, как ты пишешь и по твоим словам, проклятое

оборонительное состояние, и я его не люблю; старайся его скорее оборотить в наступательное, тогда тебе да и всем легче будет, и больных будет меньше и не все на одном месте будут. Написав ко мне семь страниц да и много иного, дивишься что ослабел! Когда увидишь, что отъехать тебе можно будет, то приезжай к нам; я очень рада буду тебя видеть всегда" 20.

Нельзя не сожалеть о том, что до нас дошли весьма лишь немногие письма Потемкина, относящиеся к этому времени. Мы только знаем, что объявление войны турками для него было делом неожиданным и он сознавал, с какими затруднениями ему предстояло бороться, так как ни войско, ни флот не были готовы к открытию действий. Еще в конце августа он писал: „Весьма нужно протянуть два года, а то война прервет построение флота" 21. Не прошло после этого двух недель, как Потемкин, видя, что война неминуема, в письме к императрице выразил желание оставить свой пост главнокомандующего, приехать в Петербург, удалиться в частную жизнь, „скрыться". Екатерина, удивляясь такому малодушию князя, писала ему 25 сентября: „Теснит грудь мою ваше собственное состояние и ваши спазмы, чувствительность и горячность, которые производит усердие; понимаю весьма, что возбуждает в вас нетерпеливость; я сама весьма часто в таком положении, паче же. тогда, когда дела таковой важности как ныне; но ничего хуже не можешь делать как лишить меня и империю низложением твоих достоинств человека самонужного, способного, верного, да притом и лучшего друга; оставь унылую такую мысль; ободрь свой дух; укрепи свой ум и душу против всех затруднений и будь уверен, что ты побелишь их с некоторым терпением; но это настоящая слабость. чтоб, как пишешь ко мне, низложить свои достоинства и [115] скрыться, отчего? я не ведаю; не запрещаю тебе приехать сюда, есть ли ты увидишь, что твой приезд не расстроит тобою начатое, либо производимое, либо судишь, что побывание здесь нужнее, нежели тут, где ты теперь; приказание к фельдмаршалу Румянцеву для принятия команды, когда ты ему сдашь, посылаю к тебе; вручишь ему оное как возможно позже, есть ли последуешь моему мнению и совету; с моей же стороны, пребываю хотя с печальным духом, но со всегдашним моим дружеским доброжелательством». В приписке сказано: „Как отъедешь от своего нынешнего поста, кому поручишь Кавказский корпус? О сем фельдмаршал Румянцев и о тамошних делах сведения не имеет и едва может ли оными управлять, и что из этого выйдет, не ведаю; ты сам знаешь, какую трудною ныне показывается всякая мысль, к которой я никак не приуготовлена, но однако на такой для меня трудной шаг я решилась, понеже говоришь, что здоровье твое того требует; здоровье твое мне нужно; я тебе его желаю, равномерно и продолжения дел, славных для тебя и империи. Дан Боже, чтоб ты раздумал сдать команду фельдмаршалу Румянцеву; не понимаю, как одному командовать ужасной таковой громадою, разве в такое время, когда наверно будет безопасно от неприятельских нападений или предприятий" 22.

По-видимому, Екатерина, сильно озадаченная странным образом мыслей Потемкина и даже изъявляя готовность исполнить его просьбу об увольнении его от главной команды над Екатеринославскою армией, все-таки не теряла надежды, что он останется на своем poste. Она и после этого не переставала почти ежедневно отправлять письма к князю, повторяя свою просьбу, чтобы он писал почаще 23. Просьба об увольнении, впрочем, для всех других оставалась тайною, хотя при дворе ходили слухи [116] об унынии Потемкина. Гарновский писал 30 сентября о замечании Глебова: „Знаем, что князь болен; чудная болезнь: после горячки сделалась лихорадка. Знаем и то, что князь просится сюда; узнали графу Петру Александровичу (Румянцеву) цену. Двор (Екатерина) уважает его теперь более князя" 24.

Вскоре императрица получила новое неутешительное известие от Потемкина. Как видно из ее письма к императору Иосифу II 25, она надеялась на действия черноморского флота, и Потемкин, желая встречи с турками на море, приказал контр-адмиралу Войновичу собрать флот и „произвести дело". „Хотя бы всем погибнуть", — сказано в его ордере, — „но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявить всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы ни стало, хотя бы всем пропасть" 26.

Вышло иначе. Эскадре было велено идти к Варне и запереть или истребить стоявшую там турецкую эскадру. На пути русские корабли были застигнуты страшной бурей, продолжавшеюся несколько дней. Они потерпели сильное повреждение. Это новое несчастье окончательно отняло дух у Потемкина. Любимое его создание, севастопольский флот, был разбит бурей; сын счастья пришел в совершенное отчаяние. „Матушка государыня", писал он 24 сентября, „я стал несчастлив; при всех мерах возможных, мною предприемлемых, все идет навыворот. Флот севастопольский разбит бурей; остаток его в Севастополе, все малые и ненадежные суда и лучше сказать не употребительные; корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности; нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую (sic); не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв, я все милости и имение, которое получил [117] от щедрот ваших, повергаю к стопам вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу (Румянцеву), чтоб он вступил в начальство, но, не имея от вас повеления, не чаю, чтобы он принял, и так, Бог весть, что будет. Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком; но что я был вам предан, тому свидетель Бог». В отчаянии Потемкин ко всему этому еще прибавил свое соображение, что надобно вывести войска из Крыма 27. В другом. письме он снова говорит о потере флота, о своем отчаянии: „Правда, матушка, что рана сия глубоко вошла в мое сердце. Сколько я преодолевал препятствий и труда понес в построении флота, который бы через год предписывал законы Царюгороду!

Преждевременное открытие войны принудило меня предпринять атаковать раздельный флот турецкий с чем можно было; но Бог не благословил. Вы не можете представить, сколь сей печальный случай меня почти поразило до отчаяния" 28. Как видно, Потемкин был страшно расстроен и потрясен. Недаром считался он главным виновником войны; на нем лежала теперь вся ответственность; он не рассчитывал на успех, упал духом и серьезно помышлял о выходе в отставку. В публике ожидали осады Бендер и Очакова, экспедиции против Константинополя, а между тем, главнокомандующий, одержимый ипохондрией, думал даже об уступке Крымского полуострова туркам! После блистательного путешествия Екатерины, после того, как князь старался убедить всех в том, что его административная деятельность была в высшей степени успешна и полезна для края, что меры, принятые им на случай войны, были вполне целесообразны и достаточны, можно было удивляться, что он ограничивался лишь обороною границ, не предпринимал [118] ничего решительного и предавался бездействию в Елисаветграде.

К счастью для Потемкина в публике никто не знал о содержании переписки его с императрицею. Если Екатерина оставляла его на его poste, то объяснить это можно только личным ее расположением к нему, да отчасти недостатком «горячих голов», способных людей, на который так горько жаловалась она в беседах своих с Храповицким. Наконец, она могла думать, что Потемкин лишь временно упал духом. Поэтому она после получения печального известия о повреждении флота всячески старалась ободрить его. Она писала к нему 2-го октября: „Известия конечно не радостные; но однако ничто не пропало; сколько буря была вредна нам, авось либо столько же была вредна и неприятелю, ни уже что ветер дул лишь на нас; как ни ты, ни я сему не причиною, то о сем уже более и говорить не стану, а надеюсь от добрых твоих распоряжений, что стараться будут исправить корабли и ободрить людей, буде они унылы, чего однако я не примечаю; я сожалею всекрайне, что ты в таком крайнем состоянии, как ты пишешь; что хочешь сдать команду, сие мне всего более печально. В письмах твоих от 24-го ты упоминаешь о том, что вывести войска из полуострова; есть ли сие исполнишь, то родится вопрос, что же будет и куда девать флот севастопольский? У Глубокой, чаю, что пристань и прежде признана за неудобную. Я надеюсь, что сие от тебя письмо было в первом движении, когда мыслил, что весь флот пропал, и что мысль такую не исполнишь без необходимой крайности. Я думаю, что всего бы лучше было, еслиб можно было сделать предприятие на Очаков, либо на Бендеры, чтоб оборону, тобою самим признанную за вредную, оборотить в наступление. Начать же войну эвакуациею такой провинции, которая доднесь не в опасности, кажется, спешить не для чего, равномерно сдать команду, сложить достоинство, чины и неведомо что; надеюсь, что удержишься, ибо не вижу к тому ни резонов, ни нужды, [119] а приписываю сие чрезмерной твоей чувствительности и горячему усердию, которые имели не такой успех, как ожидали; но в таких случаях всегда прошу ободриться и подумать, что добрый дух и неудачу поправить может; все сие пишу тебе как лучшему другу воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположения, нежели я сама, но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова... По твоему желанию и теща тебя, я послала к тебе желаемый тобою рескрипт о сдаче команды; но признаюсь, что сие распоряжение мне отнюдь не мило и не славно; никто на свете тебе не желает более добра как я, и для того тебе так говорю, как думаю. Если же уже сдал команду, то прошу приехать сюда скорее, чтоб я могла тебя иметь возле себя, и чтоб ты мог сам узнать, как я думаю и о сем сужу; здесь найдешь, что я как всегда к тебе с дружеским и искренним доброжелательством». В письме есть следующая приписка: „А вот как я о сем сужу: (по-французски) что ты нетерпелив, как пятилетнее дитя, между тем как дела, порученные тебе в сие время, требуют непоколебимого терпения. Прощай, мой друг. Ни время, ни отдаленность и никто на свете не переменят моего образа мыслей к тебе и об тебе". И еще другой постскрипtum: „Пришло мне на ум еще по случаю того, что пишешь о выводе войск из полуострова, что чрез то туркам и татарам открылася бы паки дорога, так-то сказать в сердце империи; ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону; в прошедшие времена мы занимали Крым, чтоб укротить оборону; а теперь Крым в наших руках; как флот вычинится, то надеюсь, что сия идея совсем исчезнет, и что оно представлялось только тогда, когда ты думал, что флота нету; но если хочешь, я тебе дюженьку фрегатов велю построить на Дону; ведь и Севастопольский флот им же пользуется и ныне 29. Очевидно, императрица и в это время не переставала [120] высоко ценить способности Потемкина, питала к нему доверие и относилась дружески. Гарновский упоминает о намерении Екатерины отправить к князю именно в то время какие-то подарки; к этому же времени относится поднесение Екатерине мраморного бюста Потемкина, сделанного Кенигом 30. Из того же источника мы узнаем, что в среде высших сановников были слышны неблагоприятные отзывы об образе действий Потемкина. Так, напр., в совете говорили: „Мы знали, что князь погорячился, дав флоту повеление выступить в море в такое время, которое к выходу судов совсем неспособно". Доброжелатели Потемкина защищали его. Гарновский выставлял на вид, что в Петербурге нельзя составить себе точного понятия о соображениях начальствующего флотом. Граф Мусин-Пушкин, как замечает Гарновский, „стоя грудью" за Потемкина, сказал: „Дай Бог, чтобы князь завладел Очаковым, хотя с потерянными десяти тысячами людей". Гарновский передает также следующее замечание императрицы о Потемкине: „Честь моя и собственная княжая требует, чтоб он не удалялся в нынешнем году из армии, не сделав какого либо славного дела, — хотяб Очаков взяли. Бог знает, отчего он унывает и почти печальные письма пишет. Должно мне теперь весь свет удостоверить, что я, имея к князю неограниченную во всех делах доверенность, в выборе моем не ошиблась". В это время ходили слухи, что Екатерина намеревалась

вызвать Потемкина в Петербург, а начальство над всею армией поручить Румянцеву; говорили. что князь Потемкин „держится одними интригами" 31.

В это время в Петербурге шла борьба между сторонниками Румянцева и приверженцами Потемкина. К последним принадлежал Мамонов. Однажды, за столом, когда императрица предложила пить за здоровье предводителей обеих армий, Мамонов сделал демонстрацию в пользу Потемкина, сказав: „Да здравствует предводитель Екатеринославской [121] армии!" При этом он заметил, что никто не может быть преданнее, как Потемкин. За то другие старались вредить князю. Так напр. Завадовский, узнав, что Потемкин, после разбития бурею черноморского флота, написал Румянцеву отчаянное письмо, сообщил об этом Екатерине. Передавая об этом Гарновскому, Мамонов заметил: „Напрасно князь пишет чувствительность свою изображающие письма к таким лицам, которые не только цены великости духа его не знают, но и злодействуют его светлости. Любя его светлость, как родного отца и благодетеля моего, желал бы я предостеречь его удержаться от такой вредной для него переписки, служащей забавою злодеям его". Далее, Мамонов, в интересе Потемкина, опасался его приезда в Петербург. „Вот будут тогда злодеи", — сказал он, — „иметь повод к разным толкам. Государыня, любя его и почитая честь его нераздельно с своею сопряженною, крайне сего боится; знаете ли, государыня уверяла меня, что князь, по получении позволения быть сюда, тотчас сюда будет, и хотела со мною об заклад биться, а я уверял, что князь, не устроив тамошних дел, не будет. Слава Богу, что сталося по моему. Как государыня этому рада! Да и зачем князь был бы, не сделав никакого славного дела". В заключение этого разговора Мамонов заметил: „Князю некого здесь опасаться. Доколе я буду, что теперь есть, никто противу князя ничего не посмеет; и вам честию клянусь в сем» 32.

Образ мыслей Мамонова главным образом объясняется расположением императрицы к Потемкину. Она же не переставала утешать князя. наставлять его, беседовать с ним о всех текущих делах. В ее письме от 9 октября сказано между прочим: „Твои бесчисленные заботы я понимаю, и весьма жалею, что ты ночи не спишь и в крайней слабости; потеря флота севастопольского не тебе одному нанесла удар; я сие несчастье с тобою делю. Что ты ничего [122] не упустил, о сем ни я и никто не сомневается". Затем императрица дает князю советы о сохранении здоровья. Далее сказано: „Радуюсь, что ты теперь покойнее, что ты стараться будешь о своем здоровье как о делах моих всякий раз, когда вспомнишь, что ты мне нужен и надобен... Естьлиб Очаков был в наших руках, то бы и Кинбурн был приведен в безопасность; я невозможного не требую, но лишь пишу, что думаю. Прошу прочесть терпеливо; от моего письма ничто не портится, ни ломается, лишь перо тупится и то не беда. Будь здоров, а не болен, вот чего я желаю; будешь здоров и сюда приедешь; тогда переговорим о чем нужно будет. Я свое беспокойство мало считаю и в счет не ставлю, авось либо Бог силу даст снести; один способ есть уменьшить мое беспокойство: чаще пиши и уведоми меня о состоянии дел" и проч. 33.

Удачное действие Суворова под Кинбурном ободрило Потемкина. 1-го октября отражено было нападение турок на эту крепость. Успех этот произвел хорошее нравственное влияние не только на войско, но и на главнокомандующего. В письме от 5 октября Потемкин благодарил Суворова 34, но все еще не переходил к наступательным действиям и просил императрицу позволить ему употребить, в случае надобности, один корпус Украинской армии 35.

Узнав об этом, Екатерина опять-таки выразила желание, чтобы были приняты меры к занятию Очакова. Входя во все подробности военных действий, императрица не переставала просить князя беречь свое здоровье и не слишком тревожиться в случае каких либо неудач. Так напр. она, узнав, что один из русских кораблей, поврежденный бурею, попал в руки турок, писала: „Что делать, быть так; прошу тебя только сего отнюдь не брать с лишнею [123] чувствительностью" 36. Подробные и частые письма Екатерины к Потемкину в это время доказывают, что она действительно нуждалась в его советах и высоко ценила его мнение относительно всех политических вопросов. Все это, однако, не мешало ей удивляться медленности военных действий на юге и сожалеть об ипохондрии князя. В начале ноября Мамонов сказал Гарновскому: „Я рад, что князь стал повеселее; если б он знал сколько стоило мне это труда" 37.

Потемкин действительно немного оправился духом. По крайней мере он в ноябре месяце из Елисаветграда приехал в Херсон для осмотра галерного флота, сооружение которого было предметом его забот во все это время. При этом случае он осмотрел Лиман и довольно близко подошел к Очаковской крепости, так что шлюпка его находилась в опасности. До нее долетали турецкие пули. Разговаривая с флотскими офицерами о Кинбурнском деле, он заметил: „Турки наверное в будущую кампанию придут в Лиман для отмщения вам за вашу отважность и за причиненные беспокойства; но я надеюсь на всех вас, что покажете им, какова Херсонская гребная флотилия" 38.

Екатерине князь в письме от 1-го ноября объяснял подробно, почему не так скоро, как она ожидала, можно было приступить к осаде Очакова. „Кому больше на сердце Очаков, как мне"? — говорится в этом письме. — „Несказанные заботы от сей стороны на меня все обращаются. Не стало бы за доброй волею моей, если б я видел возможности. Схватить его никак нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не может, — и к ней столь много приготовлений!... — Если бы следовало мне только жертвовать собою, то будьте уверены, что я не замешкаюсь минуты; но сохранение людей столь драгоценных обязывает итти верными шагами" 39. [124]

Преждевременное начатие войны и соединенные с ним невыгоды внушали и Потемкину, и Екатерине желание как бы поскорее освободиться от войны 40. За письмо от 1-го ноября императрица хвалила князя. „Спасибо тебе. что ты откровенно и прямо дружески ко мне пишешь и, при всех хлопотах по месту и должности, однако не оставляешь меня подробно уведомить; я сие принимаю с отличным сердечным чувством и тобою чрезвычайно довольна, и ты развернул свету в нынешнее время такое обширное и искусственное знание и поведение, которое моему выбору и тебе делает честь, и я тебя люблю вдвое более еще. Вижу, что Очаков тебе делает заботу; я тут же, отдавая тебе полную волю, лишь Бога прошу, чтоб благословил твои добрые предприятия... Что хлопоты тебя не допустят побывать здесь хотя на короткое время, о сем весьма жалею: я б к тебе бы поскакала, естли сие можно было делать без прибавления хлопот. Что твое здоровье поправляется, сие служит мне к великому утешению, понеже люблю тебя весьма и тобою очень, очень довольна... Прощай, мой друг. Бог с тобою, и никогда чтоб тебе на ум не приходило, чтобы ты мною мог быть позабыт. Александр Матвеевич (Мамонов) тебя как душу любит». В другом письме сказано: „Будь здоров, бодр, весел и благонадежен на лучшего твоего друга, то есть на меня, и напиши мне, что признаешь меня таким» 41.

Как видно, императрица считала нужным нравственно поддерживать Потемкина. Хотя она не была довольна медленностью хода дел, она не подвергала строгой критике образ действий главнокомандующего. Только однажды Екатерина выразилась более энергично, но все-таки осторожно, порицая нерешимость князя. и вялость военных операций. В ее письме от 23-го ноября сказано: „Из многих ваших писем мне бы казаться могло, что вы колеблетесь [125] в выполнении вами же начерченного и уже начатого плана в рассуждении турок и относительно до того; но я сих мыслей себе никак не позволяю и выбиваю из головы, понеже не могу себе вообразить, чтоб в мыслях ваших находилась подобная колебленность, ибо нет ни славы, ни чести, ни барыша, предприяв какое дело и горячо оное поведя, потом не доделав, самовольно исковеркать, паки начать иное. Оборону границ вы вели с совершенным успехом; даст Бог здоровья, мой друг, поведешь с успехом и наступательные действия" 42.

Из последнего замечания можно заключить, что императрица неудачный ход дел на юге приписывала главным образом ипохондрии князя. К тому же последний в это время оставлял Екатерину иногда по целым неделям без всяких прямых известий, чем она была крайне недовольна. В декабре Гарновский писал Попову: „Государыня находится в великой задумчивости и часто со слезами пеняет на светлейшего князя". Он же пишет, что Екатерина сказала: „Если б князь знал, каково у меня на сердце, то бы он не мучил меня долговременным молчанием» 43. В записке Екатерины к Безбородке, относящейся к этому времени, сказано: „Пошлите нарочного по дороге к Кременчугу, который бы навевывался на каждой почте, не пропал ли или не занемог ли какой курьер от князя" 44. К самому Потемкину она писала 30 декабря: „Я тобою, мой друг, во всем была бы чрезвычайно довольна, естли-б ты мог себя принудить чаще ко мне писать и непременно отправить еженедельно курьера; сей бы успокоил не токмо кой дух, сберег бы мое здоровье от излишних беспокойств и отвратил бы тысячу не одну неудобств; в сей час ровно месяц как от вас не имею ни строки; из каждой губернии, кроме имя мое носящей, получаю известия двойжды в месяц, а от вас и из армии ни строки, [126] хотя сей пункт есть тот, на который вся мысль и хотение устремлены; это значит заставить меня умирать тысячью смертей, а не одной смертью; вы ничем живее не можете мне казать привязанности и благодарности, как писать ко мне чаще; а писать из месяца в месяц, как ныне, сие есть самый суровый поступок, от которого я страдаю ежечасно и который может иметь самые злые, неожиданные и нежелаемые от вас следствия" 45.

Недоброжелатели князя радовались такому неудовольствию Екатерины. Так напр. Алексей Орлов резко порицал Потемкина при этом случае 46. Безбородко жаловался графу С. Р. Воронцову: „По месяцу почти курьеров не имеем» 47. В городе говорили, что императрица отправила князя Репнина на смену Потемкина. Граф А. Р. Воронцов говорил: „На месте Румянцева я бы просил государыню, чтобы не только армию, но и князя поручила мне в команду, а иначе от нее бы отказался... Как можно требовать, чтобы все повиновалось князю... Все только то хорошо, что делает князь... Что мы — чучелы, что ли?" Павел был недоволен Потемкиным, приписывая ему нежелание императрицы отпустить его в армию. Вяземский жаловался на Потемкина, требовавшего более и более денег; другие говорили, что он „морит солдат" 48. Таким образом, князь к концу года находился в крайне неловком, даже в опасном положении.

Примечания

1 См. появившуюся немного позже брошюру Вольнея (Volney), „Considerations sur la guerre actuelle", стр. 13.

2 См. письмо Сожи (Saugy) к С. Р. Воронцову из Швальбаха от 29 июля 1686 г. в „Архиве князя Воронцова", XXVII. 189.

3 См. мою статью „Разрыв между Россией и Турцией в 1787 году", в „Журн. Мин. Нар. Пр.", CLXVIII, отд. 2, 138.

4 „Сб. И. Общ.", XLVII, 191-192.

5 Segur, „Memoires", III. 93.

- 6 Segur, III. 106.
- 7 Segur, III. 223.
- 8 Arneth, „Joseph II u. Katharina". Приложение.
- 9 Blum, „Ein russ. Staatsmann", II. 482.
- 10 Herrmann, „Gesch. d. russ. Staats", VI. 155, 156. Также многие данные в соч. Гельбига о Потемкине, „Minerva", 1798, I. 546, II. 488, 493, и пр.
- 11 Segur, III. 456.
- 12 Hermiann, VI. 164. Донесение Гельбига.
- 13 „Чтения Моск. Общ.", 1860. 78-80.
- 14 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 421.
- 15 Дневн. Храп. 1 и 2 сент. 1787.
- 16 Зап. Гарновского — „Р. Стар.", XV. 247.
- 17 „Р. Стар." XV. 244, 245, 249, 259.
- 18 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 423.
- 19 „Р. Старина", XV. 214.
- 20 „Сборник Ист. Общ.", XXVII. 426-428.
- 21 „Русская Старина", XVI. 442.
- 22 „Сб. Ист. Общ.", 425-430.
- 23 См, напр., краткое письмо от 30 сентября в „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 432.
- 24 „Русская Старина", XV. 255-256.
- 25 Arneth, „Joseph II und Katharina", 301.
- 26 „Жизнь Ушакова", соч. Скаловского, I. 53.
- 27 Соловьев, „Падение Польши", 176. Нельзя не сожалеть, что письмо Потемкина сообщено не целиком, а в изложении.
- 28 Соловьев, „Падение Польши", 177.
- 29 „Сб. Ист. Общ.". XXVII. 433 и 434.
- 30 „Р. Стар.", XV. 256 и 257.
- 31 „Р. Стар.", XV. 263 и 234.
- 32 Гарновский в „Р. Стар.", XV. 474, 477-478.
- 33 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 436-437.
- 34 Smitt, „Suworow", I. 293.
- 35 „Зап. Энгельгардта", 69.
- 36 „Сб. И. Общ.", XXVII. 441.
- 37 „Р. Стар.", XV. 480.
- 38 Самойлов в „Р. Архиве", 1867. 1242, 1566-1567.
- 39 Соловьев, „Падение Польши", 178.
- 40 См. ее письмо к Потемкину от 4 ноября 1787 г. в „Сб. И. О.", XXVII. 445 и след.
- 41 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 451-452.
- 42 „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 454.
- 43 „Р. Старина", XV. 494, 496, 497.
- 44 „Сб. И. О.", XXVII. 461.
- 45 „Сб. И. О.", XXIII. 459.
- 46 „Р. Старина", XV. 693.
- 47 „Сб. И. О.", XXVI. 404.
- 48 „Русская Старина", XV. 478, 483, 487. Храповицкого дневник, 6 октября 1787 г.

VII. Очаков.

[127] Уже в ноябре 1787 года императрица с нетерпением ожидала взятия Очакова, но эта крепость была занята лишь в декабре 1788 года. Такую медленность военных действий приписывали неумению Потемкина взяться за дело. Румянцев в 1788 году с успехом поражал турок за Прутом, между тем как армия Потемкина вяло передвигалась в направлении к Очакову. Война началась в августе 1787 г. До зимы Потемкин мог бы сделать многое, если бы приготовления к походу были своевременны и как должно сделаны. Бездействие войск дало туркам возможность сильнее укрепиться в Очакове, усилить гарнизон, улучшить флот. К сожалению, у Потемкина, как главнокомандующего, не было определенного плана действий, да к тому еще он в это время часто хворал. Сильное же повреждение флота окончательно подорвало его энергию. Избалованный счастьем, привыкший к постоянному исполнению своих малейших желаний, он приходил в отчаяние от того, что военные действия затягивались, тогда как он рассчитывал кончить все одним ударом 1.

Императрица, в свою очередь, не переставала утешать Потемкина, изъявлять ему полное доверие. Она писала ему 11 января: «Что твои заботы велики, о том нimalo не сомневаюсь, но тебя, мой свет, станут на большие и малые [128] заботы; я дух и душевные силы моего ученика знаю, и ведаю, что его на все достанет; однако будь уверен, что я тебя весьма благодарю за твои многочисленные труды и попечения: я знаю, что они истекают из горячей любви и усердия ко мне и к общему делу... Будь уверен, что хотя заочно, но мысленно всегда с тобою и вхожу во все твои беспокойства по чистосердечной моей к тебе дружбе и то весьма понимаю, что будущие успехи много зависят от нынешних приготовлений и попечений... Я молю Бога, чтоб укрепил твои силы душевные и телесные... я тебя люблю и полную справедливость отдаю твоей службе» 2. В письме от 26 января говорится, между прочим: «Пришло мне на ум, что ты мои шубки любишь, а которые есть, я чаю, уже стары, и для того вздумала снабдить тебя новою; носи ее на здоровье» 3. В других письмах, относящихся к этому времени, находим, между прочим, следующие выражения: «Слушай, папа, я тебя очень люблю»... «Радуюсь, что шубка моя тебе понравилась; китайских два шлафрока посылаю; я не сомневаюсь, что везде увижу твою ко мне любовь, верность и усердие; я сама, ваша светлость, вас очень, очень и очень люблю. В письме, писанном в марте, говорится: «Я без тебя, как без рук, и сама затруднения нахожу тут, где с тобою не нахаживала: все опасуюсь, чтоб чего не проронили». И дальше: «Добрый твоим распоряжением надеюсь, что все ко времени поспеет; жалею лишь о том, что ты из сил выбился». Сообщая в апреле о слухе, будто бы Турция желает заключения мира, императрица писала: «Я сего от сердца желаю, дабы ты сюда возвратился, и я не была бы без рук, как ныне. Как возьмешь с Божиею помощью Очаков, тем и кончится» 4. Иногда и Потемкину приходилось утешать императрицу, которая жаловалась на большое число больных, на хлопоты и заботы по случаю войны. «В сем случае, что вам делать?» [129] — писал князь однажды: — «терпеть и неизменно надеяться на Бога. Христос вам поможет. Он пошлет конец напастям. Пройдите вашу жизнь: увидите, сколько неожиданных от Него благ по несчастью вам приходило. Были обстоятельства, где способные казались пресечены пути, — вдруг выходила удача» 5.

Иногда Екатерина с нетерпением ожидала писем от Потемкина. «У меня княжьи письма не лежат без ответов; лишь бы князь был в переписке столько аккуратен, сколько я, и не заставлял бы меня ожидать своих курьеров» 6, — писала императрица в январе. Вообще же она была очень довольна князем. Мамонов также говорил о своей готовности во всех отношениях отстаивать интересы Потемкина и заботиться о доставлении ему достаточных сумм денег 7. Гарновский писал Попову, что друзья Потемкина действовали в его пользу, замечая при этом: «На князя говорили, что денег много потрачено по пустому; теперь государыня сама видела Херсон и разные в тех местах заведения, то может ли кто ее после сего уверить, что деньги истрачены даром?» Далее Гарновский писал: «Очаковым занимается площадь, публика, совет и двор. Двор (т.е. Екатерина) имеет к его светлости доверенность, но прочие три части разглагольствуют о сем сходственно с их познаниями, не посоветуясь однако же никогда с пятью чувствами, им дарованными. Некто из совета, производя безрассудные ропоты на упущения и входя в споры, давно бы уже в семь дней завладел Очаковым, если б Бог всех зверей наделил рогами». Зато Мамонов не терпел, чтобы в его присутствии что либо говорили против князя. Великий же князь Павел Петрович обнаруживал явную холодность в обращении со всеми теми лицами, которые могли считаться приверженцами Потемкина, и князь Вяземский [130] жаловался на громадность сумм, требуемых Потемкиным для продолжения военных действий 8.

Екатерина во все время оставалась верною своим взглядам на необычайные способности Потемкина. Разговаривая в апреле 1788 года с Храповицким о «горячих головах», она заметила между прочим 9, что «теперь один князь Потемкин-Таврический» (т.е. из «горячих голов»). Искренно заботясь о здоровье князя, императрица была очень довольна начальником канцелярии князя, Поповым, который советовал ей в письмах к князю «попенять на крайнее о своем здоровье нерадение» его 10.

Недоброжелатели Потемкина в мае распускали слух и говорили Екатерине, что в екатеринославской армии больных и умирающих много оттого, что людей вместо хлеба, будто бы за неимением его, кормят кутьею; Гарновский жаловался особенно на графов Воронцова и Завадовского, старавшихся вредить Потемкину 11.

Недаром князь писал Екатерине 5 мая: «Дела много; не до того, чтобы заниматься о злодействах, на меня устремленных, а скажу только, что, матушка государыня, полагаю всю и во всем пространстве надежду на вас и из-за сей презираю злость». Прочитав Храповицкому это письмо, императрица сказала: «Конечно, князь может надеяться; оставлен не будет; он не знает другого государя; я сделала его из сержантов фельдмаршалом; не такие злодеи его ныне, каковы были князь Гр. Орлов и граф Н.И. Панин. Князь Орлов всегда говорил, что Потемкин умен, как чорт» 12.

Спустя несколько дней, однако, Потемкин озадачил императрицу повторением предложения покинуть Крым. В его письме от 10 мая сказано: «Дай Боже помощь; но при том помяну мою прежнюю мысль, что, не имея тамо крепостей [131] надежных, ни флоту еще сильного, гораздо бы лучше было его оставить и, дав войти неприятелю, его выгнать. Войска же тамошние, находящиеся за Перекопом, могли по обстоятельствам действовать и умножить наше пититное 13 число, а теперь они, кроме обороны, по которой привязаны к Севастополю, в Тавриде, как в кошеле, лежать должны». В этом же письме Потемкин писал далее: «Матушка, всемилостивейшая государыня! Я и пойду и буду действовать со всею ревностью, несмотря на новость моей пехоты, которая почти вся из рекрут; я везде собою показывать стану пример, с охотою принесу на жертву жизнь мою вам, моей матери, государству и, можно сказать, христианству, надеясь несомненно, что Бог мне поможет. Я везде сделал всевозможные распоряжения противу неприятельских покушений, но как успехи военные перемене подвержены, то если бы, за всеми моими стараниями, где либо неприятель получил выигрыш, — не причтите, милостивейшая государыня, мне в вину. Бог видит, сколько я распален желанием принести вам славу» 14.

Императрица была тронута этим изъявлением готовности умереть за нее, за Россию и «за христианство». Сообщая Храповицкому о содержании письма Потемкина, оно сказала: «Сам с рекрутами идет доказать свое усердие и умереть христианином; в войне обстоятельства переменны: может быть, и турки некоторые удачи получают. Не хочу, чтоб он жертвовал собою» 15.

Зато императрица не понимала, каким образом Потемкин мог думать об оставлении Крыма, между тем как соображения князя могут быть объяснены его самолюбием. Крымские войска он хотел присоединить к своей армии, чтобы обеспечить ей легчайший успех 16. Екатерина же была крайне недовольна предложением князя и писала ему: «На [132] оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу; об нем идет война, и естли сие гнездо оставить, тогда и Севастополь и все труды и заведения пропадут, и паки восстанутся набег татарские на внутренние провинции; и кавказский корпус от тебя отрезан будет, и мы в завоевании Тавриды паки упражнены будем, и не будем знать, куда девать военные суда, кои ни во Днепре, ни в Азовском море не будут иметь убежища; ради Бога не пушайся на сии мысли, кои мне понять трудно, и мне кажутся неудобными, понеже лишают нас многих приобретенных миром и войною выгоды и пользы. Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с оного, чтоб держаться за хвост. Впрочем, будь благонадежен, что мыслей и действий твоих, основанных на усердии, ревности и любви ко мне и к государству, каков бы успех ни был, тебе всеконечно в вину не причту». «Кому известно столько, как мне самой», — говорила Екатерина в конце своего письма, «с открытия войны сколько ты трудов имел: флот чинил и строил, формировал снова пехоту и конницу, собрал в голодное время магазейны, снабдил артиллерию волами и лошадьми, охранял границу так, что во всю зиму ни кота не пропускал», и проч. 17. Совсем иначе, т.е. гораздо менее выгодно отзывались об образе действий Потемкина люди, хорошо знакомые с положением дел. К числу их принадлежал принц де Линь, находившийся в лагере Потемкина в качестве военно-дипломатического агента Австрии. Некоторые из его писем к Иосифу II и Сегюру весьма интересны. «Я. желал представить вам отчет», — писал он императору, «о ваших неприятелях и друзьях: первые, однако, слишком далеко отсюда, последние же слишком самолюбивы. Какая разница между русскою армией в нынешнем и тою же армией в прошлом году. Какую ревность вы видели здесь... Наконец, я сюда приехал. Боже, что за погода, что за дороги, что за зима, что за главная квартира в Елисаветграде!.. Я думал, что князь [133] Потемкин будет рад моему приезду. Я, бросился обнимать его и спрашиваю: ««Что же Очаков?»» Он отвечает мне: ««Бог мой, в Очакове 10,000 человек гарнизону, а у меня во всей армии столько не будет. У нас во всем недостаток. Я самый несчастный человек, если Бог мне не поможет»». — ««Как же?»», — перебиваю я его, — ««мне говорили, что у вас начинается осада?»» А Потемкин в ответ: ««Напротив, дай Боже, чтобы татары не напали на нас здесь и не предали все огню и мечу. Бог меня спас... я считаю чудом, что мог еще отстоять столь обширные границы»». ««Где же татары?»» — спрашиваю я. ««Везде»», — отвечает князь, — ««а затем еще стоит сераскир со множеством турок у Аккермана; 12,000 турок под Бендерами сторожат берег Днестра и 6,000 в Хотине»». Во всем этом не было ни одного слова правды. Но мог ли я думать, что Потемкин захочет обманывать тех, в помощи кого он нуждался. ««Вот»», — сказал я ему, — ««письмо императора, в котором изложен план войны... Его величество поручил мне спросить вас, что вы предполагаете делать?»» Князь возразил, что на другой же день письменно сообщит мне свои соображения. Жду день, два, три дня, неделю, две недели; наконец мне доставлен план кампании, заключающий в себе следующее: ««С помощью Божию я атакую все, что встречу между Бугом и Днестром»» 18.

Таков был Потемкин в это время. Он опасался набег татар, что казалось в высшей степени забавным принцу де Линю. Два раза последний в насмешливом тоне писал к Сегюру об этих татарах.

Как видно, ипохондрия князя мешала ему заняться составлением подробного плана кампании. В общих чертах союзники договаривались, что Австрия попытается взять Белград, а русское войско займется осадой Очакова; но в частности ничего не было определено. Потемкин не дорожил временем. Французский инженер Лафит, особенно [134] деятельно трудившийся над укреплением Очакова, писал к графу Сегюру, что крепость эта не устояла бы против быстрого и решительного нападения. Нельзя поэтому удивляться тому, что Сегюр находил образ действий князя, постоянно обвинявшего австрийцев в бездействии, непрослительным 19. В продолжение нескольких месяцев Потемкин занимался сборами войска и изготовлением снарядов, необходимых для осады Очакова. А между тем условия успеха становились менее и менее благоприятными. Из перлюстрации письма от принца Нассау-Зиген к Сегюру из Варшавы императрица узнала, что по плану принца можно было взять Очаков в апреле, что Суворов был согласен с этим и гарнизон тогда не превосходил 4,000 солдат 20. Однако, при недостатке во всем необходимом в армии, Потемкин не мог предпринять ничего решительного. В «Записках Державина» сказано: «В 1788 году в армии князя Потемкина был крепкий недостаток в хлебе. Он велел в марте месяце купить в разных губерниях; но так как в том году родился хлеб худо, то и не мог он удовлетворить требованию». Принц де Линь писал в апреле из лагеря Потемкина императору Иосифу: «Если бы у нас были съестные припасы, мы отправились бы в поход; если бы мы имели понтоны, то имели бы возможность переходить чрез реки; если бы были у нас бомбы и ядра, мы приступили бы к осаде крепостей, — но именно забыли запастись всем этим (on n'a oublié que cela), и теперь князь велел привезти эти вещи по почте. Транспорты и покупки аммуниции стоят миллионы рублей... Мы здесь ровно ничего не делаем. На днях я упрекнул князя в бездействии»... «На днях», — говорил де Линь в другом письме, — «я сказал князю, что призову 6,000 кроатов для взятия Очакова, с которым так церемонится здешняя армия... Императрица в крайнем удивлении, что я не пишу к ней; но я люблю быть откровенным; мне неприятно писать о [135] князе, что он мог бы сделать гораздо более, нежели делает».

Несмотря на все это личность Потемкина сильно нравилась принцу де Линю. Хотя он часто смеялся над изнеженностью и причудами князя, он иногда и хвалил его. Так напр. в мае, говоря о поездке князя в Херсон для осмотра галерной флотилии, он ставил ему в большую заслугу, что он так скоро создал эту флотилию. И после кончины Потемкина он в восторженном тоне говорил о необычайных способностях князя. Зато весною 1788 г. он часто выходил из терпения, имея дело с князем. «Я здесь», — писал он из Елисаветграда, — «состою нянькой. Мой ребенок велик, силен и упрям. Вчера он мне сказал: ««Неужели вы воображаете, что приехали сюда для того, чтобы водить меня за нос? «« ««Неужели»», — возразил я ему, — ««вы думаете, что я вообще приехал бы сюда, если бы не имел этого намерения? Любезный князь, вы ленивы и неопытны; потому для вас это самое лучшее. Зачем не хотите вы вверить себя человеку, влюбившемуся в вашу славу и только мечтающему о могуществе двух империй? Вам недостает весьма земного для того, чтобы быть совершенством, но гений ваш бессилен, если он не будет поддерживаем доверием и дружбою»». Князь заметил: ««Дайте перейти вашему императору чрез Саву — и я двинусь за Буг»». « «Значит»», — возразил я, — ««вы считаетесь комплиментами, как щеголи у дверей салона. Мот государь уступает вам первый шаг: против него действует турецкая армия. Пред вами же нет никакой армии»». ««Думаете ли Вы»», — спросил он наконец, — «« что император пожалует нас знаком ордена Марии Терезии и примет знаки Георгиевского креста для раздачи отличившимся в обеих армиях?»» Тут я увидел, куда метил князь. Он имеет страсть к знакам отличия. У него их только двенадцать; я же уверил его, что взятие Очакова непременно доставит ему наш орден высшей степени (notre grande croix), а если бы содействовал он [136] взятию нашими войсками Белграда, то приобрел бы даже право на орден св. Стефана. Прошу ваше величество подтвердить мое обещание; и если бы можно было уговорить его величество, католического короля, дать ему орден Золотого Руна, то мы могли бы совершенно рассчитывать на князя» 21.

Потемкин оставался в Елисаветграде до мая месяца. Тогда только решился он отправиться на юг для начатия военных действий. Специалисты впоследствии обвиняли его в том, что он сделал большую ошибку. «Чтобы парализовать стратегическое значение Очакова», — пишет полковник генерального штаба Петров, — «достаточно было бы наблюдать его отдельным отрядом, а с главными силами армии следовало идти к Дунаю и скорее соединиться с австрийцами для общего наступления к Балканам» 22. Особенно важными делами оказались действия на море около Очакова. Недаром в России надеялись на флот, постройка и снаряжение которого были по преимуществу предметом забот князя Потемкина. Флот этот в Севастополе чрезвычайно понравился Екатерине, отчасти даже Иосифу и внушал сильные опасения Сегюру. Роль его могла быть чрезвычайно важною. При помощи этого флота можно было отрезать Очаков от Турции, воспрепятствовать подвозу свежих войск и припасов в осажденную крепость. Вот почему князь употребил громадные средства на постройку кораблей и предался сильному отчаянию, когда осенью 1787 года корабли эти серьезно пострадали от бури. Весною 1788 года он предписал флоту подойти к Очакову и стараться не допускать туда турецкого флота 23. Приготовлением ко всему этому Потемкин объяснял свое бездействие по отношению к сухопутному войску. В негодовании писал он императрице 19 мая: «Я слышу, будто император вам и, через [137] посла, вице-канцлеру жаловался на недействие армии. С какой стати меня они тут припутывают? Войска. мне вверенные, большею частию хранить должны границы; наступательное же у меня на один пункт, то есть на Очаков, для чего я должен путем собраться и взять все

меры, чтобы не плакаться... По нечаянной войне мне было нужно сделать в четыре месяца то, что бы должно было в два года произвести. Пускай другой мог бы возыметь кураж чинить совсем разбитый погодою флот, настроить гребных судов, могущих ходить в море, такое множество и сформировать совсем вновь шестнадцать батальонов пехоты, до десяти тысяч совсем новой конницы, составить большой магазин подвижной, снабдить артиллерию ужасным числом волов, изворачиваться в пропитании — и все это в четыре месяца на степях, без достаточных квартир, а паче на кинбурнской стороне, где слишком на десять тысяч людей в три недели было должно построить жилища». Далее князь писал: «Матушка, всемилостивейшая государыня, вы видите, с какою охотою я поеду». В другом письме говорится: «Я. бы был уже сам за Бугом, но нужно дожидаться из Херсона уведомлений» 24.

Ожидая столкновений между русским и турецким флотами в Очаковском лимане, Потемкин опасался неудачи. «Не те турки», — писал он, — «и чорт их научил. Флотилия их на лимане сильна и тяготит меня много». Он жаловался также и на австрийцев: «Император ничего не делает». В тот же день он доносил о морском сражении (7 июня), в котором русский флот одержал верх. К его рассказу прибавлено: «Если бы брандеры наши из Херсона успели, то бы, конечно, дело было решительное». На каждом шагу являлись препятствия, затруднения. В первых числах июня, именно в то время, когда князь решился двинуться из Елисаветграда, он захворал; 15 июня он писал: «Я уже о сию пору был бы под Очаковым, но дожди сильные и необычайные отняли у меня способ переправиться [138] в том месте, где была удобность... Хлопотам не было конца». Сообщив в восторге о второй и более важной победе над турецким флотом, Потемкин писал: «Вот, матушка, сколько было заботы, чтобы в два месяца построить то, чем теперь бьем неприятеля», и проч. 25.

На самого Потемкина известие о морской победе 17 июня действовало чрезвычайно сильно. В самых восторженных выражениях он говорил об этом событии с принцем де Линь и видел в нем Божий промысел, особое, оказанное ему Провидением, покровительство.

Екатерина все время была очень довольна Потемкиным. В мае, по получении подробных известий от князя, она сказала: «Если бы и вся Россия вместе с фельдмаршалом (Румянцевым) противу князя восстали, я с ним» 26. В конце июня Гарновский писал Попову: «Двор (т. е. Екатерина), толико важных успехов на воде не ожидавший, ныне восхищением оных упоенный — вне себя», и проч. 27. Опасность, грозившая в это время России со стороны Швеции, заставляла Екатерину сожалеть об отсутствии Потемкина.

Переписываясь с ним о всех подробностях разрыва с Густавом III, она, обсуждая вопрос, отправить ли Грейга с флотом в Средиземное море или нет, заметила: «Есть ли б ты был здесь, я б решилась в пять минут что делать, переговора с тобою» 28. Но императрица по-прежнему продолжала желать, чтобы Потемкин занялся главной задачей — осадой Очакова. «Дай Боже услышать скорее о взятии Очакова», — писала она князю 18 июня, т. е. за полгода до занятия этой крепости. По получении известия о первом морском сражении она писала Потемкину о раздаче разным лицам наград: «А тебе скажу, что ты — друг мой любезный и что я тебя много, много и очень много люблю и качества твои чту и надеюсь от тебя видеть величайшие услуги. Будь [139] лишь здоров и благополучен». В письме после второй победы сказано: «Тебя, моего друга, благодарю за твои труды и попечение... даруй тебе Боже Очаков взять без потери всякой». На просьбу Потемкина отправить к нему две тысячи хороших матросов 29, императрица ответила: «О том теперь и думать нельзя, чтоб единого матроса тронуть; нельзя ли тебе пленных греков употребить? а как здесь пооглядимся, тогда, что можно будет, того пришлем». 3 июля, после сообщения разных подробностей о войне с Швецией, императрица спрашивала: «Что делает Очаковская осада?» В письме от 13 июля, в котором сообщалось князю о наградах за вторую битву в Лимане, между прочим говорится: «К тебе же, моему другу, как строителю флота, приказала, сделав, послать большое золотое блюдо с надписью и на нем шпагу богатую с лаврами и надписью» 30.

Эти подарки, стоившие более 30,000 рублей, были отправлены в конце августа.

Кроме того Потемкину было дозволено иметь штат «генерал-фельдмаршальский от флота Черноморского» 31.

Узнав, что Потемкин во время рекогносцировок подвергал свою жизнь опасности, Екатерина писала ему: «Теперь прошу тебя унимать свой храбрый дух и впредь не стать на батарею, где тебя и всех с тобою находящихся могли убить одною картечью; к чему бы это? разве еще у меня хлопот мало? уморя себя, уморишь и меня. Сделая милость, вперед удержишься от подобной потехи». Но и в этом письме, от 14 июля, сказано: «Дай Боже тебе успех на Очаков» 32. Возвращаясь и в следующих письмах к мысли об Очакове, императрица постоянно повторяла желание, чтобы занятие крепости не стоило слишком больших жертв людьми. Это обстоятельство достойно внимания потому, что медленность действий князя под Очаковым, — как увидим [140] ниже, — объясняется, между прочим, заботами его как можно более сократить размеры кровопролития. «Помоги тебе сам Творец во взятии Очакова», сказано в письме Екатерины от 28 июля, — «паче всего старайся сберечь людей; лучше иметь терпение поболее» 33.

В письме Екатерины от 19 июля, между прочим, сказано: «К нам грянул, как снег на голову. граф А. Г. Орлов. Бог весть ради чего трудился» 34. Из «Записок» Гарновского видно, что побудило Орлова приехать в столицу. Он, как и прежде, в беседах с императрицею «представлял государственное правление в черном виде». Гарновский, сообщая об этом, намекает на то, что тут была речь о князе Потемкине. «Злодеи его светлости», — сказано в письме Гарновского, — «пользуясь настоящим положением происшествий, двор

иногда тревожащих, делают все то, что только могут, к достижению адских намерений своих, но тщетно. И когда я писал к вам, что желательно, чтобы его светлость вскоре нас посетить соблаговолил, то это не для того, чтоб была какая-нибудь опасность, собственно до особы его светлости касающаяся, но дабы не дать вкорениться во дворе посеянным во оном мыслям, что мы можем без его светлости обойтись» 35.

До чего доходили интриги при дворе, видно из следующего подробного рассказа Гарновского: «30 июля приступал граф Чесменский к государыне с полными доказательствами о беспорядках, а особливо сей раз критиковал более прочих часть воинскую и доносил, между прочим, что солдаты наши ни ходить, ни стрелять не умеют, ружья имеют негодные и вообще войска наши в одежде и во всем никогда так дурны не были, как теперь. Весь сей донос расположен был так, чтоб внушить государыне, что всему сему причиною его светлость (кн. Потемкин). Случившиеся тут граф Александр Матвеевич (Мамонов) [141] и Михаил Сергеевич (Потемкин) принялись горячо оспаривать таковой несправедливый донос и умели дать оному такой толк, что государыня, почтя себя доносом Чесменского лично оскорбленною, дала с негодованием чувствовать, что, царствуя 25 лет, никогда она по своей должности упущения не сделала и что с сожалением взирает на заблуждения, в которых граф Чесменский находится. Это было Чесменскому очень неприятно» 36. Сообщая немного позже новые данные о стараниях графа Орлова повредить Потемкину в глазах императрицы, Гарновский замечает, что недоброжелатели князя, к которым принадлежали, между прочим, камер-фрейлина Протасова и цесарский посол Кобенцель и которых Гарновский называет «социететом», нарочно выписали Орлова из Москвы и через него старались действовать против Потемкина. По поводу только что сообщенного объяснения, происходившего между императрицею и Орловым, члены «социетета» рассуждали, «что граф Чесменский говорит хотя просто, но правду, и говорит то, чего другие сказать не смеют, и что сей граф — человек добрый, бескорыстный, немстительный, усердный отечеству слуга и неправду ненавидящий» 37.

Недаром Гарновский опасался за судьбу Потемкина и потому зорко следил за настроением умов в Петербурге. Так напр. он писал в августе: «Последние из-под Очакова известия были двору неприятны. Нетерпеливо хочется, чтоб Очаков был взят прежде Хотина. Нетерпеливости двора нельзя удивляться, когда многие, не входя в обстоятельства, со взятием городов сопряженные, все почитают за безделицу и стараются то же внушить двору». Об австрийцах Гарновский писал: «Посол их кричит везде: *Mon Dieu, mon Dieu, Oczakow!* Сему подражают и наши наемники их; что же касается до государыни, то она нимало Очаковым не беспокоится, и все, что его светлость предпринимать изволит, превозносит хвалюбою. Досадует [142] на одно только то, что его светлость подвергает себя опасности. Какую пользу принесет Очаков, если виновник приобретения его пострадает?» 38.

Как мы видели, Екатерина писала Потемкину очень часто и подробно. В ее письме от 28 июля сказано: «Теперь, мой друг, ты просишь меня о уведомлении почаще; суди теперь сам, какова я была, не имея от тебя недели по три уведомления; однако я к тебе пишу и пи-сала почти каждую неделю» 39. Именно в это время Потемкин начал писать очень редко, чем вызывал некоторое раздражение императрицы. 14-го августа она спросила Храповицкого, которого числа был курьер от князя. Оказалось, что три недели не было известий. Екатерина заметила: «Сам же просил, чтоб чаще уведомляла о здешних обстоятельствах, и сам же теперь молчит; здесь война на носу, а там не знаю что делают» 40. Однако, в письмах к князю императрица не обнаруживала особенного нетерпения. «Дай Боже тебе всякое, всякое, всякое благополучие и счастье», — сказано, между прочим, в письме от 31 июля. 14 августа она писала: «Беспокоит меня твоя ногтоса, о которой ты меня извещаешь своим письмом от 6 августа после трехнедельного молчания; мне кажется, что ты ранен, а оное скрываешь от меня. Синельников, конечно, был близок возле тебя, когда он рану получил; не тем ли ядром и тебя зацепило за пальцы? Я же вижу, что ваше теперешнее состояние под Очаковым весьма заботливо и труднее, нежели я себе представляла, и так все беспокойства ваши мне теперь чувствительнее, нежели дурацкая шведская война» и проч. К этому прибавлено: «Пожалуй, повадись писать чаще, а то до мира не доживу». 28 августа: «От вас две недели ни строки не имею... Пиши ради Бога почаще, что у вас делается на море и на сухом пути», и проч. 41. 31 августа: «Я жалею [143] весьма, что ты столь много обеспокоен очаковскою осадю; терпением все преодолевается; лучше тише, но здорово, нежели скоро, но подвергаться опасности, либо потере многолюдной» 42.

Из всего этого видно, какого выгодного мнения о Потемкине была императрица. Несколько иначе думали о князе лица, находившиеся при нем. Принц де Линь был убежден, что можно было взять Очаков 1 июля, пользуясь победою над стоявшею под стенами этой крепости флотилией. Такого же мнения были и другие лица. Потемкина обвиняли в том, что он недостаточно был знаком с положением дел в крепости, откладывал напрасно решительные действия и этим подвергал свое войско страшным страданиям от болезней и морозов. Потемкин жестоко ошибался, ожидая, что Очаков сдастся вследствие битв в Лимане. Еще весною Суворов предлагал ему штурмовать Очаков и брался исполнить это дело. Потемкин писал ему в ответ: «Я на всякую пользу тебе руки развязываю, но касательно Очакова попытка может быть вредна; я все употребляю, чтобы достался он дешево» 43.

Потемкин сам явился у Очакова в последних числах июля месяца, но войско собиралось так медленно, что осадные работы начались не раньше 31 июля. Медленность движений войска и путешествия самого князя объясняли его неровным, капризным характером. Де Линь иронически замечает, что главнокомандующего задерживала вкусная рыба. Конечно, это — шутка, но все же Потемкин вел себя не как полководец, а как

большой барин, сибарит. Из переписки его видно, что в апреле были отправлены к нему два обоза с напитками, съестными припасами, серебряным сервизом и другими подобными вещами, один — по московскому, другой — по белорусскому трактам, чтобы вернее обеспечить своевременное прибытие к месту хоть одного из них 44. [144]

Несправедливо однако было бы безусловно обвинять Потемкина с бездействии. Напротив, мы имеем доказательства многосторонней его деятельности во время осады Очакова. Собственноручные ордера его к Фалееву и другим лицам свидетельствуют, что он работал самостоятельно, заботился о постройке судов, о продовольствии солдат, о лекарствах для больных, об обучении рекрут. Очень часто он был недоволен мошенничеством подрядчиков, дурно исполнявших казенные работы, а также недобросовестностью и нерадением служащих. «Вы не дивитесь», — писал он однажды Фалееву, — «что я ворчу; Богу известно что сил недостает; везде самому быть нельзя. А все до малейших способов требуют от меня» 45. Принц де Линь, во многом отдавая справедливость князю, находил, что он слишком поддавался ипохондрии и по временам страшно ленился. Во время осады Очакова он занимался литературными трудами, писал мадригалы дамам и переводил церковную историю аббата Флэри. Музыка и пиршества в то время занимали его 46.

Изнеженность однако не мешала Потемкину подвергаться иногда личным опасностям. Так напр. вскоре после прибытия своего к Очакову, желая присутствовать при военных опытах, он легко мог попасться в плен или даже быть убитым вследствие приключившегося при этом взрыва. Однажды, когда князь разъезжал между Кинбурном и Очаковым на прекрасном катере, турки сильно стреляли по плавающим и даже бросились за ними в погоню. Потемкин, сохраняя хладнокровие, успел доехать до русских батарей 47. Узнав, что его подозревают в недостатке мужества, он, однажды, сопровождаемый несколькими офицерами, [145] сделал рекогносцировку так близко у неприятельского лагеря, что бывшему с ним генералу Синельникову турецкое ядро оторвало ногу 48. В подобных случаях Потемкин одевался пышно и был увешан звездами 49. Мы видели выше, что императрица бранила князя за неуместную отвагу. Солдаты, кажется, любили его. Они были обязаны ему введением более удобной одежды, отменой кос и проч. Он шутил с ними, часто приезжал в траншеи и сказал однажды вставшим пред ним солдатам: «Слушайте ребята, приказываю вам однажды навсегда, чтобы вы передо мною не вставали, а от турецких ядер не ложились на землю» 50.

О стратегических предположениях Потемкина в самом начале осады мы узнаем из документа, сообщенного Гельбигом, который, пользуясь своими связями, достал план осады, составленный князем и известный, по всей вероятности, весьма немногим лицам 51.

Современники-очевидцы не переставали упрекать князя в разных промахах. Как ни много было собрано осадных средств, но Потемкину нужно было больше и больше. А турки тем временем не дремали, и оборонительная сила крепости понемногу вырастала. В момент открытия осады крепость не в состоянии была долго противостоять деятельной, энергической атаке. А Потемкин именно на это и не решался. Он долго ограничивался рекогносцировками и разными приготовлениями к решительным действиям. Его тревожили нарочно распущенные турками слухи о минах, заложенных французскими инженерами, и он поджидал из Парижа подробных планов крепости со всеми минными галереями, не жалея на это издержек. Он считал вероятным, что турки сдадут крепость на капитуляцию без кровопролития. К тому же, как замечает новейший историк [146] этих событий, в его главной квартире было много иностранцев, задававших князю вопросы, предлагавших советы, делавших косвенные замечания; он тяготился всей этой толпой согладатаев, критиков и советников и, как бесхарактерный баловень, поставленный судьбою не на свое место, больше всего опасался дать повод к заключению, будто он действует не самостоятельно, а с чужого голоса 52.

Находили, что князь строил редуты в слишком значительном от Очакова расстоянии, иногда давал противоречащие одно другому приказания, сильно заблуждался относительно настроения умов в Очакове. Осада, к крайнему неудовольствию прочих генералов, с самого начала шла вяло; дело затянулось. Только изредка случались вылазки с той и с другой стороны.

Уже в июле месяце Потемкин жаловался принцу де Линю: «Этот поганный город мне надоедает». Де Линь ответил: «Он еще более надоест вам, если вы не возьметесь за дело как следует. Сделайте фальшивую атаку с одной стороны, а с другой берите ретраншементы штурмом, и крепость будет ваша». Потемкин был огорчен этим ответом: он заметил, что овладеть Очаковым мудренее, чем турецкою крепостью Сабац, занятою австрийскими войсками под командою самого императора Иосифа еще весною этого года. Тогда обиделся, в свою очередь, принц де Линь. Он колко заметил Потемкину, что о подвигах Иосифа II следует говорить с большим уважением, что император сам при этом случае выказал необыкновенное мужество, подвергая себя большой опасности. Потемкин хотел доказать, что в отношении к мужеству он нисколько не уступает императору Иосифу, и на другой день, во время рекогносцировки, подъехал довольно близко к ретраншементам, где был осыпан градом пуль и ядер. «Спросите принца де Линя», — сказал он находившемуся [147] при нем графу Браницкому, — «был ли император при Сабаце храбрее меня?» 53. Несмотря на такие выходки, скорее свидетельствовавшие о мелочности и тщеславии, нежели о стратегических способностях князя, характер осады не изменялся. Принц де Линь в июле месяце писал, что, если бы русские взялись за дело как следует, Очаков был бы взят в продолжение одной недели; между

тем, по медленности и нерешительности, русские, по словам его, походили на осажденных, турки же держались хорошо и не пропускали случая вредить нашим войскам, которые теряли много людей 54. К этому времени относится столкновение Потемкина с Суворовым по случаю довольно важной схватки между русскими и турками. Суворов во все время был очень недоволен генерал-фельдмаршалом и не мог удержаться от критики и сарказмов. «Не такими способами бивали мы поляков и турок». — говорил он в близком кругу: — «одним гляденьем крепости не возьмешь. Послушались бы меня — давно Очаков был бы в наших руках» 55. Рассказывают, что де Рибас, находившийся при Потемкине, старался вредить Суворову в глазах главнокомандующего. Однажды вспыхнул спор. Суворов настаивал на своем мнении; Потемкин с досадою воскликнул: «Он все себе хочет заграбить!» Суворов в письмах к Попову жаловался на Потемкина, на его упрямство, неумение вести осаду; в письме к де Рибасу, узнав о гневе князя, он жаловался на наушников, окружавших Потемкина, требовал, чтоб крепость настойчивее была бомбардирована; чтобы была сделана брешь, и проч. 56.

27-го июля Суворов воспользовался вылазкою, сделанною турками, для того, чтобы без согласия Потемкина, завязать [148] большое дело. Энгельгардт и другие современники 57 полагали, что Суворов намеревался, видя медленность военных действий, заставить Потемкина этим средством решиться на штурм, или самому с своим корпусом на плечах турок ворваться в крепость 58. Дело вышло, однако, совсем иначе. Суворов был ранен и потерял много народу. Принц де Линь, видя, что турки сосредоточивают все силы на том месте, где происходила атака Суворова, старался уговорить Потемкина броситься на оставшуюся почти без защиты левую часть укрепления. Потемкин был в страшном волнении; сначала он вовсе не отвечал на запросы, сделанные принцем де Линем чрез одного австрийского, а затем и чрез русского офицера. Принц уверял в своих письмах об этом эпизоде, что Потемкин в эти минуты проливал слезы, жалея о значительном числе убитых солдат. Затем он наотрез отказал принцу.

Рассказывают, что Суворов в то время, когда перевязывали ему рану, отвечал дежурному генералу, посланному к нему от Потемкина с грозным вопросом — как он, Суворов, осмелился без повеления завязать такое важное дело: «Я на камушке сижу: на Очаков я гляжу». Можно считать вероятным, что Потемкину передали этот дерзкий ответ, осмеивавший бездействие князя 59.

Этот эпизод показывает, в какой степени в русском лагере недоставало единства мысли, дисциплины и доверия к главнокомандующему. Один из генералов самовольно решается на предприятие, которое могло удасться лишь при дружном действии всех частей войска. Целые сотни солдат были загублены лишь для того, чтобы страшною опасностью принудить главнокомандующего к решительным действиям. Но и это не удалось.

Если бы Потемкин внял увещаниям, то, может быть, хотя и с значительною потерей, взял бы крепость; но он [149] поступил иначе, и осада после этого продолжалась еще более четырех месяцев. А между тем штурм 27-го июля, по всей вероятности, был бы менее кровопролитен, нежели штурм 6-го декабря. Потемкин не воспользовался этою минутою, как говорит принц де Линь, потому, что жалел солдат; но кроме того и самолюбие останавливало его. Если б Очаков был взят 27-го июля, это событие было бы приписано отваге Суворова, о котором Потемкин заметил незадолго перед тем, что тот «хочет все себе заграбить». Теперь же Потемкин имел полное право обвинять Суворова, требовать от него отчета; он даже мог бы предать его военному суду за нарушение правил субординации. В страшном волнении он написал ему записку, наполненную упреками; почерк руки этой записки свидетельствовал о раздражении князя. Почти невозможно было разобрать написанного. «Солдаты», — писал Потемкин, — «такая драгоценность, что ими нельзя бесполезно жертвовать. Низачто-нипрочно погублено столько драгоценного народа, что весь Очаков того не стоит. Странно, что при мне мои подчиненные распоряжаются движениями войска, даже не уведомляя меня о том» 60. Вскоре после того Суворов был опять ранен при взрыве в лаборатории и уехал после этого.

Осада и дальше шла вяло и неудачно. Потемкин не переставал ждать более благоприятных обстоятельств для решительных действий, а между тем капудан-паша Гассан постоянно имел сообщение с крепостью при помощи флота, «прилип к ней как банный лист», писал Потемкин к Румянцеву, или «как шпанская муха», сказано в письме князя к императрице 61. Туркам неоднократно удавалось высаживать войска для усиления очаковского гарнизона 62. Осаждающие не имели возможности блокировать крепость; обвиняли Потемкина, между прочим, в том, что он не [150] успел заблаговременно построить батареи на самом конце Кинбурнской косы. Де Линь заметил, что постройкою редутов и батарей заведывали низшие офицеры (*quelques subalternes*), малоопытные и незнакомые с делом. Начали уезжать люди более выдающиеся, как напр. Поль-Жовес, принц Нассау-Зиген. Принц де Линь также счел более удобным удалиться. Хотя отношения между ним и Потемкиным были довольно благоприятные, тем не менее вечный контроль со стороны австрийского полководца-дипломата был в тягость главнокомандующему. «Эти союзники», — писал он однажды, — «мне очень надоели; они во все вмешиваются, хотят все звать, а затей критикуют и осуждают, не зная самого дела основательно» 63.

Критиковали однако не только иностранцы, но и свои. В записках Е. Н. Голицына, между прочим, сказано: «От нерешимости князя Потемкина и от пышной и сладострастной жизни его армия стала ослабевать. Наступила стужа... войско стало нуждаться пищею и претерпевать холод. Завелись наконец смертоносные болезни. Князь Репнин, видя такое неустройство и небрежение, решил его усовестить, написал ему

письмо в твердых выражениях, где, между прочим, он ему вспоминает, что он за такое нерадение будет отвечать Богу, государю и отечеству. Крепость вскоре после того была взята приступом. Я слышал от самого в ней командующего трех-бунчужного паши, которого мне случилось в проезд его через Москву видеть у князя Репнина, что гарнизон в крепости несколько раз почти начал бунтовать, и что он удивляется, как не воспользовались осаждающие такими случаями. Вот каков был князь Потемкин, начальствуя армиею» 64.

И по случаю рассказа об осаде Очакова, как и прежде по поводу замечаний о преобразованиях в войске князь [151] Ю.В. Долгорукий резко осуждает образ действий Потемкина. Тут, между прочим, сказано: «Князь Потемкин все ездил в коляске: я его уговаривал, чтобы ехал верхом, даже подарил ему лошадь, очень смирную и по его росту. Он меня уверял, что в надобное время он сядет на лошадь», и пр. Далее говорится о лишенном основания предположении князя, что за Бугом очаковские турки сделают нападение на армию, о неудачных мерах, принятых князем, о том, что он много пил шампанского и венгерского вина и что «вздорные, ни к чему не ведущие операции» стоили множество людей и лошадей, и пр. После того как князь Ю. В. Долгорукий от скуки уехал в отпуск, «ералаш и беспорядки всей армии умножились, войско было доведено до отчаяния», и пр. 65.

Чрезвычайно рельефно очерчено в письме принца де Линя неотрадное положение в русском лагере под Очаковым. «Я уезжаю», — писал он в конце октября к императору Иосифу; — «остаются только принц Ангальт и Василий Долгорукий. Теперь лишь благодаря какому либо отчаянному подвигу можно будет овладеть Очаковым. Нужно же наконец избавиться от снега и грязи, в которые мы со дня на день все более и более погружаемся. Браницкий уехал в свое поместье, Нассау — в Петербург, Ксаверий Любомирский и Соллогуб — в Польшу, другие генералы — Бог знает куда; им всем здесь было тошно (ils sont tous degoutés), и они почти больны...» В том же письме говорится далее: «Потемкин хотел взять турецкое судно, но не успел. Он весь день был в страшной меланхолии и ипохондрии и со мною обращался, даже в присутствии других лиц, весьма неласково. Вечером я с ним простился. Он был тронут, долго держал меня в объятиях и с трудом расстался со мною, вновь и вновь обнимая меня. Уезжая отсюда, я должен отдать полную справедливость хорошим качествам князя, его уму, любезности, такту (если [152] он хочет показать оные), благородству, мужеству, великодушию и даже гуманности. Мы расстались неохотно. Но я не могу долее вынести здешней жизни» 66.

Положение войска под Очаковым становилось с часу на час более и более отчаянным. Мокрая холодная осень сменилась лютой зимой, которая на долгое время осталась в памяти народной под названием Очаковской. Солдаты коченели в своих землянках, терпя страшную нужду в самом необходимом. Свиристствовали болезни. В Петербурге ходили слухи, что третья часть войска Потемкина сделалась жертвою болезней 67, рассказывали, будто смертность доходила до того, что от одной стужи убывало до 30-40 человек в день 68.

Современники противоречат друг другу. Энгельгардт писал: «Взятие Очакова стоило очень дорого; потеря людей была чрезвычайно значительна не убитыми, но от продолжительной кампании; зима изнурила до того, что едва четвертая часть осталась от многочисленной армии, а кавалерия потеряла почти всех лошадей» 69. Самойлов же рассказывает: «Холод был необыкновенный, но войска ничего не терпели, солдаты в траншеях имели шубы, шапки и кенги, мясную пищу, винную порцию, пунш горячий из рижского бальзама, который пили офицеры и генералы» 70.

Едва ли можно сомневаться, что недостаток в припасах и морозы значительно содействовали решимости Потемкина взять Очаков приступом. Но была и другая причина: в Петербурге смотрели на него косо. Мамонов говорил Гарновскому в начале октября: «Государыня недовольна: 1) что не присылается сюда журнал [153] об осаде Очаковской; 2) что от его светлости в течение нынешнего года не было принесено поздравления ее императорскому величеству ни с одним из ее праздников, и наконец, 3) что от его светлости не воспоследовало ни малейшего отзыва о шпаге и золотом блюде, к нему посланных». О последнем обстоятельстве, по свидетельству Гарновского, Екатерина говорила камердинеру Захару: «Наша посылка как в воду впала» 71. Гарновский, сильно беспокоясь, писал Попову: «Кроме сих причин надобно быть еще другим, гнев таковой водворившим. Чрез все лето государыня была хорошего расположения и претензии ее появились недавно. Я думаю, что во время графской (Мамонова) болезни злодеи его светлости успели что-нибудь внушить. В числе злодеев занимает не последнее место цесарский посол, беспрестанно и неусыпно в происках коварных обращающийся. В сие время носился в городе повсеместно слух, родившийся, по догадкам моим, в Мурина 72, будто бы армия Екатеринославская, быв жестоко поражена очаковскими и капитан-пашинскими войсками, подвинулась семнадцать верст назад. Много было и теперь есть вранья, сему подобного, которым, яко ни малейшего внимания нестоющим, я вам не скупаю» 73.

И из дневника Храповицкого мы узнаем, что Екатерина была недовольна. Иногда случалось, что в донесениях князя, именно в то время, когда ежедневно ждали известий о взятии Очакова, не было ни слова об осаде. Императрица была в волнении и почти больна от ожидания. В начале ноября был отправлен рескрипт с советом князю взяться, наконец, за дело энергически 74. Державин уверяет, что в это время «при дворе были весьма дурные [154] толки о Потемкине, и едва ему не отказано от команды» 75.

В письмах к князю Екатерина повторяла, что надеется на взятие крепости. «По взятии Очакова», — сказано в ее письме от 19 октября, — «старайся заводить мирные договоры». В другом письме от 7 ноября говорится: «План осады открыл мне всю трудность, которую имеешь; умали Бог упорность гарнизона очаковского». 27 ноября: «Молю Бога, чтобы Очаков скорее сдался» 76.

Гарновский желал взятия Очакова особенно потому, что приезд князя в столицу казался ему крайне нужным для восстановления авторитета его при дворе. «Все со всякою всячиною лезут», — писал он уже в сентябре. — «Пусть так будет до приезда его светлости, дабы и злодеи его восчувствовали пред ним свое ничтожество. Но после взятия Очакова, в чем Бог да поможет, здесь его светлости, конечно, быть необходимо нужно и для себя, и для дел государевых и государственных». «Цесарские наемники», — жаловался Гарновский в октябре, — «желая все дела решить так, как им хочется, стараются двор содержать в расположениях, намерениям их соответствующих. Дай Бог, чтоб не сделали привычки решать дела сами-собою». Далее Гарновский доносил о зlostных замечаниях разных лиц, настроенных против Потемкина, напр. А.Р. Воронцова, Завадовского и др. Впрочем, Гарновский вскоре успокоился, узнав, что императрица сама желала видеть князя скорее 77.

Действительно, Екатерина писала Потемкину в этом смысле. Очевидно князь, в припадке ипохондрии, изъявил желание удалиться от дел. Екатерина писала ему 7 ноября: «Естьли ты возьмешь покой, то о том весьма жалеть буду и приму сие за смертельный удар, тем паче, что чрез то меня оставишь посреди интриг, за что, думаю, от меня спасибо не ожидаешь; но я надеюсь, что когда все кончится [155] благополучно, то, любя меня, что и сия мысль исчезнет, и будешь, как и был, вернейший». В приписке сказано: «Ничего на свете так не хочу, как чтоб ты мог по взятии Очакова и по окончании зимних распоряжений в течение зимы приехать на час сюда, чтоб, во-первых, иметь удовольствие тебя видеть по столь долгой разлуке, а второе, чтоб с тобою о многом изустно переговорить» 78.

Гарновский писал: «Дай Бог, чтоб его светлость поспешил, а то нужда в деловых людях». Говоря о только что приведенной приписке Екатерины, Гарновский писал Попову: «Быть (князю) здесь непременно нужно. Сего требует странное дел течение и состояние государыни, смущенной в духе, подверженной беспрестанным тревогам и колеблющейся без подпоры. Есть надежда, что, по прибытии сюда его светлости, пойдут дела по желанию его». Мамонов, опасаясь, что императрицею будет оказан Потемкину неблагоприятный прием, говорил Гарновскому: «Я. боюсь, чтоб выговоры, если оные случатся, не удалили от дел государственных такого человека, которого государыня ничем на свете заменить не в состоянии будет, и отчего не последовало бы падение государства» 79.

Нет сомнения, что Потемкину хорошо было известно настроение умов в Петербурге. Его положение при дворе, дальнейшее доверие к нему Екатерины, награды, почести — все это зависело от взятия Очакова. Впрочем, и без того оказывалось невозможным откладывать штурм. 5 декабря дежурный генерал объявил князю, что на другой день нет более ни одного куска топлива; обер-провиантмейстер с своей стороны прибавил, что хлеба не хватит даже на один день.

Тогда Потемкин решился на штурм и велел обещать солдатам добычу, даже пушки и казну, которые будут взяты в Очакове. Началось ужасное кровопролитие... Есть предание, что Потемкин будто бы во все время штурма [156] сидел на батарее, подперши голову рукою, и повторял постоянно: «Господи помилуй» 80. Во время самого дела можно было сомневаться в успехе. После страшных усилий и потерь русские утвердились, наконец, в крепости. Грабеж и кровопролитие в городе продолжались три дня. Добыча была громадна. На долю Потемкина достался, между прочим, великолепный изумруд, величиною в куриное яйцо, которое он подарил Екатерине 81. Об обращении Потемкина с пленным Гуссейн-пашою существуют различные предания. Самойлов утверждает, что князь вел себя весьма благородно, признавая, что паша не мог сдаться добровольно. По другим же сведениям, Потемкин, увидев пашу, грозно закричал на него, упрекая его в упрямстве, которое сделалось причиною ужасного кровопролития 82.

Известному художнику Казанова Потемкин поручил написать две картины, изображающие штурм Очакова. Одна была назначена для графини Браницкой, другая — для столовой в Таврическом дворце 83. Известие о взятии Очакова произвело в Петербурге глубокое впечатление. Каждый понимал, что это событие имело важное политическое значение. Существует современная гравюра, на которой изображена осада этой крепости. Над нею надпись: «Gute Nacht, Krim! Oczakow ist durch Potemkin gefallen. Darob der Halbmond erbebt und zittern die Mauern Stambuls» 84.

Примечания

1 Петров, «Вторая турецкая война», I. 106.

2 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 464-467.

3 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 469.

4 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 470-486.

5 «Соловьев, «Падение Польши», 180.

6 «Зап. Гарновского» в «Р. Старине», XV. 695.

7 «Зап. Гарновского» в «Р. Старине», XV. 696.

- 8 «Р. Старина», XV. 698-699, 716-720.
- 9 «Дневник Храповицкого», 4 апр. 1788 г.
- 10 «Р. Старина», XVI. 6.
- 11 «Р. Старина», XVI. 10.
- 12 Храповицкий, 12 мая 1788 года. Письмо Потемкина от 5 мая напечатано в «Русск. Старине», VIII. 727-728.
- 13 Малое.
- 14 «Р. Старина», XVI. 460.
- 15 «Дневник Храповицкого», 17 мая 1788 г.
- 16 Петров, I. 107.
- 17 «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 491-493.
- 18 «Oeuvres du prince de Ligne». Paris, 1860. II. 58-61.
- 19 Segur, «Memoires», III. 352.
- 20 «Дневник Храповицкого», 10 декабря 1788 г.
- 21 Oeuvres, II. 62 и след. 86 и след.
- 22 Петров, «Вторая тур. Война», I. 130.
- 23 О состоянии флота в это время см. подробное изложение в «Истории черноморского флота» в «Зап. Од. Общ.», IV, стр. 292 и след.
- 24 «Рус. Старина», XVI. 462-468.
- 25 «Русская Старина», XVI. 468, 470, 474.
- 26 «Зап. Гарновского» в «Рус. Старине», XVI. 9.
- 27 «Рус. Старина», XVI. 19.
- 28 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 496.
- 29 См. «Рус. Старина», XVI. 474-475.
- 30 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 498-509. О блюде см. «Дневник Храповицкого» 13 июля.
- 31 «Дневник Храповицкого», 14 июля. «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 510.
- 32 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 509.
- 33 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 511, 513.
- 34 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 513.
- 35 «Рус. Старина», XVI. 30.
- 36 «Рус. Старина», XVI. 207.
- 37 «Р. Старина», XVI. 210.
- 38 «Р. Старина», XVI. 213, 220.
- 39 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 514.
- 40 Храповицкий, 14 авг. 1788.
- 41 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 516-517.
- 42 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 519.
- 43 «Жизнь князя Потемкина», Москва. 1812, IV. 24.
- 44 «Зап. Одесск. Общ.», VIII. 238.
- 45 «Зап. Одесск. Общ.», II. 657.
- 46 Надеждин, в «Одесском Альманахе» 1839 года, стр. 66. Не находится ли в связи с литературными занятиями князя вышедший в 1790 году перевод книги Бернарден Сен-Пьера о вечном мире, в заглавии которого сказано: «Перевод с французского языка в стане пред Очаковым в 1788 году»? См. Грот, «Державин», I. 358.
- 47 Самойлов, в «Р. Арх.», 1867, стр. 1567.
- 48 Castera, «Vie de Catherine II», II. 155.
- 49 Самойлов, стр. 1565.
- 50 Самойлов, 1566.
- 51 Подробности плана осады см. в моей монографии «Осада Очакова» в .,Журн. мин. нар. просв.», CLXVIII, отд. 2, стр. 400.
- 52 Петрушевский, 323-325.
- 53 См. письмо принца де Линя, действительно восхищавшегося хладнокровием князя, в «Oeuvres», II. 71.
- 54 «Oeuvres», II. 71-73.
- 55 Петрушевский, I. 325.
- 56 Полевой, «Биография Суворова», 129.
- 57 Masson, «Memoires secrets», I. 300.
- 58 Энгельгардт, «Записки», 85.
- 59 См. подробности этого дела у Петрушевского. I. 327.
- 60 Smitt «Suwogow», 334. Полевой, 131. У Бантыш-Каменского другая записка Потемкина: см. «Словарь достопамятных людей», III. 315 и след.
- 61 Петрушевский, I. 331. Храповицкий, 14 августа.
- 62 Сегюр, «Записки», III. 360 и 441. «Спб. Ведомости», 1788, стр. 1405.

- 63 Smitt, «Suworow», I. 331.
- 64 «Р. Арх.», 1874. I. 1280. К рассказу о заговоре Репнина в записках Тургенева (Р. Старина 1887. т. LIII. 339-340) нужно относиться скептически.
- 65 «Р. Ст.» 1889. т. LXIII, стр. 510-511.
- 66 «Oeuvres», II. 81- -83.
- 67 Segur, «Tableau des principaux evenements», 160.
- 68 Петрушевский, 332. О значительном числе больных в лагере Потемкина писал и неизвестный автор письма (не Сегюр, как по ошибке сказано в журнале «Новь» XIV» т., стр. 230), факсимиле которого помещено в этом месте).
- 69 «Зап. Энгельгардта», 72.
- 70 Самойлов в «Р. Арх.», 1867, стр. 1251.
- 71 В письме Екатерины к Потемкину от 10 октября упомянуто: «Что шпага и блюдо до тебя дошли, усматриваю из письма твоего от 29 сентября». «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 524.
- 72 Имение графа А. Р. Воронцова.
- 73 «Р. Старина», XIV. 220-221.
- 74 Храповицкий, 8, 15, 26 октября, 4 ноября.
- 75 Грот, I. 232.
- 76 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 527, 529, 531.
- 77 «Р. Старина», XXVI. 216, 222, 224, 227, 228.
- 78 «Сб. И. Общ.», XXVII. 531.
- 79 «Р. Старина», XVI. 228, 230-231.
- 80 Надеждин, в «Одесском Альманахе» на 1839 г. стр. 68.
- 81 См. мою статью об осаде Очакова. Herrmann, «Erganzungsband», 654.
- 82 «Р. Арх.», 1867, 1257. Smitt, «Suworow», I. 348.
- 83 Одна из этих картин была гравирована на стали: см. «Minerva» 1799, I. 173. Массон видел ее в таврическом дворце («Memoires secrets», I. 98).
- 84 Новь, 1885 (т. XIV, стр. 229).

VIII.
События 1789 и 1790 годов.

Во время осады Очакова Екатерина не переставала надеяться на полный успех. За несколько дней до взятия крепости она, в разговоре с Храповицким, выразила убеждение, что «Очаков лежит...» «Я знаю его (Потемкина)», — прибавила императрица, — «я знаю, что его честь требует этого» 1. По получении известия о взятии Очакова Екатерина была в восторге и писала Потемкину: «За уши взяв обеими руками, мысленно тебя целую, друг мой сердечный». И дальше: «Всем ты рот закрыл, и сим благополучным случаем доставляется тебе еще способ оказать великодушие слепо и ветрено тебя осуждающим» 2. Как было указано уже раньше, Екатерина неоднократно просила Потемкина по возможности избегать лишнего кровопролития. Почти накануне получения известия о взятии крепости императрица, узнав из перлюстрации, что принц Нассау-Зиген обвинял Потемкина в упущении удобного времени для решительных действий, заметила в беседе с Храповицким: «Это правда: я сама не велела идти на приступ для сбережения людей» 3. Теперь же, т.е. по получении известия о взятии Очакова, она писала (29 января [158] 1789 года) к доктору Циммерману, защищая Потемкина от упреков в чрезмерной медлительности: «Князь предпринимал все способы так, как и должно, прежде нежели приступить штурмовать сию крепость. Удобнейшее время к сему, конечно, было то, когда лиман, покрывшись льдом, сделал приморскую сторону неприступною к доставлению помощи осажденным, сверх же того, и по взятии города давал время взять нужные предосторожности для будущего. Но нетерпеливость горячих голов и молодых храбрых людей, также полуголов, не видящих далее своего носа, трехчетвертных голов, толкующих криво, завистников, врагов явных и тайных, все сие в подобном случае, конечно, есть дело самое неприятное, и от всего оно чрезвычайно много должны были терпеть твердость и постоянство фельдмаршала. В моих глазах делает ему честь величайшую то, что он в числе других великих и похвальных качеств имеет еще и способность прощать неприятелям, делать им добро и таким образом умеет торжествовать над своими противниками. Теперь говорят, что он мог взять Очаков раньше; это правда; но теперь это было удобнее, чем когда либо» 4.

Также и Самойлов защищает Потемкина против упрека в нерешимости, излагая подробно причины, заставлявшие князя откладывать приступ 5. Князь сам в беседе с Сегюром оправдывался указанием на разные затруднения, доказывая, что он сделал все, что было возможно 6. Энгельгардт, напротив, утверждал, что расчет для сбережения людей был неверным и «филантропия не всегда бывает кстати» 7. После штурма Очакова князь отправился в Херсон для распоряжений по части кораблестроения. Затем он поехал [159] в Петербург. Екатерина писала ему 21 января 1789 года: «Сколько ни желаю тебя видеть после долгой разлуки, однако я весьма тебя хвалю за то, что ты не отлучился, пока все нужные и надобные распоряжения не окончил... Доезжай до нас с покоем, побереги свое здоровье и будь уверен, что принят будешь с радостью, окончив столь славно и благополучно толь трудную кампанию» 8.

Из писем Гарновского мы узнаем, в каком настроении находилась императрица в это время по отношению к князю. Ей хорошо было известно, что он не разделял ее ненависти к Пруссии. Она опасалась объяснений с Потемкиным об этом предмете. Гарновский писал 3 января 1789 года: «Иногда, помышляя о приезде его светлости, (государыня) тревожится. Сильно хочется удержать теперешнюю политическую систему, говоря, что и его светлость опрокинуть оную не возможет; но все сие, как мне кажется, не изъявляет твердости, чтоб системы переменить нельзя было, а посему и приезд его светлости тревожит». Во всяком случае приезд князя был предметом многих разговоров. Гарновский весьма рельефно описывает настроение умов в это время: «Да и вообще», — писал он, — «что до приезда его светлости сюда касается, то у нас теперь такое время, каковому, по писаниям, надлежит быть при втором пришествии. Стоящие ошую трепещут, одесную же радуются, судимы будучи без суда каждый плодами дел своих. Венской 9 ходит, прижавши хвост, который приподнять обещает французской 10, надеясь на прежний свой кредит у его светлости. Что же касается до прусского и английского, то сии ожидают его светлость нетерпеливо. Фрезер, напившись допьяна на бале у Льва Александровича (Нарышкина), при питии здоровья его светлости, прокричал, что более всего делает чести победителю Очаковскому, это то, что разогнал из армии принцев де Линьев, принцев [160] Нассавских и Павлов-Жонесов и взял город без их советов». Сообщив в январе, что императрица с часу на час ожидает приезда князя, Гарновский писал 3 февраля: «Весь город ожиданием его светлости встревожен. Теперь, кроме касающихся до сего разговоров, других нигде не слышно. Государыня в ожидании сильно скучает. ««Боже мой, как мне князь теперь нужен!»» (слова Екатерины). Третьего дня вот какой был, между прочим, разговор с Захаром. Государыня: Скажи, пожалуй, любят ли в городе князя? Захар: Один Бог да вы. — Получа сей ответ, призадумавшись, промолчала, потом, сказав Захару «прощай», размышляя прогуливалась по Эрмитажу. Цесарское посольство хотя и продолжает к его светлости свою ненависть, но, однако же, прибытия его страшится, опасаясь в политической системе перемены» 11.

Внимательно следя за путешествием князя в Петербург, императрица писала ему, между прочим, 2-го февраля: «Переезд твой из Кременчуга в Могилев был подобен птичьему перелету, а там дивишься, что устал; ты никак не бережешься, а унимать тебя некому; буде приедешь сюда больной, то сколько ни

обрадуюсь твоему приезду, однако при первом свидании за уши подеру, — будь уверен; морщись, как хочешь, а со здоровьем не шути; вот какая у нас готовится встреча победителю!» 12.

Императрицу занимали в это время приготовления с приему Потемкина. Она приказала не давать сочиненную ею оперу «Горе-Богатырь» в театре до приезда князя. 26 января она сказала Храповицкому: «Князю Орлову за чуму 13 сделали мраморные ворота; графу Румянцеву были поставлены триумфальные в Коломне, а князю Г.А. Потемкину совсем забыла». Храповицкий ответил: «Ваше Величество так его знать изволите, что сами никакого с ним расчета не делаете». [161] Государыня: «То так, однако же все человек; может быть ему захочется». К этому рассказу Храповицкий прибавляет: «Приказано в Царском Селе иллюминировать мраморные ворота и, украся морскими и военными арматурами, написать в транспаранте стихи, кои выбрать изволила (императрица) из оды на Очаков Петрова. Тут при венце лавровом будет вверху: «« Ты в плесках внидешь в храм Софии»». Затем слова Екатерины: «Он (Потемкин) будет в нынешнем году в Царьграде; о том только не вдруг мне скажите» 14.

Гарновский сообщает также некоторые любопытные подробности о приготовлениях к приезду Потемкина: «Г. Завадовский, услыша о надписях, сочиненных государынею на вратах, сооруженных в Софии в честь грядущему с полудня на север победителю, пожавши плечами, покиваше по-словенски и главою». В письме Гарновского к самому Потемкину также говорится о триумфальных воротах с надписью, сочиненною самою императрицею, а далее прибавлено: «Слышно также, что от великого князя дано повеление морскому батальону и наследникову кирасирскому полку встретить вашу светлость с почестями, принадлежащими фельдмаршалу» 15.

И из других источников мы узнаем о внимании, которое петербургское общество тогда обращало на предстоявший приезд в столицу князя Потемкина. К Державину писали об этом Н. А. Львов, А.И. Терской, С.М. Лунин, Савинский, А. Грибовский и проч. 16.

О впечатлении, которое производил Потемкин во время этого путешествия в Петербург, и о почестях, с которыми его всюду встречали, сохранились случайно довольно любопытные данные. На пути он останавливался между прочим в Харькове и в Могилеве. В воспоминаниях Ф.П. Любожанского говорится: «В Харькове удалось мне видеть князя [162] Потемкина-Таврического в поездку его в столицу по взятии Очакова. На другой, по приезде, праздничный день ожидали князя в собор... Светлейший пришел уже после «Достойно» и остановился не на приготовленном для него седалище под балдахин, а с правой стороны амвона, посреди церкви, взглянул вверх во все четыре конца. — ««Церковь недурна»», сказал он вслух губернатору Кишенскому, вслед за тем одною рукою взял из кармана и нюхнул табаку, другою вынул что-то из другого кармана, бросил в рот и жевал; еще взглянул вверх; царские врата отворялись, повернулся — в экипаж и уехал. Был он с ног до головы в таком виде: в бархатных широких сапогах, в венгерке, крытой малиновым бархатом с собольей опушкой, в большой, сверх того, шубе из черного меха, крытой шелковою же материей, с белой шалью около шеи; с лицом по-видимому неумытым, белым и полным, но более бледным, чем свежим, с растрепанными волосами на голове; показался мне Голиафом» 17.

Другой современник рассказывает о пребывании Потемкина в Могилеве следующее: «В день его приезда все власти за несколько часов собрались в доме губернатора и ожидали тут прибытия князя. Целый день звонили в колокола, и жители города вышли на шкловскую дорогу, по которой он должен был приехать, предшествуемый городскими знаменами... Около семи часов пред губернаторским домом остановились его сани. Из них вышел высокого роста и чрезвычайно красивый человек с одним глазом. Он был в халате, и его длинные, нерасчесанные волосы, висевшие в беспорядке по лицу и плечам, доказывали, что человек этот менее всего заботится о своем туалете. Маленький беспорядок, происшедший в его одежде при выходе из саней, доказал всем присутствующим, что он забыл облачить ту часть одежды, которую считают необходимой принадлежностью костюма; он обходился без нее во все время пребывания в Могилеве, и даже при приеме дам. [163] Будучи ростом в пять фут и десять дюймов, этот красивый брюнет имел тогда лет около пятидесяти. Лицо его само по себе довольно кроткое, но когда, сидя за столом, он смотрит рассеянн на окружающих и, занятый в то же время какою-нибудь неприятною мыслью, склонит голову на руку, подперев ею нижнюю челюсть, и в этой позе не перестает смотреть своим единственным глазом на все окружающее, тогда сжатая нижняя часть его лица придает ему отвратительное, зверское выражение. Войдя в переднюю губернатора, где все ожидали его, Потемкин остановился возле наместника, принявшего его по выходе из саней. Тогда ему были представлены все сословия, и каждое приветствовало его речью. Приветствия были так же длинны, как коротки были его ответы, ограничивавшиеся, впрочем, одним благосклонным наклоном головы; тем не менее церемония эта длилась более двух часов, а по окончании ее Потемкин вошел в залу наместника, который стал возле него, между тем как князь сел перед столом, приняв вышеописанную позу. Мы простояли вдоль стен залы еще более двух часов. Князь все это время не открывал рта и не подымал головы, как с тем, чтоб проглотить большой стакан кислых щей, который ему подносили каждые четверть часа. Мне сказывали, что этот напиток, приготовленный для него необыкновенно густым, служит ему питьем и пищею и он выпивал его в день до пятнадцати бутылок. — На следующее утро все снова собрались в губернаторскую залу, где наместник стоял вместе с другими, между тем как князь, сидя по-вчерашнему перед тем же столом, провел несколько часов, не подавая других признаков жизни, как дергая время от времени за звонок, причем адъютант его или сам наместник входил за приказанием. Около полудня нас уведомили, что его светлость скоро выйдет. Действительно он показался,

прошелся два или три раза по зале, осмотрел всех и каждого и, не сказав ни слова, возвратился через несколько минут на свое место. Тогда начались представления всех [164] тех, кто имел к нему просьбы или желал сказать ему приветствие. В числе их было несколько поэтов, которые поднесли ему стихи на различных языках». Между этими поэтами находился и сам автор, которого поэтому пригласили на обед у князя. Он рассказывает: «К величайшему моему удивлению князь сел обедать вместе с нами и разговаривал довольно весело с наместником. Он был по-вчерашнему в халате и, как я полагаю, был и внизу одет точно так же, как и вчера... Во время трехдневного пребывания Потемкина в Могилеве были употреблены все усилия, чтобы развлечь его; человек, присутствующий на танцах в халате, по-видимому вовсе не сочувствует подобного рода увеселениям... Князь Потемкин имеет двести тысяч душ крестьян: этого слишком достаточно для человека, который пьет только кислые щи и не платит никому долгов» 18. Такие же сцены происходили и в Петербурге, куда князь прибыл 4 февраля вечером. На другой день, как писал Савинский Державину, весь город был, т.е. из знатных, на поздравлении его светлости» 19. И тут ему подносили стихи, в которых поэты восхваляли его подвиг, взятие Очакова. Державин, находившийся в то время в Москве, по совету Львова сочинил оду — «Победителю» 20. Во время пребывания князя в Петербурге, откуда он выехал в начале мая, был нарисован его портрет одним русским художником 21. Тогда же он получил от императрицы щедрые награды, повелительный жезл, медаль, похвальную грамоту и 100,000 рублей на достройку дома 22.

О деятельности князя во время его пребывания в Петербурге сохранились лишь отрывочные данные. Главным его занятием, как кажется, были беседы с императрицей о вопросах внешней политики. Дела Польши, Дании, Швеции, [165] Англии и проч. служили предметом этих разговоров. Рассказывали между прочим, что князь старался внушить Екатерине некоторую уступчивость в отношении к Швеции. Так напр. он уверял ее, что не следует слишком надеяться на представителей оппозиции против Густава III 23. После того как он, на второй день по прибытии в столицу, присутствовал на представлении в эрмитажном театре оперы «Горе-Богатырь», в которой был осмеян шведский король, он советовал не выпускать в свет этого сочинения и не давать этой пьесы в публичном театре 24.

Сохранились такие записки императрицы, из которых видно, что Екатерина не без раздражения говорила о Пруссии, между тем как князь старался успокоить ее, причем разногласие повело даже и к недоразумениям. Екатерина писала. между прочим: «Что ты пишешь об усердии, о том спора нету, но как мною сделано все возможное, то мне кажется, что с меня и более требовать нет возможности, не унижая достоинства, а без сего ни жизни, ни короны мне не нужно». И дальше: «Я гневных, друг мой, выражений с тобою, кажется, не употребляла, а что оскорбления короля прусского принимаю с нетерпением и с тем чувством, которое прилично, за сие прошу меня не осуждать; ибо я б не достойна была своего места и звания, если б я сего чувства в своей душе не имела» 25.

Было и другое недоразумение между князем и императрицей. Он требовал коренных реформ во флоте и армии, а Екатерина писала ему: «Касательно артиллерии скажу, что теперь весьма трудно в ней сделать перемену... Бога для, на теперешний случай и когда так близко возле столицы театр войны, оставь вещи как есть; теперь ли время завода и перемен частей. Награждение я тебе с радостью уделю; но от сего, любя меня, теперь откажись» и пр. 26. [166]

Безбородко считал Потемкина гораздо более полезным государственным деятелем нежели способным военачальником. Поэтому он желал приезда князя в Петербург, ожидая, что военные действия на юге без него пойдут успешнее, а в столице «многое скорее и решительнее потекло бы его содействием» 27. И правда, разные бумаги и распоряжения, относящиеся ко времени пребывания Потемкина в Петербурге, доказывают, что он в это время не был праздным. Им была составлена записка о вылитии «единорогов» и мортир для финляндской армии, а также план будущей кампании против шведов 28; он беседовал с Екатериной о вопросах военной администрации и пр. Иногда она хвалила его, но иногда и жаловалась на его же медленность 29. Особенно подробно в беседах императрицы обсуждался план военных действий против турок в предстоявшей кампании, причем Екатерина выразила мысль об отозвании Румянцева и о поручении Потемкину обеих армий, «дабы согласно дело шло» 30.

После того, как князь 5 мая покинул столицу, он с дороги неоднократно писал Екатерине. 13 мая она писала ему между прочим: «Ты летаешь, а не едешь; жаль мне только то, что не наблюдаешь моего предписания касательно сбережения твоего здоровья, а приедешь на место, буде не совсем болен, по крайней мере замучен... За апельсины благодарствую». В письме 16 мая говорится: «Вижу, что хлопот у вас без счета по причине прокормления армии, однако, надеюсь, что ты из оных выпутаешься. Не диво, что ты дорогою размучился по твоей езде... Спасибо тебе, что так часто пишешь». 31 мая: «Дай Боже королям шведскому и прусскому ногтоедицу на каждом пальце, а чтоб твои пальцы перестали болеть. [167] Не опасайся, не забуду тебя. Что часто пишешь, тем самым успокоивается мой дух»... 20 июля: «Жалею очень, что ты замучился, едзя повсюду; молю Бога о твоём здоровье и надеюсь, что по твоему благому обыкновению преодолеешь все затруднения; желаю тебе везде счастья и удачи» 31 и т.д. Во все это время императрица писала подробно и о делах политических, о военных действиях против шведов, о Пруссии и проч.

В переписке Екатерины с Потемкиным летом 1789 г. занимал довольно видное место эпизод с Мамоновым. Как было уже сказано раньше, Гарновский не без основания считал фаворита ревностным сторонником

интересов князя. Мы не знаем, каковы были отношения Мамонова к Потемкину во время пребывания последнего в Петербурге. Ходили слухи о каких-то интригах Мамонова, направленных против князя 32. Храповицкий рассказывает, что Потемкин, вскоре после приезда в Петербург, по случаю спора между Мамоновым и императрицей «миротворствовал» 33.

Летом 1789 года Екатерина узнала, что фаворит был давно влюблен в княжну Щербатову. Она тотчас же уволила его от должности при дворе, женила его на этой фрейлине и отпустила обоих в Москву.

Неоднократно императрица писала к князю об этом эпизоде, сильно ее огорчившем.

Мамонов сам при этом случае сильно волновался, зная, что Потемкин будет очень недоволен его образом действий. Он говорил Гарновскому: «Я князю (Потемкину) более не надобен, сколько я мог приметить из его речей; что же мне оставалось? В противном случае, может быть, я бы и никогда не открыл своей страсти или, по крайней мере, долго бы оною мучился. Дай Бог, чтобы это не потревожило князя. Просите его светлость (тут он заплакал), [168] чтобы он был навсегда моим отцом. Мне нужны его милость и покровительство, ибо со временем мне, конечно, будут мстить». В письме к князю Мамонов старался всячески оправдать свой поступок 34.

И Потемкин от удаления Мамонова не без основания ожидал для себя неприятностей, хотя, по-видимому, императрица во все это время была довольна Потемкиным и его деятельностью. Она в письмах к князю не переставала утешать и хвалить его. В письме от 9-го июля он жаловался на коварство Пруссии. Она отвечала ему 24 июля: «Что враги России и мои равномерно и тебе ищут делать досады, сему дивиться нечему; ибо ты им опаснее всех по своим качествам и моей к тебе доверенности». В других письмах: «Дай Боже тебе успехи и победы, чего заслуживаешь своими качествами, усердием ко мне и к общему делу, своим рвением и трудами. Твоими распоряжениями я весьма довольна... Я тебя люблю всем сердцем, как искреннейшего друга. В тебе одном более ревности к общему делу и к моей службе, нежели в прочих, и ты же замысловатее. Прошлогодня кампания оправдала совершенно мои о тебе мысли и доверенность».

Посылая ему медали с его портретом, она писала ему: «Я в них любовалась как на образ твой, так как и на дела того человека, в котором я никак не ошиблась, зная его усердие и рвение ко мне и к общему делу, совокуплено с отличными дарованиями души и сердца». В другом письме: «Я хочу, чтобы ты был в веселом расположении, а не смотрел сентиментом; также и я не люблю, когда ты морщишься» 35.

Частые и подробные письма императрицы к Потемкину в это время заключают в себе изложение политических дел. Сообщая князю о всем происходившем, Екатерина давала ему инструкции, спрашивала его советов и проч. Хотя она и знала о кое-каких недостатках военной администрации [169] в украинской армии 36, но все же была очень довольна князем. «Его щегольская кампания какое занимает пространство!» — сказала она с восторгом в сентябре 37. Дело в том, что она приписывала ему важную долю в успешных военных действиях и тогда, когда он не оказывал непосредственных услуг и держал себя в стороне.

Современники-специалисты, а также и позднейшие историки, исследовавшие военные действия 1789 г., находили, что и эта кампания служила доказательством очень посредственных стратегических способностей Потемкина. Целью кампании было занятие целого ряда укрепленных мест в пограничных пределах Турции. Нанесением ударов турецким войскам можно было принудить Порту к заключению мира. Кроме военных действий, впрочем, Потемкин старался пустить в ход еще другие средства.

Продажность турок доставляла князю возможность, по крайней мере, узнавать подробно о планах Турции, о предполагавшихся военных операциях, о настроении умов в серале 38. Он старался даже, как рассказывали, подкупить султаншу-валиде и капудан-пашу 39. Гельбиг пишет о сотнях тысяч рублей, отправленных в Константинополь по предложению Потемкина, и о разных драгоценных подарках, которыми он старался действовать на турецких министров 40.

Что касается стратегической деятельности Потемкина, то он прежде всего заботился о пополнении убылей в своей армии для предстоящей кампании 41. Далее он успел лишить Румянцева значения и влияния на ход дел. Румянцев не был явно подчинен Потемкину, но должен был все действия своей армии согласовать с операциями армии [170] Потемкина и быть от них в полной зависимости. Трудно сказать, насколько справедлив упрек некоторых писателей в том, что Потемкин настраивал императрицу против Румянцева 42. Нам кажется вполне вероятным, что Екатерина, ограничивая значение последнего, действовала независимо от внушений Потемкина; но тем не менее Потемкин сделался главнокомандующим всеми войсками. Румянцев оставался праздным. Князь Репнин, сменивший Румянцева, поступил под начальство Потемкина. Последний, однако, не играл важной роли в войне, так как Суворов был главным героем похода 1789 года. До чего доходил в это время авторитет Потемкина, видно из рассказа Энгельгардта, относящегося к тому времени, когда Румянцев, прекративший свою деятельность, жил около Ясса в Жиже: «Генералы из подлости и раболепства редко посещали графа (Румянцева), да и то самое малое число. Один только Суворов оказывал ему уважение, посылая к нему курьеров, как бы он еще командовал армией» 43. Потемкин со всею армией медленно шел к Днестру; великому визирю удалось военными действиями ввести Потемкина в заблуждение, и он без всякого основания ожидал открытия турками действий со стороны Бессарабии и против Крыма. Суворов же в это время одерживал блистательные победы. Обманутый операциями великого визиря, князь не знал — приступить ли ему к осаде Бендер или нет,

между тем как, по мнению специалистов, он должен был, вместо поездки в Херсон и Очаков, вместо военных действий около Бендер, участвовать в главных операциях Репнина и Суворова 44.

Главная квартира Потемкина летом 1789 г. была в [171] Дубоссарах. «Ставка его» — писал очевидец, князь Ю.В. Долгорукий, «весьма похожа была великолепием на визирскую; даже полковник Боур насадил вокруг нее сад в английском вкусе. Капельмейстер Сартти с двумя хорами роговой музыки и прочих многих музыкантов нас ежедневно забавлял. Казалось, что светлейший князь тут намерен был остаться навсегда» 45. Энгельгардт тоже рассказывает, что «главная квартира (Потемкина) отличалась против бывшей под командою графа Петра Александровича (Румянцева). Множество приехало жен русских генералов и полковников; беспрестанно были праздники, балы, театр, балеты». Упомянув о Сартти, всегда бывшем при князе, Энгельгардт замечает: «Он положил на музыку победную песнь: «Тебе, Бога, хвалим», и к оной музыке прилажена батарея из десяти пушек, которая по знакам стреляла в такт; когда пели: «свят! свят!» — тогда производилась из оных орудий скорострельная стрельба» 46.

В сентябре Потемкин был обрадован известием о победе при Рымнике. Он писал Суворову: «Объемлю тебя лобызанием искренним и крупными словами свидетельствую мою благодарность. Ты во мне возбуждаешь желание иметь тебя повсеместно» и проч. 47. Он же просил Екатерину наградить Суворова беспримерно щедро. Недаром впоследствии Суворов хвалил Потемкина в самых восторженных выражениях. В письме к Екатерине он называл Потемкина «великодушным начальником» и «великим мужем». В письме его к Попову сказано: «Долгий век князю Григорию Александровичу; увенчай его Господь Бог лаврами, славою; великой Екатерины верноподданные да питаются от тука его милостей. Он честный человек, он добрый человек, он великий человек. Счастье мое за него умереть» 48.

Екатерина была в восхищении от известий о Рымникской [172] битве. Хотя Потемкин в ней не принимал участия, она писала ему: «Естьли бы ты был здесь, то бы я, взяв тебя за уши, поцеловала, а теперь заочно премного благодарю... Ты право умница; спасибо, мой фельдмаршал, что дела ведешь умно и с успехом... я нахожу тебя очаровательным» 49.

И битва при Фокшанах, в которой Потемкин также не принимал участия, была очень выгодною для князя. Гарновский писал: «Государыня от радости плакала: к его светлости обращена была первая благодарность в присутствии многих придворных особ». И дальше: «Никогда двор и столица не имели толикого к его светлости почтения, как теперь; кто предан, тот говорит громко, а чье сердце наполнено ядом, тот молчит» 50. Несколько позже он же писал: «Дай Боже, чтоб его светлость был навсегда в таком искреннем почтении у двора и публики, как теперь... Никогда государыня не была лучше расположена к его светлости. как теперь, в день воспоминает его раз по несколько и весьма его здесь видеть желает». В начале сентября Гарновский писал: «Шубину приказано вырезать из мрамора бюст его светлости», рассказав далее о приказании Екатерины приготовить к приезду князя покои его и «одеть спальню и предспальню белым штофом каковым одеты некоторые комнаты у государыни и у Зубова», Гарновский замечает: «Не проходит того дня, чтоб государыня не занималась его светлостью и весьма его светлость видеть желает». 18 сентября: «Государыня приказала спешить с убранством покоев его светлости» 51.

Около этого времени императрица писала Потемкину: «Покои твои я приказала убрать почище; я по ним проходила и нашла, что они так замараны и так гадки, что полководца прославившегося в оные ввести непристойно, а полюбится ли тебе, как я их прибрать велела, не ведаю; [173] для меня не дурно, но, зная твой вкус, опасаясь, что тебе не понравится, но как бы то ни было, они красивее землянки, либо палатки. Прощай, мой друг, я тебя очень люблю». После занятия Аккермана Потемкиным — город сдался без боя — императрица писала: «Знатно, что имя твое страшно врагам, что сдались на дискрецию, что лишь показался. Спасибо тебе и преспасибо; кампания твоя нынешняя щегольская». Далее: «Постарайся, мой друг, сделать полезный мир с турками... После нынешней твоей кампании сего ожидать можем. Помогни тебе Господь Бог сам взять Бендеры. Посылаю тебе гравированный портрет с резного камня Очаковского победителя... Что ты замучился, о том жалею; побереги свое здоровье; ты знаешь, что оно мне и государству нужно... Бога прошу, да поможет тебе взять Бендеры, а наипаче без потери людей и естли паче чаяния, чего Боже сохрани, недостаточно где было пропитания или провианта, так чтобы с неба шел хлеб и сухари, как дождик». Из писем Екатерины можно видеть, как высоко она в это время ценила князя и постоянно обращалась к нему с разными вопросами. 18 октября она не менее четырех раз писала к нему 52. Город Бендеры также сдался Потемкину без кровопролития. Тут князь обнаружил не столько военные, сколько дипломатические способности. Он вел переговоры о сдаче крепости ловко и успешно. Считали возможным, что и тут он действовал подкупом. Суворов, поздравляя Потемкина, заметил, что в том столетии ни одна турецкая важная крепость «не сдалась русским так приятно» 53. Впрочем до сдачи крепости происходила перестрелка, и Самойлов рассказывает о следующем случае. Ядро большего калибра упало близ князя и осыпало его землю; не сделав ни малейшего движения, Потемкин продолжал свои наблюдения и, заметив тревогу среди окружавших его, сказал: «Что [174] это? неужели вы думали, что по нас и стрелять не будут?» 54.

Потемкин подробно известил Екатерину о ходе дела и какие им были приняты меры, чтобы довести турок до сдачи крепости 55. Екатерина писала ему: «Не даром я тебя люблю и жаловала: ты совершенно оправдаешь мой выбор и мое о тебе мнение; ты отнюдь не хвастун и выполнил все предположения, и цесарцев выучил турков победить. Тебе Бог помогает и благословляет; ты покрыт славою; я посылаю тебе

лавровый венец, который ты заслужил, но еще не готов. Теперь, мой друг, прошу тебя, не спесився; не возгордися, но покажи свету великость своей души, которая в счастии столь же ненадменна, как и не унывает в неудаче. Нет ласки, друг мой, которую я бы не хотела сказать тебе; ты очарователен тем, что взял Бендеры без потери хотя бы одного человека. Усердие и труд твой умножили бы во мне благодарность, если-б она и без того не была такова, что увеличиться уже не может». В другом письме: «За Бендеры скажу еще раз спасибо... желаю, чтоб Христос тебе помог заключить честный и полезный мир... Покоряя Бендеры, ты увенчал дело настоящей кампании... Охотно я пропою тобою сочиненную песню:

Nous avons pris neuf lancons
Sans perdre un garçon
Et Bender avec trois pachas
Sans perdre un chat 56».

«Я рада тебя видеть в столь хорошем расположении духа; это и неудивительно после блистательной кампании».

Вероятно Потемкин в своем письме к Екатерине сделал замечание, что покои, приготовленные для него императрицею, [175] слишком роскошны. В ответ на это сказано в ее письме: «Господин монах, прошу не монашествовать; вот что я отвечаю на слово келья по поводу твоих комнат, которые я с особенным удовольствием украшаю. После мира отдохнешь, и Бог подкрепит твои силы телесные и душевные» 57. Скоро после этого стало известно, что Потемкин не намеревался приехать в Петербург 58.

Екатерина и Зубов всячески ласкали в то время Потемкина. Зубов послал князю в подарок книги.

Императрица для него велела сделать драгоценную шляпу и разные другие вещи, которые ценили в 40,000 рублей. «Имя его светлости прославляется повсеместно», писал Гарновский Попову 59. В начале октября императрица писала Потемкину: «Посылаю тебе аптеку целую моих лекарств, и желаю от всего сердца, чтоб тебе в оной никакой нужды не было... Вторая посылка есть лисья шуба да соболя шапка, чтоб тебе холод не вредил; носи на здоровье. Лавровый венец еще недели через две поспеет». В письме ее от 20 декабря сказано между прочим: «Ты удивишься моему совету, чтоб ты не заспесивел; вот каково писать за тысячу верст; если-б я с тобой говорила в ту минуту на словах, то б ты, поцеловав руку у меня, расстался бы со мною со слезами радости. Как мне тебе не сказать: не заспесився, видя тебя покрытым успехами, коими тебя Бог благословил. Душа моя, исполненная радостью, хочет лишь одного: выразить желание, чтобы ты избег единственной вещи, которая могла бы повредить величию твоей души. Узнай в этом одну материнскую к тебе дружбу. Кто более тебя заслужил посылаемый тебе венец лавровый? Прими и носи его, если возможно, сто лет Разумеется, что епископской митры ты от меня никогда не получишь и монастырь никогда не будет жилищем [176] человека, имя которого раздается в Азии и в Европе: он слишком мал для него». 10 января 1790 года: «Ты меня благодаришь с таким чувством, что до слез тронута была; дай Бог тебе соединить к победам имя миротворца... Жалею весьма, что рука у тебя так сильно болит (следуют разные советы как лечить ее камфорною мазью, мыльным спиртом и проч.). Как тебе Бог даст заключить мир, то ты будешь благословен в мужах».

Рескриптом от 10 января 1790 года Екатерина дала князю титул гетмана казацких Екатеринославских и Черноморских войск 60. По этому поводу заслуживает внимания следующее письмо Гарновского к Попову от 21 марта 1790 года: «О пожаловании его светлости гетманом великим никто здесь кроме графа Александра Андреевича (Безбородко) не знал до тех пор, пока с сим известием не приехал от вас курьер. Какое было удивление в совете при чтении бумаги, которою его светлость принес ее Императорскому Величеству за получение нового достоинства сего благодарность. Вся наша министерия занимается теперь рассуждением, не будут ли соединены со званием гетманским какие-нибудь преимущества» 61.

Новая милость очень понравилась Потемкину. Энгельгардт пишет: «Его светлость одевался нередко в гетманское платье, которое сшито было щегольски и фасона, который он выдумал, быв пожалован гетманом Екатеринославских и Черноморских казаков» 62.

Получив драгоценный лавровый венок за покорение Бендер, Потемкин писал императрице: «Лавровый венец, высочайший дар Божией Помазанницы, я получил с преисполненным благодарности сердцем, возложил его на алтарь Господень и принес теплые молитвы. Милосерднейшая мать! Ты уже излила на меня все щедроты, а я еще жив! Но верь, Августейшая Монархиня, что сия жизнь [177] будет тебе жертвою всегда и везде против врагов твоих» 63.

Гарновский упоминает еще о других знаках милости императрицы. Она заказала мраморный бюст Потемкина с лавровым венком, вышила для него туфли, обрубливала платки; далее она заказала для него великолепный кавалергардский мундир из синего бархата. 6 февраля 1790 года императрица писала князю: «Прошу побережь здоровье; оно мне нужно; в холодное время употреби флягу и чарку, которые сей курьер к тебе привезет. Желаю, чтобы эта вещица доставила тебе столько же удовольствия, как мне отправление ее от доброго сердца...» Екатерина также получала от князя подарки: «За простыни благодарствую», — сказано в ее письме, — «в Царском Селе сделаю из них употребление». В другом письме она благодарила князя за табакерку и ковер.

Таким образом Потемкин мог надеяться на благосклонное внимание к нему императрицы. Мы видели выше, как Гарновский в 1788 году опасался интриг недоброжелателей князя и как он поэтому желал

приезда Потемкина в столицу для успешного противодействия проискам врагов князя — Алексея Орлова, Завадовского и проч. Зимой же 1789-90 гг. не было речи о какой либо грозившей Потемкину опасности. Он преспокойно мог оставаться на юге.

Вместо поездки в Петербург Потемкин проживал сначала в Яссах, потом в Бендерах, окружая себя необычайной роскошью. О житье бытие в Бендерах Энгельгардт рассказывает следующее: «Его светлость большие тогда делал угождения княгине К.Ф. Долгорукой. Между прочими увеселениями сделана была землянка противу Бендер за Днестром. Внутренность сей землянки поддерживаема была несколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всем тем, что только роскошь может выдумать. Кроме великолепной сей подземельной залы особый был будуар, в который только входили те, кого князь [178] сам приглашал. Вокруг землянки кареем поставлены были полки. Близ одного карея поставлена была батарея из ста пушек; барабанщики собраны были в землянке. Однажды князь вышел из землянки с кубком вина и приказал ударить тревогу по знаку, по которому как полками, так и из батарей произведен был батальный огонь; тем и кончился праздник в землянке».

О пребывании Потемкина в Яссах и Бендерах один из новейших историков пишет: «Проживая в Яссах и в Бендерах, окруженный роскошью невиданною, Потемкин походил не на военачальника, а скорее на владетельного государя среди блистательного двора. Тут были знатные и богатые иностранцы, рассыпавшиеся пред ним в комплиментах, а про себя издевавшиеся над его сатрапскими замашками, азиатскою роскошью и капризным непостоянством. Тут были люди знатных или влиятельных фамилий, налетевшие из столичных салонов за дешевыми лаврами; вокруг жужжал рой красавиц, вращался легион прихлебателей и проходимцев. Праздник следовал за праздником; одна затея пресыщенного человека менялась другою, еще более чудною; поистине то была *folle journee*, продолжавшаяся недели и месяцы» 64. Забавляясь таким образом, утопая в роскоши, князь работал, следил за ходом дел в области общеевропейской политики, руководил военными действиями, переписывался о делах с императрицею, Булгаковым, Поповым, Суворовым и проч., входил во все частности военной администрации, вел переговоры о мире с Турцией, предпринимал иногда путешествия для обозрения того или другого важного пункта и т. д. Множество деловых бумаг, опубликованных в разных сборниках, дает нам понятие о многосторонности труда князя в это время 65. Так напр. Потемкин в это время составлял подробные записки о [179] Польше, так что уже в 1790 году он указывал на возможность приступить ко второму разделу 66. Имея подробные сведения о ходе шведской войны, о враждебных действиях Пруссии, о намерениях Англии и проч., князь во все это время давал советы Екатерине, составлял записки о дипломатических делах 67. К сожалению, до нас не дошла большая часть писем князя к императрице, но из ее писем к нему видно, в какой мере он, находясь на юге, во время турецкой войны, разделял с нею заботы по управлению государством. Из писем Безбородки к С.Р. Воронцову видно, что Потемкин в 1790 году входил в частности стратегических действий против шведов 68. То он советовал императрице сблизиться с Англией посредством заключения торгового договора 69, то он подвергал критике образ действий русского дипломата в Польше, Штакельберга 70, то его занимали частности укомплектования черноморского флота и проч. Даже те историки-специалисты, которые, как напр. Петров, резко осуждают тактику Потемкина, отдают полную справедливость административной деятельности князя; укомплектование армии, снабжение продовольствием и всеми необходимыми средствами для ведения войны — велось с замечательным успехом 71.

Главною задачею Потемкина в это время было заключение мира с Турцией. Постоянно императрица твердила ему о необходимости скорого окончания войны. Переговоры все время не прекращались, но князь старался показывать вид, что Россия не нуждается в мире, и что не России, а Турции подобает выказывать уступчивость. Во всяком случае он не соглашался на прекращение военных действий во время переговоров. Недоброжелатели Потемкина обвиняли [180] его в нежелании заключить мир 72. Упрек этот едва ли может считаться справедливым. Потемкин переписывался с визирем 73 об условиях мира, давал разные инструкции русскому уполномоченному, Лашкареву, отправленному к визирю 74, старался действовать на турок посредством подкупа и проч. 75. Екатерина писала князю 6 февраля 1790 года: «О сем нисколько не сомневаюсь, что мир скорее сделается, когда Бог даст, что наступишь, как пишешь, им на горло. Как тебе не выигрывать у турецкого народа доверия, вящего их начальников? Во-первых, ты умнее тех, во-вторых, поступаешь с ними великодушно и человеколюбиво, чего они ни глазами не видали, ни ушами не слышали от своих». В другом письме императрица упоминает о большой сумме денег, которую можно употребить для того, чтобы способствовать миру. Екатерина, впрочем, не доверяла туркам. Зная, что Потемкин непосредственно имел дело с ними, она писала (19 апреля): «Поберегись Христа ради от своего турка; дай Боже, чтоб я обманулась, но у меня в голове опасение, извини меня, чтоб он тебя не окормил; у них таковые шутки водятся» 76. После того, как ей удалось заключить Верельский мир, она писала: «Теперь молю Бога, чтоб тебе помог сделать то же и с турками... Одну лапу мы из грязи вытащили: как вытащим другую, то пропоем аллилуйя... Я уверена, что ты с своей стороны не пропустишь случай, полезный к заключению мира» и проч. Посылая князю по поводу празднования Верельского мира подарок, Екатерина писала: «Празднуя днес мир с королем шведским, не могу запечатовать добрые советы ваши как по той войне, такожде и касательно мирного сего дела, и в знак моего признания посылаю к вам перстень бриллиантовый; пускай лучи, из одного исходящие, ударяют [181] во зрение врагов наших, да отверзнут очи,

закрытые лестью, доводящую их даже до неверия о сем мирном постановлении. Бога прошу, да поможет тебе совершить и с ними мир благополучный» 77.

Желание императрицы не исполнилось, и война не так скоро должна была прекратиться.

Историки-специалисты находят, что Потемкин и во время кампании 1790 года не отличался военными способностями. Не умея частного подчинять общему, — пишет Петров, — князь небольшим отрядам (как напр. корпусу Суворова) предоставлял бороться с главными силами Порты, а сам со своими армиями терял дорогое время в занятии ничтожных пунктов. Такая печальная неумелость распоряжаться соответственным распределением сил на театре военных действий и с энергией направлять их к достижению главной цели войны бесплодно истощала материальные средства и приводила к потере времени 78. Утверждают далее, что Потемкин, при составлении плана похода, руководствовался советами Суворова 79. Кроме того обвиняют Потемкина в бесцеремонном обращении с союзниками России, австрийцами. Полководец австрийский, принц Кобург, несколько раз писал Потемкину, развивая перед ним свои планы; Потемкин не считал нужным даже отвечать австрийскому фельдмаршалу, который горько жаловался на такое невнимание 80. Вместо того, чтобы всячески содействовать успехам австрийцев, он радовался их неудачам и, когда они должны были отступить от Журжи, называл Кобурга, в донесении государыне, тупым, глупым, невежественным, достойным сумасшедшего дома и проч. 81. После того, как австрийцы прекратили военные действия, он хотел показать, что он может действовать самостоятельно 82. [182]

Во всяком случае главные действия Потемкина в продолжение нескольких месяцев заключались в наблюдении за неприятелем, в укомплектовании армии и в усилении черноморского флота. Затем только, летом 1790 года, было решено, овладев устьями Дуная, покорить Измаил. Уверяют, что до этого Потемкин неопределенными и даже заключающими в себе противоречия предписаниями тормозил действия Суворова 83. Как бы то ни было, князь не участвовал самолично в важнейших военных событиях 1790 года, а лишь издали наблюдал за ходом дел.

Особенно обрадовала Потемкина победа, одержанная летом Ушаковым на море над турками. «Наши» — писал он Фалееву, «благодаря Богу, такого перцу задали, что любо; спасибо Федору Федоровичу (Ушакову)» 84. Екатерина писала князю 16 сентября: «Я совершенно вхожу в ту радость, которую ты должен чувствовать при сем знаменитом случае, понеже черноморский флот на Днепре строился под твоим попечением, а теперь видишь плоды оного заведения... Я. всегда отменным оком взираю на все флотские вообще дела; успехи же оного меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим исстари Россия привыкла, а о морских ее подвигах лишь в мое царствование прямо слышно стало, и до дней оного морская часть почиталась слабейшею; черноморский же флот есть наше заведение собственное, следственно сердцу близко... Спасибо тебе, мой друг, и преспасибо за вести и за попечение и за все твои полезные и добрые дела; к тебе пошлю, когда бы только поспело скорее, прибор кофейный золотой для потчевания пашей, кои к тебе приедут за сим для трактования мира» 85.

Однако мира все еще не было, и нужно было надеяться на дальнейшие успехи в войне. «Я не хвалюсь», — писал Потемкин Бароцию, агенту, имевшему поручение трактовать с турками о мире, — «но они не увидят, как я живо поведу [183] войну и что им такую посажу вошь в голову, какой они еще не имели» 86.

Потемкин имел ввиду ввести в устья Дуная легкую флотилию, которая, облекая неприятельские крепости со стороны реки, способствовала бы действиям против них с сухопутной стороны. Его заслуга заключалась в сооружении этой флотилии, которая участвовала в операциях на Дунае и в деле взятия Измаила.

Взятие Измаила было необходимо как в виду политических, так и стратегических соображений. Потемкин предписал Суворову принять начальство над всеми собранными при Измаиле войсками. Впрочем, князь все еще надеялся, что крепость сдастся без кровопролития. В письме на имя измаильского сераскира Потемкин обещал отпустить войска и жителей за Дунай с их имением, а иначе — грозил участью Очакова 87.

Существует предание, что Потемкин, когда уже было решено штурмовать крепость, уstraшенный опасностью неудачи, предоставил Суворову свободу не отважиться на приступ 88. По новейшим исследованиям, этот рассказ ничем не подтверждается 89. Совершенно легендарным и не заслуживающим доверия оказывается следующий рассказ в сочинении Надеждина: «Потемкин, живший в то время в Бендерах, колебался по обыкновению приступить к решительным мерам. Раз, одна дама, госпожа В. (Вит) гадала перед ним на картах и сказала, что Измаил сдастся чрез три недели. ««Я умею гадать лучше вас»», отвечал Потемкин с улыбкою и в ту же минуту послал к Суворову приказание взять Измаил приступом, во что бы то ни стало. Приказание было исполнено» 90. [184]

После штурма и взятия крепости 91 Суворов писал Потемкину: «Нет крепче крепости, отчаяннее обороны, как Измаил, падший пред высочайшим тронem ее императорского величества кровопролитным штурмом. Нижайше поздравляю вашу светлость». Не жалея комплиментов, Суворов в это время уверял князя, что все готовы за него умереть, что «желал бы коснуться его мышцы и в душе обнимает его колени» и т. под. Когда однако Суворов приехал в Яссы к Потемкину, их свидание было более чем странно.

«Чем могу я наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич?» спросил Потемкин, вполне довольный этим свиданием. «Ничем, князь», отвечал Суворов раздражительно: — «я не купец и не торговаться сюда приехал; кроме Бога и государыни никто меня наградить не может». Потемкин, никак не ожидавший такого ответа, побледнел, повернулся и пошел в зал. Суворов за ним. Здесь он подал строевой рапорт; Потемкин принял холодно; оба рядом ходили по зале молча, затем раскланялись и разошлись 92.

Как видно, этот рассказ, основанный на устном предании, имеет анекдотический характер и вероятно не соответствует фактам. Ввиду позднейших натянутых отношений между Потемкиным и Суворовым, однако, нельзя не считать вероятным, что по поводу наград за Измаил между военачальниками произошло что-то вроде размолвки. Суворов имел право ожидать, что его сделают фельдмаршалом, но он был удостоен других наград; Потемкин предложил Екатерине сделать медаль в честь Суворова, отличить его чином гвардии подполковника или генерал-адъютанта; о возведении его в фельдмаршалы не было и речи 93.

Примечания

- 1 «Je connais mon homme, je sais que son honneur attache». Дневник Храповицкого в ноябре 1788 г.
- 2 «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 536.
- 3 Храповицкий, 10 дек. 1788.
- 4 Marcard, «Zimmermanns Verhältnisse mit der Kaiserin Catharina II», Bremen, 1803, стр. 381.
- 5 «Р. Архив», 1867, стр. 1260.
- 6 Segur, «Memoires», III. 451.
- 7 Энгельгардт, «Записки», 72.
- 8 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 3.
- 9 Кобенцель.
- 10 Сегюр.
- 11 «Р. Старина», XVI. 234-236.
- 12 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 6.
- 13 Т.е. когда Орлов, побывав в Москве во время чумы, возвратился в столицу в 1771 г.
- 14 «Дневник Храповицкого», 25, 26 января.
- 15 «Р. Старина», XVI. 236.
- 16 Грот, «Державин», V. 727-745.
- 17 «... Архив», 1872, стр. 103-104.
- 18 «Рус. Старина», XXII. 331-333.
- 19 Грот, «Державин», V. 746.
- 20 Грот, «Державин», I. 231. VIII. 575.
- 21 «Russische Gunstlinge», 389.
- 22 «Дневник Храповицкого», 14 апреля 1789 г.
- 23 «Minerva», 1798. II. 93.
- 24 «Дневник Храповицкого» 5 и 6 февраля 1789 г. «Minerva», 1799. II. 75.
- 25 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 2-3. См. также соч. Гельбига в журнале «Minerva», 1798. IV. 81.
- 26 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 9.
- 27 См. письмо Безбородки к С.Р. Воронцову в «Арх. Кн. Воронцова», XIII. 144.
- 28 «Р. Арх.», 1865, стр. 725.
- 29 Дневник Храповицкого 7, 16, 17, 18 марта. См. также о занятиях князя рассказ Самойлова в Р. Архиве, 1867. 1537-1538.
- 30 «Р. Старина», XVII. 26.
- 31 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 11-16.
- 32 Записки Ф. Голицына в «Р. Арх.», 1874. I. 1329.
- 33 «Дневник Храповицкого», 12 февраля 1789.
- 34 Гарновский в «Р. Старине», XVI. 400, 403.
- 35 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 23-36.
- 36 См. «Дневник Храповицкого», 7 июля 1789 г.
- 37 «Дневник Храповицкого», 12 сентября 1789 г.
- 38 «Р. Арх.», 1866. 1577 и след. Письмо Булгакова к князю от 21 января 1789 г.
- 39 Надеждин в «Одесск. Альманахе», 1839, стр. 71.
- 40 «Minerva», 1799. II. 407 и 413.
- 41 Петров, II. 9.
- 42 Петров, II. 23-25. «Minerva», 1799. II. 408. О том, как Потемкин вредил Румянцеву, рассказывает в своих записках князь Ю.В. Долгорукий в Р. Старине (1889) т. LXIII, стр. 612, при чем замечено: «Кажется судьба его возвела всех отменных людей вытеснить».
- 43 Энгельгардт, 82.
- 44 См. соч. Петрова, II. 44-53 и соч. Петрушевского I. 348.
- 45 «Р. Старина», XIV, 218.
- 46 Энгельгардт, 81.
- 47 Петрушевский, I. 362.
- 48 Петрушевский, I. 364.
- 49 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 37-38.

- 50 «Р. Старина», XVI. 410-411, 413.
- 51 «Р. Старина», XVI, 415-419.
- 52 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 39, 42, 43, 45.
- 53 Петрушевский, I. 366. Подробности о переговорах см. в соч. Петрова, II.
- 54 «Р. Арх.», 1867, стр. 1565.
- 55 «Р. Арх.», 1865, стр. 367. Судя по рассказам Ю. В. Долгорукого (в Русской Старине 1889 г. т. LXIII, стр. 512-614) все было сделано без всякого участия Потемкина. «Я был им очень доволен», сказано тут, «что он ни во что не вступался».
- 56 Т.е. мы взяли десять баркасов, не потеряв ни одного молодца, и Бендеры с тремя пашами, не потеряв кота.
- 57 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 46-49.
- 58 Храповицкий, 23 декабря 1789.
- 59 «Р. Старина», XVI. 421-423.
- 60 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 50-58.
- 61 «Р. Старина», XVI. 426.
- 62 Энгельгардт, 82.
- 63 «Р. Арх.» 1878. I. 20.
- 64 Петрушевский, I. 371. См., напротив, обстановку у Суворова, на стр. 375-376.
- 65 См. напр. письма к нему разных лиц в «Зап. Од. Общ.», IX. 227 и след.
- 66 См. «Р. Арх.», 1865, стр. 730. См. «Historische Zeitschrift», XXXIX. 237 и след.
- 67 См. напр. записку в «Р. Арх.», 1865 г., стр. 732. О быстроте поездок князя см. напр. «Зап. Од. Общ.». IX. 250, письмо Фадеева.
- 68 «Арх. кн. Воронцова», XIII. 178.
- 69 «Minerva», 1799. III. 252.
- 70 «Minerva», 1799. III. 269.
- 71 Петров, II. 105.
- 72 «Minerva», 1799- IT. 110.
- 73 «Зап. Од. Общ.», VIII. 194.
- 74 «Р. Арх.», 1884. II. 27 и след.
- 75 О равных, отчасти нелепых слухах, относившихся к переговорам, см. депеши Гельбига в «Арх. кн. Воронцова», XXVI. 439.
- 76 «Сб. И. Общ.», XLII. 59, 66 и 75.
- 77 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 99, 101, 103 и 106.
- 78 Петров, II. 98-99.
- 79 Петрушевский, I. 378.
- 80 Петров, II. 99-100.
- 81 Петрушевский, I. 370.
- 82 Петров. II. 147.
- 83 Полевой, 152-155. Smitt, I. 495.
- 84 «Зап. Од. Общ.», IV. 371.
- 85 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 109-110.
- 86 «Зап. Од. Общ.», VIII. 196.
- 87 Петрушевский, I. 385. См. также письма Чернышева из лагеря под Измаилом в «Р. Арх.» 1871 г. стр. 385-407.
- 88 Бантыш-Каменский, Полевой и пр.
- 89 Петрушевский, I. 387. Герцог Ришельё рассказывает, будто Потемкин писал к Суворову: «Vous prendrez Jsmael a quel que prix que se soit». «Сб. И. О.» LIV. 80. См. там же стр. 166.
- 90 Надеждин, в «Од. Альманахе» на 1839 г.
- 91 О взятии Измаила см. мою статью в «Baltische Monatsschrift», Neue Folge, II. 556-585.
- 92 Петрушевский, I. 400-401.
- 93 См. замечания у Петрушевского, 402-403. О взятии Измаила см. любопытный рассказ герцога Ригшельё в Сб. Ист. Общ. LIV. 166 и след. и новейшие труды, появившиеся по случаю столетней памяти этого события.

Хотя Потемкин не участвовал в Измаильском деле, тем не менее императрица благодарила его и по этому поводу «за все добрые и полезные дела» 1. Вообще она в это время относилась к нему в высшей степени благосклонно, хотя и не во всех отношениях соглашалась с его политическими воззрениями. Так напр. весной 1790 года он предлагал императрице, не довольствуясь миром с турками, заключить с ними союз. Екатерина была недовольна этою мыслью и писала ему: «Я не понимаю, противу кого союз с турками нам заключить и сие бы было дело к непрестанным с ними ссорам и хлопотам для и против них; сию мысль лучше оставить, и с врагами христиан не связываться союзом; каково подобной союз грекам одним был бы горестен, сам рассуди» 2. В другой раз между Потемкиным и Екатериною произошло разногласие по поводу вопроса о враждебных действиях Пруссии. Как было указано раньше, во время пребывания князя в Петербурге, весной 1789 года, этот вопрос был предметом некоторого спора между государынею и Потемкиным. Теперь же она упрекала князя в том, что он недостаточно ценит опасность, грозящую чести России со [186] стороны Пруссии. В одном из ее писем сказано: «Я писала без гнева; одно мое опасение, что обиды, сделанные Российской империи, иногда не принимались с тем чувством, которые рвение к достоинству ее в моей душе впечатлела... я с тобою говорю, яко с собою». В этом ясно проглядывает упрек в равнодушии к достоинству империи. Впрочем, императрица была убеждена в том, что Потемкин умел ценить значение чести государства. После Верельского мира она писала к нему: «Что ты сей мир принял с великою радостью, о сем нимало не сомневаюсь, зная усердие твое и любовь ко мне и к общему делу». Число писем, их тон и характер свидетельствуют об истинной дружбе и привязанности между императрицею и Потемкиным. Князь посылал ей разные подарки, напр. новое музыкальное сочинение Сартри; она ему (в октябре 1790 г.) подарила дачу и т.п. Потемкин хворал часто в это время; Екатерина часто просила его беречь свое здоровье, предлагала разные средства против болезней, и проч. 3. В свою очередь и князь писал императрице в тоне искренней дружбы, напр. в начале июля 1790 г.: «Матушка родная; при обстоятельствах, вас отягощающих, не оставляйте меня без уведомления; неужели вы не знаете меру моей привязанности, которая особая от всех; каково мне слышать со всех сторон нелепые новости и не знать, верно ли или нет. Забота в такой неизвестности погрузила меня в несказанную слабость: лишаюсь сна и пищи, я хуже младенца. Все видят мое изнурение... Ежели моя жизнь чего-нибудь стоит, то в подобных обстоятельствах скажите только, что вы здоровы» 4. Все это достойно внимания особенно потому, что среди иностранцев ходил тогда слух о какой-то размолвке между князем и императрицею. рассказывали, что чрезмерные [187] расходы Потемкина во время войны приводили императрицу в отчаяние; когда он, осенью 1790 г., потребовал вновь три миллиона рублей на покрытие издержек, она в сильных выражениях осуждала расточительность князя 5. Князя в это время считали всесильным человеком. Герцог Ришельё писал в 1790 г.: «Положение Потемкина превосходит все, что можно вообразить себе в отношении к могуществу безусловному. Он царствует во всем пространстве между горами Кавказа и Дунаем и разделяет власть императрицы в остальной части государства. Он располагает неимоверными сокровищами; имения его доставляют ему доходы в размере от четырех до пяти миллионов франков. К тому же он по усмотрению берет сколько хочет из разных касс Империи», и пр. 6.

Князь просил Екатерину о дозволении приехать в Петербург и получил следующий ответ от 22 января 1791 г.: «Касательно до твоего приезда сюда, я тебе скажу, что лично я всегда рада тебя видеть, как сам довольно ведаешь; сверх сего на словах говорить и писать конечно разнища, и скорее сношения быть могут в разговорах, нежели на письме. Но дело паче в том в сих смутных обстоятельствах, чтоб не проронить важных минут, которыми воспользоваться ты можешь, быв тамо, скорее нежели здесь для восстановления мира с турками по нашему желанию. Итак почитаю за необходимо нужно, чтоб ты тамо ожидал вестей о импресии, кою сделает в Цареграде взятие Измаила; ежели же они таковы и сам усмотришь, что твой приезд сюда дела не испортит, мирные договоры не отдалит, либо раннее открытие кампании тем не остановится, позволяю тебе приехать с нами беседовать; но буде турки окажутся тебе к миру склонными, либо раннее открытие кампании приездом остановишь, тогда нахожусь в необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дел и [188] не отлучаться, но, заключа мир, возвратиться яко миротворцу; либо устроив все к принуждению турок к оному самыми действиями, тогда приехать». Как в этом, так и в следующем письме слышится тон наставления: «Самые недоброхоты», — писала Екатерина 24 января, — «хотя злятся, но оспаривать не могут великие тобою приобретенные успехи, коими Всевышний увенчал и искусные твои труды, и рачение; что же оными не гордишься по совету моему, за сие хвалю, и да не будет в тебе также уничижение паче гордости, а желаю, чтобы ты веселился своими успехами и был приятен и любезен в своем обхождении; сию задачу тебе выполнить не трудно; понеже тогда природный твой ум находит свободное сопряжение с твоим добрым сердцем. Твои ко мне чувства мне известны и как, по моему убеждению, это часть твоего существования, то я уверена, что они никогда не изменятся; я у тебя иных никогда не знала. Господин питомец мой, ты оправдал мое об тебе мнение, и я дала и даю тебе аттестат, что ты господин преизрядный... Я писала к тебе в предыдущем письме, что ежели дела не претерпят от твоей езды сюда, чтоб ты сам решился когда ехать. Теперь вижу из твоего письма, что

почитаешь нынешнее время, яко глухую пору; и так думаю, что ты уже в дороге, а сие пишу в запас паче чаяния, ежели не поехал, и возобновляю тебе дозволение приехать, когда усмотришь, что приездом твоим дела не испортятся». Скоро после этого императрица узнала, что князь действительно находится уже на дороге; поэтому она писала ему (15 февраля): «Когда приедешь, тогда переговорим изустно обо всем; ожидаю тебя на масляницу, но в какое время бы ни приехал, увижу тебя с равным удовольствием» 7.

Потемкин прибыл в Петербург 28-го февраля 8. На пути его возобновлялись всюду, где проезжал князь, те самые сцены, о которых была речь при рассказе о путешествии [189] князя в столицу после взятия Очакова. Болотов, как очевидец, так рассказывает о приготовлениях к приезду Потемкина в Серпухов: «Лошади, приуготовленные под него, стояли фрунтом; судьи же вместе с московским губернатором, прискакавшим для сретения онного, были все распудрены и в тяжких нарядах». О Лопасне, куда приехал Болотов на пути в Москву, сказано: «Мы нашли и тут великие приуготовления к проезду княжескому и видели расставленные повсюду дегтярные бочки для освещения в ночное время пути сему вельможе. Словом, везде готовились принимать его как бы самого царя. А он, по тогдашнему своему полновластию, и был немногим ниже онного». О пребывании Потемкина в Москве говорится: «Вся Москва гремела и занималась князем Потемкиным, приехавшим в оную в последние дни масляницы. Вся знать обратилась к нему для обыкновенного идолопоклонства; но нам удалось видеть его только однажды, проезжающего на нашей улице, с пышною и превеликою свитою, и я, смотря на сие, подумал и говорил сам себе: Ах! долго ли-то тебе, государь наш, поцарствовать и повеличаться, и не приближается ли уже конец твой?» 9.

Из других источников мы узнаём, что было приказано всюду исправлять дороги для Потемкина, и императрица отправила к нему навстречу графа Безбородко 10. Безбородко, сообщавший в это время князю разные известия о положении дел, от имени императрицы испрашивавший мнение Потемкина по разным политическим вопросам, писал ему в январе 1791 года: «Радуюсь несказанно, что вы решились сюда прибыть и тем великую пользу и пособие делам принести» 11.

Можно думать, что Потемкин, решаясь отправиться в столицу, думал скорее о своих личных интересах, нежели о делах. Письменная беседа с Екатериною в продолжение [190] двух лет, после пребывания в столице в 1789 году, не могла заменить ему непосредственного устного объяснения по разным вопросам. Князь прибыл в Петербург в такое время, когда усложнение дел в области политики погружало Екатерину в тяжкие заботы. Война турецкая продолжалась, и переговоры о мире пока не имели успеха. Пруссия относилась к России чрезвычайно враждебно, так что считали вероятным разрыв с этою державою. Отношения между Россией и Англией были натянутыми. Французская революция, в свою очередь, содействовала усилению расстройств Екатерины. Польские дела (во время пребывания Потемкина в Петербурге состоялась конституция 3 мая 1791 года) озадачивали петербургский кабинет. Мир со Швецией считался непрочным. Финансовые затруднения, недоразумения, случавшиеся между Екатериною и «молодым двором», соперничество между вельможами — все это, во время пребывания Потемкина в столице до конца июля 1791 года, занимало и заботило императрицу и князя.

Нет сомнения, что Потемкин в это время принимал деятельное участие в делах. Многочисленные рескрипты императрицы к князю, относящиеся к этому времени, беседы его с разными иностранными дипломатами и русскими сановниками, объяснения с императрицею по разным вопросам государственного управления — все это свидетельствует о том, что князь, находясь в Петербурге, был, так сказать, соправителем, важнейшим консультантом по главным делам политики, что его должность главнокомандующего войсками, продолжавшими воевать с турками, имела в это время сравнительно мало значения. Особенно деятельно участвовал князь в приготовлениях к отпору Пруссии в случае разрыва с этою державою 12. В беседах с представителями иностранных держав он нередко обнаруживал высокомерие и надменность. Так напр. он озадачил Витворта бесцеремонностью, с которою говорил о [191] делах. После приезда в Петербург чрезвычайного английского посла Фокнера (Fawkener) Потемкин, принимая у себя на даче английских дипломатов и Гольца, вел с ними переговоры о заключении мира с Турцией 13. Нельзя решить, на чем основан отзыв русского дипломата, графа С.Р. Воронцова, что Потемкин, по случаю переговоров с Англией, обнаруживал малодушие и трусость. Он же рассказывает, что Потемкин предоставил значительную сумму денег русскому посланнику в Париже, Симолину, чтобы подкупить графа Мирабо и заставить его содействовать разрыву между Францией и Англией 14. Потемкин, между прочим, и в Вене содержал агентов, по большей части авантюристов, которые впутывались в дипломатические дела и, под защитою всемогущего своего патрона, разыгрывали там довольно важную роль. Русский посол в Вене, Андрей Кириллович Разумовский, был недоволен князем. Но, несмотря на недовольство, этот русский дипломат, находившийся в Петербурге во время пребывания там Потемкина, был очень обрадован, когда князь дружески принял его и беседовал с ним о политических делах. «Князь у вас силен и всемогущ», писал к сыну старик, граф Кирилл Григорьевич Разумовский: — «что он с тобою ласково обходится, то хорошо; что ко мне о его дружбе и преданности говорит, и то не дурно; но все сие есть монета придворная и весьма легковесная, на которую полагаться нельзя». Андрей Кириллович Разумовский всячески льстил Потемкину; находясь в Вене, он исполнял его политические и личные поручения, присылал ему вина, приискивал музыку для оркестра, и проч. В одном из писем (от 10 августа 1791 г.) сказано: «Великие люди считаются величайшею редкостью; они составляют самое драгоценное

сокровище для народов: Екатерина и Потемкин, не имеющие равных себе гении, приводят в удивление человечество и делают ему честь» 15. [192]

Что касается Англии, то Потемкин действительно полагал, что Россия не в силах воевать с этою державою. Храповицкий писал 9 апреля: «Князь (Потемкин) с графом Безбородкой составили какую-то записку для отклонения от войны. Князь говорил Захару: Как рекрутам драться с англичанами? Разве не наскучила здесь шведская пальба». Главным поводом натянутости отношений между Англией и Россией были турецкие дела. Самойлов, восхваляя дипломатические способности Потемкина, пишет о важной беседе князя с Фокнером: «При сем случае князь доказал ему излишность и бесполезность требований Англии. Он изъяснил ему все те средства, коими Россия в состоянии удержать прусского двора наглость; он несомнительными доводами доказал, сколь непреодолима твердость императрицы и что никакие угрозы не могут над нею подействовать, но, напротив того, паче утвердят в достижении ее предмета. Сие свидание имело влияние на ум г-на Фокнера; он уверился, что Россия далее Днестра завоеваний за собою удержать не пожелает, почему Англия ослабила требования свои и не столько уже возбуждала врагов против России» 16.

Роль, которую играл Потемкин во время пребывания в Петербурге в отношении текущих государственных дел, была самая видная. Он советовал Екатерине не слишком враждебно относиться к императору Леопольду 17, содействовал смягчению судьбы несчастного Радищева 18, защищал князя Безбородко от происков Зубова 19, и проч. Между тем как иностранные дипломаты удивлялись резкости в обращении князя с графом А.Р. Воронцовым 20, Безбородко гордился тем, что Потемкин с ним работал, и через него представлял свое мнение о делах.

О случаях прямых неприятностей между Зубовым и [193] Потемкиным мы не знаем, но между ними происходили кое-какие косвенные столкновения.

Однажды, как рассказывает в своих «Записках» Державин, некто майор Бехтеев, в присутствии многих лиц громко жаловался Потемкину на отца Зубова, который «ограбил его», отняв у него, без всякого права, деревню. Потемкин защитил Бехтеева, заставил отца Зубова уладить это дело, чем, разумеется, сильно задел самолюбие молодого Зубова 21. О другом случае сам Зубов рассказывал (в 1819 или 1820 году) своему управляющему, М. Братковскому, следующее: «Хотя я победил его (Потемкина) наполовину, но окончательно устранить с моего пути никак не мог; а устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его. Потемкин главная причина тому, что я не вдвое богаче. Дело вот в чем: однажды императрица объявила мне, что за мои заслуги дарит мне имение в Могилевской губернии, заселенное 12,000 душ крестьян... но потом спохватилась, что имение это уже подарено Потемкину. Потому она за столом сказала князю: ««Продай мне твое Могилевское имение»». Потемкин, покраснев до ушей, быстро оглянувшись, отвечал, что исполнить желание ее величества не может, так как имение вчера продано — ««вот ему!»» и он указал на стоящего за его креслами молодого камер-юнкера Голынского. Императрица, сильно смутившаяся, догадываясь, что Потемкин проник ее намерение, спросила Голынского с замешательством: ««Как же это ты купил имение у светлейшего?»» Потемкин, упреждая ответ, метнул мнимому покупщику выразительный взгляд, и догадливый Голынский глубоким поклоном подтвердил выдумку князя Таврического. По этому можно судить, каков для меня злодей был Потемкин, когда с такою наглостью лишил меня 12,000 душ» 22. [194]

Зато сохранились данные, не оставляющие ни малейшего сомнения в том, что происходили сильные личные столкновения между императрицею и князем. На этот раз повествования историков-памфлетистов, как напр. Гельбига и Кастера, подтверждаются заметками в таких источниках, которые заслуживают полного доверия. Однако и при этом случае оказывается несостоятельность рассказов иностранных писателей, как-то систематически враждебно относящихся к Екатерине и Потемкину. Так напр. Гельбиг пишет, что между князем и императрицею, вскоре после его прибытия в столицу, произошло полнейшее охлаждение и что лишь внешние соображения заставляли обоих показывать вид, будто между ними продолжались прежние дружеские отношения. У этого же писателя мы встречаем заметку, что нежелание князя принять энергические меры для заключения мира с турками особенно содействовало раздражению Екатерины 23. Замечание это не лишено некоторой доли правды, но о полном разрыве между ними не может быть и речи.

В «Записках» Державина, находившегося в это время в Петербурге и постоянно имевшего дело то с князем, то с императрицею, сказано: «Надобно знать, что в сие время крылося какое-то тайное в сердце императрицы подозрение против Потемкина, по истинным ли политическим каким, замеченным от двора причинам, или по недоброжелательству Зубова». Далее Державин рассказывает, что Зубов, от имени императрицы приказал ему, поэту, писать для князя, что прикажет, но отнюдь ничего не принимать от него и не просить; он сообщает также, что императрица однажды, в присутствии всего двора, сознательно и намеренно кольнула Потемкина тем, что восхваляла доблесть адмирала Чичагова, победителя шведов при Ревеле, и еще тем, что, против воли Потемкина, она хотела назначить Державина своим докладчиком по военным делам. «Князь», — пишет Державин, — «узнав сие, не вышел [195] в собрание и, по обыкновению его, сказавшись больным, перевязал себе голову платком и лег в постелю». Рассказав о празднике, устроенном Потемкиным, Державин прибавляет: «Князю при дворе тогда было очень плохо. Злоязычники

говорили, что будто он часто пьян напивается, а иногда как бы сходит с ума; заезжая к женщинам, почти с ним незнакомым, говорит несвязно всякую нелепицу» 24.

Храповицкий рассказывает о следующих эпизодах в половине марта: «Захар из разговора с князем узнал, что (императрица), упрямясь, ничьих советов не слушает. Он намерен браниться. Она плачет с досады; не хочет снизойти и переписаться с королем прусским».

И прежде, — как известно уже читателям, — между Екатериною и Потемкиным происходили недоразумения по вопросу об отношении России к Пруссии. Екатерина, поддерживая честь и достоинство России, относилась враждебно к королю Фридриху-Вильгельму II; Потемкин же, считая положение России опасным, требовал большей уступчивости со стороны императрицы. Как видно, в данном случае самые важные политические соображения поссорили временно императрицу с князем. Столь серьезное отношение к де лам политическим производит вообще довольно благоприятное впечатление. Но, как кажется, минуты разногласия, взаимного раздражения повторялись, и, быть может, предметом спора служили часто и гораздо менее важные дела. Все это до такой степени расстраивало императрицу, что она даже часто хворала в это время. Храповицкий писал 22-го марта: «Нездоровье. спазмы и сильная колика с занятием духа. Князь говорит, чтоб лечиться; (императрица) не слушается, полагаясь на натуру». На другой день: «Продолжение слабости. Всем скучает. Малое внимание к делам» 25.

Особенно любопытен рассказ Секретарева, бывшего камердинером у Потемкина, о личных отношениях между [196] им и императрицею. Легко возможно, что этот рассказ, относившийся к тому времени, когда рассказчик, которого князь и императрица обыкновенно называли Федею, был очень молодым человеком или чуть не мальчиком, представляет собою данные о времени последнего пребывания Потемкина в Петербурге. Тут сказано: «У князя с государыней нередко бывали размолвки. Мне случалось видеть, как князь кричал в гневе на горько плакавшую императрицу, вскакивал с места и скорыми, порывистыми шагами направлялся к двери, с сердцем отворял ее и так ею хлопал, что даже стекла дребезжали, и тряслась мебель. Они меня не стеснялись, потому что мне нередко приходилось видеть такие сцены; на меня они смотрели, как на ребенка, который ничего не понимает. Однажды князь, рассердившись и хлопнув по своему обыкновению дверью, ушел, а императрица вся в слезах осталась глаз на глаз со мною в своей комнате. Я притаился и не смел промолвить слова. Очень мне жаль ее было: она горько плакала, рыдала даже; видеть ее плачущую для меня было невыносимо; я стоял, боясь пошевелинуться. Кажется, она прочла на моем лице участие к ней. Взглянув на меня своим добрым, почти заискивающим взглядом, она сказала мне: ««Сходи, Федя, к нему; посмотри, что он делает; но не говори, что я тебя послала»». Я вышел, и войдя в кабинет князя, где он сидел задумавшись, начал что-то убирать на столе. Увидя меня, он спросил: ««Это она тебя прислала?»» Сказав, что я пришел сам по себе, я опять начал что-то перекладывать на столе с места на место. ««Она плачет?»» — « «Горько плачет»», отвечал я. ««Разве вам не жаль ее? Ведь она будет нездорова»». На лице князя показалась досада. ««Пусть ревет; она капризничает»», проговорил он отрывисто. ««Сходите к ней; помиритеесь»», упрасивал я смело, нисколько не опасаясь его гнева; и не знаю — задушевность ли моего детского голоса и искренность моего к ним обоим сочувствия, или сама собой прошла его горячка, но только он встал, велел [197] мне остаться, а сам пошел на половину к государыне. Кажется, что согласие восстановилось, потому что во весь день лица князя и государыни были ясны, спокойны и веселы, и о размолвке не было помину» 26.

Бывали случаи неудовольствия, но отношения между императрицею и князем оставались искренними, и раздражение уступало место дружбе и привязанности. При всей слабости женской натуры императрица, благодаря своему положению и своим способностям, имела перевес над Потемкиным. Однажды, когда он, именно в это время, рекомендовал ей какое-то, по ее мнению, совсем недостойное лицо для занятия довольно высокой должности, она отказала князю в назначении этого кандидата и писала ему: «Не по красоте, не по уму, еще менее по знанию и по опрятности телесной представляешь человека в армии инспектора. Он же столь взбалмошной, что по городу хвастается, что он тебя поймал и за нос водит... Дурак сей столь ленив, что кроме еды да петуховой драки и в голове ничто не помещается... Он тебе чести в армии не принесет; несчастлива бы армия была, ежели в ней не найдется единого человека достойнее того глупца. Позволь сказать, что рожа жены его, какова ни есть, не стоит того, чтоб ты себя обременял таким человеком, который в короткое время тебе будет в тягость; тут же не возьмешь ничего ...муж окажется весьма тяжелым бременем... Мой друг, я привыкла тебе правду говорить; ты мне ее также говоришь, когда случай к тому представляется. Сделай мне удовольствие выбрать на эту должность кого либо более подходящего. Я люблю доставлять тебе удовольствие; не люблю также тебе отказывать; но я бы хотела относительно этой должности, чтобы все сказали: вот прекрасный выбор... Извини меня, ежели я скажу, что муж и жена тебя обманывают; я знаю, что ты сие не любишь, но остеречь тебя не может быть иное, кроме слова лишнее» 27. [198]

Из этого письма видно, что, несмотря на случившиеся в это время размолвки между князем и императрицею, продолжались в сущности прежние дружеские отношения между ними. Из «Записок» Храповицкого видно, что Потемкин постоянно находился в обществе Екатерины. 5-го марта у князя был ужин, на котором была и великокняжеская чета; 9 апреля в дневнике секретаря императрицы сказано: «Князь был ввечеру у государыни и оттуда пошел на исповедь». В другой раз — это было уже летом —

императрица из Петергофа приехала к князю обедать в Таврический дворец и оттуда отправилась в Царское Село 28.

Внешние знаки милости не прекращались. Безбородко 25 марта 1791 года писал Милорадовичу: «За прошедшую кампанию велено сенату заготовить генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину-Таврическому похвальную грамоту и сверх того соорудить ему, на иждивении государственном, в столице ли или в деревне, где он пожелает, дом со всем убранством и пред домом воздвигнуть монумент с изображением побед и завоеваний, под его руководством учиненных» 29.

В письмах императрицы к Гримму за это время говорится весьма часто о Потемкине в тоне истинной привязанности. Так напр. в письме от 3 марта сказано: «Четыре дня тому назад приехал к нам фельдмаршал князь Потемкин-Таврический; он был хорош, более любезен, более остроумен, чем когда либо, и в чрезвычайно веселом расположении духа. После столь успешной кампании можно быть в ударе». В конце апреля Екатерина с радостью сообщила Гримму, что Потемкин в восхищении от великого князя Александра Павловича; в другом письме она хвалила подаренные ей Потемкиным и особенно удобные башмаки, причем прибавила, что все теперь при дворе носят эту новоизобретенную обувь 30. [199] Замечание о чрезвычайной веселости князя могло относиться разве только к самому началу пребывания его в столице. Другие современники, напротив, находили, что Потемкин в это время отличался самым мрачным расположением духа. Самойлов пишет: «В продолжение последнего пребывания князя в Петербурге, непонятно от чего, пришло ему в мысль странное воображение, что он доживает свой век; а потому, чтобы заглушить или развлечь мрачность сего воображения и рассеять мысль о близкой его кончине, он вымышлял заниматься увеселениями и учреждать пиршества, так что в столице ни о чем не мыслили более, как о составлении веселостей; но сие, равно как и занятие делами государственными, толико важными, не уничтожало в князе Григорие Александровиче скучных предчувствований и погружало его нередко в задумчивость неразвлекаемую» 31.

Пышность и роскошь, которыми окружал себя князь во время своего последнего пребывания в Петербурге, изумляли современников. По случаю гулянья в Екатерингофе он явился с многочисленною свитою, состоявшею из множества генералов, офицеров и пленных пашей 32. Гельбиг доносил в марте своему двору: «Князь Потемкин с удовольствием присутствует при устраиваемых в честь его министрами, генералами и купцами празднествах... С здешними вельможами он обращается в высшей степени гордо и надменно, обнаруживая презрение к ним, и иногда заставляя их ждать по целым часам в своей передней и иногда не допуская их вовсе к себе. Он тратит громадные суммы на покупку разных драгоценных вещей; мне говорили, что он первую неделю своего пребывания здесь накопил таких предметов на сумму 100,000 рублей». В другом письме Гельбига сказано: «Образ жизни Потемкина расточительностью превосходит все, что только можно вообразить [200] себе. Расходы на его пиршества доходят до 20,000 рублей на каждое. Однажды одна уха на одном из пиров князя стоила 1,300 рублей; ее подали в серебряной ванне; другой раз он накопил устриц на 300 рублей, фруктов на 1,000 червонцев. За две люстры он заплатил 40,000 рублей; два дивана в той же комнате, где были повешены люстры, обошлись в 42,000 рублей. Самые роскошные обеды он устраивал в пост, не обращая внимания на ропот народа. В отношении к женщинам он нарушает все правила приличия; мужья же, робяя пред ним, не препятствуют этому. Все это должно будет повести к опале князя, о приближении которой поговаривают под рукою. Он же уповает на твердость своего положения и презирает всех и все... При публичных выходах он является осыпанный бриллиантами, в блеске и со свитою государя, и народ, как кажется, признает его таковым» 33. «Приглашая князя, вельможи» — говорит Гельбиг в другом месте — «считали часто своим долгом лично прислуживать ему, за обедом стоять за его стулом, как делается с суверенами. Впрочем бывали и другие, которые не унижались до того, а садились за стол» 34.

Екатерина уже давно подарила князю дом, который, по близости от казарм Конной гвардии, стал называться Конногвардейским или позже, по титулу владельца, Таврическим. Дом этот был построен по плану, самим князем избранному. Потом он продал этот дом в казну за 460,000 рублей. Когда же зашла речь о построении ему дома в награду за его победы, он снова выпросил себе это здание, следовательно получил и дом и около полумиллиона рублей 35.

В этом Конногвардейском доме или Таврическом дворце князь в то время, когда еще дом не был убран, даже не совсем достроен, задумал угостить императрицу [201] великолепным праздником, роскошью и пышностью превосходившим все прежние пиршества такого рода. К тому же он, быть может, желал отблагодарить богачей, устраивавших для него обеды, ужины, балы и маскарады 36. За несколько дней до праздника в этом доме явилось множество всяких художников. Стали поспешно отделять и украшать покои. Из лавок взято напрокат до двухсот люстр и множество зеркал, кроме тех, которые были привезены с зеркального завода князя. От придворной конторы принято 400 пудов воску заимообразно; кроме 9–10,000 свечей было приготовлено более 20,000 стаканчиков с воском; для ста человек прислуги была сделана новая, богатая ливрея. Многие деревянные строения, окружавшие дворец, были сломаны, чтобы фасад дома производил более выгодное впечатление. Перед дворцом устроена большая площадь для народного праздника.

Гостей на празднике, устроенном Потемкиным, было несколько тысяч. Потемкин ожидал Екатерину в залах своего дворца. На нем был малиновый фрак и епанча из черных кружев в несколько тысяч рублей;

брильянты сияли везде. Униженная ими шляпа была так тяжела, что он передал ее своему адъютанту и велел везде носить за собою. При появлении императрицы он сам высадил ее из кареты.

Для царственных гостей в огромной зале или ротонде была устроена колоннада. Великолепная эстрада отделяла эту залу от зимнего сада, огромного здания, в котором для большого эффекта освещения расставлены были колоссальные зеркала, обвитые зеленью и цветами. В этом саду устроен был храм с жертвенником, на котором высилась статуя Екатерины из белого мрамора. В глубине сада красовался грот, а перед ним стояла хрустальная пирамида с вензелем Екатерины. Покои блистали картинами, коврами, великолепными обоями и разными прихотливыми украшениями, в числе которых особенное внимание [202] обращал на себя золотой слон, носивший на спине велико-лепные часы и шевеливший глазами, ушами и хвостом.

При появлении государыни ее встретили две кадрили; в ту же минуту воздух огласила известная песня Державина «Гром победы раздавайся». В кадрили участвовали великие князья Александр и Константин. После танцев хозяин повел императрицу и все собрание в другую залу, где увидели сперва балет, далее комедию «*Les faux amants*», а потом пантомиму «*Le marchand de Smyrne*». Около полуночи начался ужин. Потемкин стоял за креслом императрицы, пока она не приказала ему сесть. В продолжение всего вечера хор пел сочиненные Державиным стихи. Наконец — как рассказывает поэт — Потемкин «с благоговением, пал на колени перед своею самодержицею и облобызал ее руку, принося усерднейшую благодарность за посещение». Екатерина уехала во втором часу ночи» 37.

На другой день рано утром Екатерина в письме к Гримму описывала частности великолепного праздника, причем собственноручно набросала план главной залы в Таврическом дворце. «Вот как, государь мой», — сказано в конце письма, — «проводят время в Петербурге, несмотря на шум и войну и угрозы диктаторов» 38. Последнее замечание — намек на враждебное отношение Пруссии к России; неоднократно в это время императрица смеялась над королем Фридрихом-Вильгельмом II, принимавшим тон «диктатора».

Стихи Державина, сочиненные для праздника в Таврическом дворце, относились главным образом к событиям турецкой войны. В них говорилось о взятии Измаила; [203] тут поэт сравнивал императрицу с Минервою, князя с Марсом, старшего внука Екатерины с Александром Великим. Были намеки также на греческий проект, на предполагаемое восстановление Византийской империи.

Все это происходило в то время, когда продолжалась турецкая война, в то время, когда современники находили, что Потемкин недостаточно энергично домогался окончания войны и заключения выгодного мира. Не только находили, что князь был плох как полководец, но также считали его слабым дипломатом. М. С. Потемкин еще в 1790-м году писал к брату: «Видно, турки хотят нас проводить. Здесь давно знают, что турки нас обманывают. Я слышал, что недоброжелатели княжие говорят, что князь не хочет ничего делать... он в обман дается» 39. Теперь же, в 1791 году, находили, что Потемкин думает скорее о развлечении и забавах, нежели о турецкой войне. Даже Самойлов в своей панегирической биографии князя замечает, намекая, впрочем, на переговоры с английскими дипломатами: «По сим-то обстоятельствам князь Григорий Александрович пробыл в столице долее, нежели военные обстоятельства главного над армиями начальства ему позволяли» 40. Гораздо более резко выражался Завадовский в письме к С. Р. Воронцову от 6 июня: «Князь, сюда захавши, иным не занимается как обществом женщин, ища им нравиться и их дурачить и обманывать. Влюбился он еще в армии в княгиню Долгорукову, дочь князя Барятинского. Женщина превзошла нравы своего пола в нашем веке: пренебрегла его сердце. Он мечется как угорелый. Уязвленное честолюбие делает его смехотворным. Пороки Аннибала, пороки Александра видим, без их великих дарований. До сих последних достигнуть труднее, чем претворить нашу столицу в Капую, в Вавилон... Он таков же как всегда. Не знаю, воображаешь ли ты столько, как я, все способы, что мы имели для нынешней [204] войны турецкой, и как, напротив, турки были слабы. Вместо удара навек сокрушительного, мы еще и того не достигли, что произвели в предыдущую войну... Не дивись, если мы об армии меньше знаем теперь, когда сам вождь у нас, нежели как его не было» 41.

Специалисты военной истории очень мало ценят стратегические способности Потемкина, и напр. Петрушевский замечает: «Кампания 1791 года в Турции велась довольно деятельно, потому что Потемкин проживал в Петербурге, сдав войска во временное начальствование князя Репнина. Она ознаменовалась несколькими крупными делами: взятием штурмом Анапы, разбитием турецкого флота при Канаврии, победою князя Репнина при Мачине» 42.

Петров замечает также: «Одержатъ победу над графом Зубовым было для Потемкина желательнее, чем разбить визиря... Ряд поражений, нанесенных русским оружием неприятелю, поражения, начавшиеся именно после отъезда князя Потемкина из армии, делали сомнительным его военный талант и доказывали, что в его отсутствие дела могут вестись не только не хуже, но, напротив, несравненно лучше и решительнее. Зная боевую опытность князя Репнина, князь Потемкин опасался, чтобы в его отсутствие не произошел решительный бой, результатом которого могло последовать заключение мира, под которым не будет красоваться его имя. Поэтому, живя в Петербурге, князь Потемкин в письмах своих к князю Репнину ясно намекал, что не надобно было предпринимать ничего решительного до дальнейших повелений» 43.

Ф.П. Лубяновский, адъютант князя Репнина, говорит в своих «Воспоминаниях», что на все письма Репнина к Потемкину в Петербург он не получил ни одного ответа, что Потемкин даже задерживал курьеров, которые должны были отправляться в армию Репнина. Случился следующий [205] интересный эпизод.

Императрица, находясь в Царском Селе, вызвала В.С. Попова, управляющего канцелярией Потемкина. В 6 часов утра Попов явился. Императрица была не в духе. «Правда ли», — спросила она, — «что целый эскадрон курьеров от князя Репнина живет у вас в Петербурге?» — «До десяти наберется». — «Зачем не отправляете их?» — «Нет приказания». — «Скажите же своему князю, чтобы сегодня же, непременно сегодня, он отвечал Репнину, что понужнее; скажите ему: я велю; а мне пришлите записку, в котором часу курьер ваш уедет». «Не добились мы», говорил после Попов, — «от кого императрица узнала про курьеров». Ходил перед тем по городу слух, что однажды, прежде чем государыня вышла к столу, пошли гости к закуске, в том числе граф Алексей Григорьевич Орлов и Л.А. Нарышкин. Сей последний говорил, в общей беседе о войне, что из армии не было известий, но и Репнин-де ничего не делал. Орлов молча подобрал к себе все ножи со стола и потом просил Нарышкина отрезать ему чего-то кусок. Тот туда-сюда: нет ножа. «Так-то и Репнину, когда ничего не дают ему, нечего делать», сказал Орлов 44. Без сомнения императрица была очень недовольна медленностью действий князя Потемкина. Сохранилась краткая записка ее к князю, в которой сказано: «Ежели хочешь камень свалить с моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силы сухопутные и морские произвести действия наискорее, а то войну протянешь еще надолго, чего конечно ни ты, ни я не желаем» 45.

28-го июля Репнин одержал блистательную победу при Мачине и начал переговоры. Потемкин, узнав об этих важных событиях, должен был видеть, что может утратить [206] обаяние победителя в войне, которую он начал, но которую мог кончить другой. Раздосадованный своим неловким положением при дворе, где он не мог удалить Зубова, расстроенный ипохондрией, мыслью о близкой кончине, болезненными припадками, князь должен был решиться покинуть столицу. 24 июля в 5 часов утра он выехал из Царского Села 46. Современники рассказывали о страшном раздражении князя по поводу успехов Репнина 47. Ходили также слухи о личном столкновении между Екатериною и князем накануне отъезда последнего. Императрица старалась уговорить его к отъезду, ради скорейшего окончания войны; Потемкин желал оставаться в Петербурге. Наконец, императрица чрез Зубова или чрез Безбородко хотела приказывать ему уехать. Никто из вельмож не пожелал пойти к князю с столь опасным поручением. Тогда она самолично пошла к князю и объявила ему в решительном тоне что ему пора ехать, что дела требуют этого. Потемкин из своенравного, строптивого, упрямого — сделался совершенно скромным, послушным, кротким и повиновался желанию Екатерины, так что все удивлялись в последние дни и часы пребывания Потемкина в столице его кротости, мягкости, крутой перемене его нрава 48.

Признавая, что этот рассказ саксонского дипломата, Гельбига, имеет анекдотический характер, считая возможною некоторую неточность заключающихся в нем частных сведений, мы считаем вероятным, что, в общей сложности, рассказ Гельбига соответствует ходу дела, к тому же он подтверждается следующим письмом Ростопчина к С.Р. Воронцову, рельефно очерчивающим характер последнего пребывания Потемкина в столице: «Вы не можете представить, граф, сколько повредила последняя поездка его в Петербург многим лицам, пользовавшимся до того времени уважением. Низость восторжествовала над высокомерием [207] и притворными чувствами. Последнею слабостью князя Потемкина было влюбляться во всех женщин и прослыть за повесу. Это желание, хотя и смешное, имело полный успех... Женщины хлопотали о благосклонности князя, как мужчины хлопочут о чинах. Бывали споры о материях на платья, о приглашениях и проч. Он был почти сослан; значение его упало; он уехал, истратив в четыре месяца 850 тысяч рублей, которые были выплачены из Кабинета, не считая частных долгов» 49.

Примечания

1 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 135.

2 «Сб. Ист. Общ.» XLII. 66.

3 «Сб. Ист. Общ.» XLII. 80, 103, 104 и 113.

4 «Р. Старина», XVII. 416. Действительно между 13 апреля и 13 мая в XLII томе Сб. Ист. Общ. нет писем Екатерины к Потемкину.

5 Minerva, 1799. III. 113-115. Деша Гельбига к Лоссу от 15 октября 1790 в «Арх. Кн. Воронцова» XXVI. 476.

6 Сб. Ист. Общ. LIV. 149.

7 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 136-138, 143.

8 «Дневник Храповицкого».

9 «Зап. Болотова», 1791 г., стр. 806 и 811.

10 Minerva 1800. IV. 512.

11 «Сб. Ист. Общ.», XXVI. 307.

12 Самойлов в «Р. Арх.», 1867. 1553-1554.

13 Herrmann, «Geschichte des russischen Staates». VI. 404, 412.

14 «Архив князя Воронцова» VIII. 22.

15 Васильчиков, «Семейство Разумовских». III. 122.

- 16 «V. Архив», 1867. 1554.
- 17 Minerva, 1799. III. 259.
- 18 «Арх. кн. Воронцова», V. 401-402.
- 19 «Сб. Ист. Общ.» XXVI. 425.
- 20 Herrmann, «Erganzungsband». 102.
- 21 Грот, «Державин», VI. 614-616.
- 22 См. подробности этого деда в биографии Зубова, в «Р. Старине» XVII. 43-44.
- 23 «Minerva», 1800. IV. 511-514.
- 24 Грот, «Державин», VI. 616-620.
- 25 Храповицкий 17, 22, 23 марта 1791 г.
- 26 «Русский Архив», 1882, I, стр. 164.
- 27 «Сб. И. Общ.», XI-II. 141-142.
- 28 Храповицкий, 2 июля 1791 г.
- 29 «Сб. Ист. Общ.», XXIX. 533. П.С.З. № 16953.
- 30 «Сб. Ист. Общ.», XXIII. 494, 504, 525, 545.
- 31 «Русский Архив», 1867, стр. 1555.
- 32 Reimers «St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts», St.-Petersburg. 1805. I. 375-376.
- 33 Herrmann, «Erganzungsband» 102-103.
- 34 Wir haben mehr als einmal gesehen» и проч. «Minerva», 1800, IV. 516.
- 35 Грот, «Державин», I. 370.
- 36 См. письмо Тимофея Кирьяка в «Р. Архиве» 1867, 673-693.
- 37 Подробное описание праздника см. в вышеупомянутом письме Кирьяка. Множество данных собрано Гротом в его издании сочинений Державина, I. 377-449 и VIII. 591-596. См. также мою статью «Potemkins Glück und Ende» в журнале «Baltische Monatsschrift», Neue Folge. Bd. I. Heft. 11 u. 12». Заметки современников в журнале «Minerva», 1800, IV. 518, письмо Сенак-де Мельяна в «Архиве князя Воронцова», XXV. 44, Masson, «Memoires secrets», II. 237 и проч.
- 38 «Сб. Ист. Общ.», XXIII. 517-519.
- 39 «Р. Архив», 1879, II. 194.
- 40 «Р. Архив», 1867, 1554.
- 41 «Архив князя Воронцова», XII. 68.
- 42 Петрушевский, «Суворов», I. 420.
- 43 Петров, II. 241, причем ссылка на рассказы Лубяновского.
- 44 Петров, II. 241-242.
- 45 «Сб. Ист. Общ.», XLII. 148. Издатель отнес эту записку к марту. Верно ли это? В издании этой же записки в «Р. Старине», XVII. 649 сказано: «Без числа».
- 46 Храповицкий, 24 июля 1791 г.
- 47 «Minerva», 1800, III. 527.
- 48 «Minerva», 1800, IV. 540.
- 49 «Архив князя Воронцова», VIII. 44.

X. Кончина Потемкина.

Потемкин против собственной воли покинул Петербург: императрица заставила его уехать. Но несправедливо было бы смотреть на это как на какую-нибудь опалу или размолвку между Екатериною и князем, в чем не трудно убедиться из оживленной переписки между ними в продолжение нескольких недель, до самой кончины Потемкина.

24-го июля он выехал из Царского Села. На другой день уже императрица писала ему: «Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Рапорт к тебе князя Репнина от 14 июля я. раскрыв, читала... Бога молю, да благословит успех, а тебе желаю благополучного пути». Далее следуют разные замечания о Каменском, Безбородке и проч., а в заключение сказано: «Adieu, mon ami, je vous embrasse.» Такие же записки, небогатые, впрочем, содержанием, Екатерина писала 3, 9, 12, 28 августа и проч. Они свидетельствуют о дружбе и привязанности. Кроме разных замечаний о делах встречаются уверения в расположении, в искренности которых нет оснований сомневаться. Часто попадаются фразы о необходимости заключения мира. «Признаюсь, что ничего на свете так не хочу, как мира». «Обрадовал ты меня прелиминарными пунктами о мире, за что тебя благодарю душою и сердцем; дай Боже скорее совершить сие полезное дело заключением самого мира... Желаю весьма, чтобы великие жары и труды дороги [209] здоровью твоему не нанесли вреда в теперешнее паче время, когда всякая минута требует нового труда. Adieu, mon ami». В письме от 28 августа, после разных заметок о переговорах, сказано: «О чем я всекрайне сожалею и что меня же столько беспокоит, есть твоя болезнь и что ты ко мне пишешь, что не в силах себя чувствуешь оной выдержать. Я Бога прошу, чтоб отвратил от тебя сию скорбь, а меня избавил от такого удара, о котором и думать не могу без крайнего огорчения. О разогнании турецкого флота здесь узнали с великою радостью, но у меня все твоя болезнь на душе... Прикажи ко мне писать кому почаще о себе. Означение полномочных усмотрела из твоего письма; все это хорошо. а худо то только, что ты болен. Молю Бога о твоём выздоровлении. Прощай, Христос с тобою. Платон Александрович тебе кланяется и сам пишет к тебе". 4 сентября: «Письмо твое от 24 августа упокоило душу мою в рассуждении тебя самого, понеже увидела, что тебе есть легче, а до того я была крайне беспокойна; но не понимаю, как, в крайней слабости быв, можешь переехать из места на место... Платон Александрович тебе кланяется и сам будет писать к тебе; он весьма беспокоился о твоей болезни и один день не знал, чем и как печаль мою облегчить» 1.

Болезнь князя действительно сильно беспокоила императрицу. Это видно из следующей заметки в дневнике Храповицкого от 28 августа: «Получено известие чрез Кречетникова из Киева, что князь Потемкин очень болен и к нему поехала Браницкая... Печаль и слезы».

Несмотря на болезненное состояние Потемкин совершил путешествие чрезвычайно быстро; в восемь дней он прибыл в Яссы. Репнин, одержав победу 28 июля при Мачине, открыл переговоры о мире; 31 июля были подписаны прелиминарные пункты; 1 августа прибыл Потемкин.

Трудно сказать, насколько верен рассказ о страшном [210] раздражении Потемкина по поводу столь энергичных и успешных действий князя Репнина; он основан только на устном предании 2. Быть может, Потемкин был недоволен условиями прелиминарного договора, заключенного Репниным. В переписке между Екатериною и Потемкиным говорится о необходимости сокращения перемирия, на которое согласился Репнин; вообще же Потемкин тотчас же после приезда признал договор, как «fait accompli», и этим, как мы видели, обрадовал императрицу 3.

Энгельгардт пишет: «Светлейшему князю очень было досадно, что князь Репнин поспешил заключить мир; он выговаривал ему при многих, сказав: ««Вам должно было бы узнать, в каком положении наш черноморский флот, и о экспедиции Гудовича; дождавшись донесения их и узнав от оных, что вице-адмирал Ушаков разбил неприятельский флот и уже его выстрелы были слышны в самом Константинополе, а генерал Гудович взял Анапу, тогда бы вы могли сделать несравненно выгоднейшие условия»». Это действительно было справедливо», — продолжает Энгельгардт: — «князь Репнин в сем случае предпочел личное свое любочестие пользе государственной, не имея иной побудительной причины поспешить заключить мир, кроме того, чтобы его окончить до приезда светлейшего князя» 4.

Можно считать вероятным, что между Потемкиным и Репниным происходило некоторое объяснение. Впрочем, Потемкин вскоре же признал заслуги Репнина и был с ним в хороших отношениях. Лубяновский рассказывает о следующем случае. Помирившись с Репниным, Потемкин был у него однажды на обеде, причем вдруг сделался [211] грустным. «О чем так вдруг закручинились, ваша светлость?» — спросил Репнин. «Не взыщите, князь Николай Васильевич», — ответил Потемкин: — «грусть находит вдруг на меня, как черная туча. — Ничто не мило; иногда помышляю идти в монахи». — «Что ж, ваша светлость», — сказал Репнин, — «не дурное дело и это. Сегодня иеромонахом, через день архимандритом, через неделю в епископы, затем и белый клобук. Будете благословлять нас обеими, а мы будем целовать у вас правую» 5.

Упав духом, чувствуя усиление болезни, Потемкин не в состоянии был довести до конца переговоры о мире. В среде русских дипломатов в это время подвергали строгой критике образ действий Потемкина. Так

напр. Морков в письме своем к С. Р. Воронцову находил выбор лиц, которым было поручено вести переговоры о мире, совсем неудачным 6.

Как относились турки к Потемкину, можно видеть из письма Безбородки к С.Р. Воронцову, писанного вскоре после кончины князя, во время переговоров о яском мире: «Думают, может быть, у вас, что имя покойного страшило их. Сколько в том ошибаются! Я тебе скажу что четвертого дня случилось. Второй (турецкий) полномочный говорил с нашим драгоманом о покойном: ««Сожалею»», сказал он, ««что я не видал сего странного человека, который все дела делал языком; да и подлинно он думал, что едкий и бранчивый язык, так как и обычай его грозить, над всеми действовать мог. Впрочем, где же храбрость видна была? Где случалась драка в разных или меньших с вашей стороны силах, там не он присутствовал. Взял Аккерман и Бендеры, приведши с собою 80,000 одной пехоты и многие сотни пушек. Люди испугались и сами отдалися»» 7.

Около этого времени ходили разные слухи о чрезмерном [212] честолюбии Потемкина. Рассказывали, будто князь желал превращения Крымского полуострова в независимое царство, государем которого будет он сам 8. Партия Зубовых вздумала подогревать старую историю Мазепы, распуская слухи, будто Потемкин кроме действующей армии содержал еще на свой счет второй комплект солдат и, всячески привлекая к себе молдаван и валахов, хотел отложиться от России и сделаться в этом крае независимым господарем 9. Даже Самойлов намекает на это, замечая: «Князь весьма желал независимости Молдавии от Порты, тем паче, что привязанность молдавских вельмож, к нему оказанная, и заслуги, им явленные императрице, подавали ему надежду быть защитником и покровителем сей страны» 10. Энгельгардт, сообщая об образовании Потемкиным в это время громадного полка из 11,000 человек и 20 орудий артиллерии под названием «Великой Гетманской Булавы», замечает: «На сей счет разные делали догадки; прямой цели никто не постигал, ибо невозможно было, чтоб один только каприз князя Потемкина был тому причиною. Одни полагали, что он хотел быть господарем Молдавии и Валахии, другие — что он хотел себя объявить независимым гетманом; иные думали, что он хотел быть королем польским» 11. Суворов, находившийся в это время в Финляндии, считал честолюбие Потемкина опасным. В одном из его писем к Хвостову сказано: «По победе над визирем, чем дальше князь Потемкин пойдет, тем опаснее; я помню дерзкий приказ: арнауты принадлежат гетманской булаве. Он имеет инсигнии донских и иных казаков; его поминают за выносом без синода, с прибавлением его армии военной; газетчины дают ему I» 12. [213] Впрочем, еще в конце августа 1791 г., значит после первых пароксизмов болезней, жертвою которой он сделался, князь очень деятельно занимался текущими делами. В его письме к А.А. Безбородке от 24 августа из Гуши, которое впрочем он продиктовал Попову, сказано между прочим: «Из Ясс буду я писать обо всем обстоятельно и о Польше и пришлю журнал всего происходившего между мною и визирем. Дело совсем было расклеилось упрямством султана; но флот наш черноморский все поправил, приведя до крайней трусости Его Султаново Величество. Донесите, Ваше Сиятельство, при случае, что я ничего не упущу, и в том будьте спокойны. Я так себя поставил, что Турки за мною ходят, а не я за ними. Визирь осыпает меня учтивостями и письмами». А затем Потемкин пишет об отношении России к Австрии и Пруссии: «На императора (Леопольда) нельзя надеяться и для того нужно скорее учредить свои интересы с Берлинским двором. После все можно устроит, но только на теперешний случай сие надобно конечно». А 29 августа Потемкин писал к Безбородке: «Польша требует большого внимания, паче тем, что император ладит с королем прусским, а сладивши, мы останемся как рак на мели» и пр.

Еще в сентябре князь неоднократно писал к Безбородке о делах, о ходе переговоров с Турками, об армии и пр. В кратком письме от 16 сентября из Ясс сказано: «Когда дела много, тут сил нет, но я верно себя не щажу... устал, как собака». А между тем ему стало хуже. 21 сентября он писал: «Стал было я бродить, но третьего дня схватил меня сильно пароксизм и держал более 12 часов, так что и по сие время не могу отдохнуть; крайнее ослабление. Вообразите, что все больны в Яссах и у меня в доме скоро некому будет служить. Прошу отыскать для меня шлафрок китайский и прислать; оный крайне мне нужен» 13. [214] Болезнь князя приняла опасный оборот в то самое время, когда от его дипломатического искусства зависело заключение мира или продолжение войны. Могло казаться, что мира не будет. Потемкин настаивал на независимости Молдавии, на облегчении судьбы Валахии, на уступке Анапы; а между тем великий визирь с армией в 180,000 чел. стоял на правом берегу Дуная, против Браилова. Самойлов пишет: «Можно заключать, что князь не положительно решителен был на принятие мирных предложений. В таком будучи намерении трактовал он все вежливости великого визиря с равнодушием и с самым неуважением» 14.

Современники с напряжением следили за дипломатическою деятельностью князя. Бантыш-Каменский писал тогда к Куракину: «Ежели верить носящимся слухам, то дело идет о Молдавии и о Анапе. О! ежели выполнит Решемысл обе сии статьи, прямо велик будет и словом, и делом» 15. Морков, напротив, считая Потемкина плохим дипломатом, порицал его образ действий в резких выражениях 16.

Однако в это же время Потемкин уже предчувствовал приближающуюся кончину. Замечали, что уже на пути в армию он был задумчив и временами жаловался на головную боль 17. В начале августа он прибыл в Галац, где вскоре после этого скончался брат великой княгини Марии Феодоровны, принц Виртембергский. Энгельгардт рассказывает: «Светлейший князь был на похоронах, и, как по окончании отпевания князь вышел из церкви и приказано было подать его карету, вместо того подвезли гробовые дроги; князь с

ужасом отступил; он был чрезвычайно мнителен. После сего он вскоре занемог и повезли его [215] больного в Яссы» 18. По другим известиям князь в рассеянности даже сел на погребальные дроги., что, разумеется, должно считаться весьма невероятным. Камердинер Потемкина Секретарев рассказывал, что был свидетелем ошибки князя при выходе из церкви, когда вместо своего экипажа сел на похоронные дроги... «По рассеянности ли», — пишет дочь Секретарева, по рассказу отца, — «или по чему другому, необъяснимому, князь положительно сел на дроги и лишь чрез некоторое время заметил свою ошибку. Вскоре после князь занемог» 19.

Князь совершенно упал духом, мучимый мнительностью и тоскою. К душевным его страданиям присоединились лихорадочные припадки. я князь обратился к помощи докторов Тиммана, Массо и штаб-лекаря Санковского. 20 августа Потемкин писал к Репнину о переезде из Галаца в Яссы «Продолжающиеся мои страдания» — говорилось в письме — «довели меня до совершенной слабости». В другом письме сказано: «Одно средство с сохранению людей нахожу я в удалении их из Галаца. Место сие, наполненное трупами человеческими и животных, более походит на гроб, нежели на обиталище живых... Болезнь меня замучила, и я теперь в крайнейшей слабости». В Яссах болезнь Потемкина усилилась; а присоединившаяся к ней тоска побуждала его раза два выезжать из города в соседние деревни и опять возвращаться в Яссы 20. Черные мысли заставляли его думать опять о монашестве. К этому времени, как кажется, относится сочинение князем «Канона Спасетелю», в девяти песнях, в тоне и духе псалмов. В предчувствии близкой кончины, он как бы хотел очистить свою душу покаянною молитвою 21.

Понятно, что опасное положение князя в то время, когда вопрос о мире и войне занимал всех, сильно беспокоило [216] императрицу, старавшуюся скрывать свое волнение. Она все еще надеялась на выздоровление князя. В ее письме к Гримму от 1 сентября сказано: «Князь Потемкин пишет, что мир с султаном будет в скором времени подписан. Он был очень болен, но 24 августа ему было уже гораздо легче: я нарочно ставлю число, чтоб вы не верили ложным слухам» 22.

31 августа Завадовский писал к С.Р. Воронцову, что Безбородко считал положение Потемкина отчаянным. «Энгельгардт пишет», — сказано в письме Завадовского, — «что он (Потемкин) имеет припадок лихорадочный, ничего не принимает и никого не слушает, потому (Энгельгардт) и просил Браницкую, чтоб приехала его на медицину уговаривать, считая, что долг родства и благодарности к тому ее обязывает. Князь будет или есть по прежнему здоров; а мы только доказательство имеем, против чаяния многих, сколько дорожат им. Наш приятель (Безбородко) убит был таковым приключением, во мнении, что лишается руки, его содержащей. Курьера другого еще нет; но я уверен, что будет радостный». Как мало Завадовский предвидел кончину князя, видно из его письма к С.Р. Воронцову от 24 сентября: «Князь занемог и переехал в деревню, в пяти верстах от Ясс. Уже он выздоровел». 11 октября Завадовский писал: «Князь то болен, то выздоравливает» 23.

После того, как графиня Браницкая, племянница Потемкина, поехала к больному, императрица писала к ней 16 сентября: «Тревожит меня болезнь дядюшки вашего, князя Григория Александровича. Пожалуй, графиня, напишите ко мне, каков он, и постарайтесь, чтоб он берегся как возможно от рецидивы, кои хуже всего, когда кто от болезни уже слаб. Я знаю как он беспечен о своем здоровье». В другом письме, от 3 октября, говорится: «Из письма вашего от 27 сентября вижу я, что князю [217] есть полегче; но совсем тем я весьма беспокойна о его состоянии. Пожалуй, останься с ним, а пуще всего, чтоб во время продолжительного выздоровления поберегся» 24.

О состоянии Потемкина в сентябре мы подробно узнаем из писем В. С. Попова к Екатерине и к А.А. Безбородке. В письме к последнему от 24 августа 1791 г. сказано о «жестовой» и «мучительной болезни» князя, что это была «желчная горячка». А далее Попов пишет: «Слава Богу, что князь, убежденный нашими просьбами, принял лекарство. которое много помогло. Один только сильный и долговременный пароксизм был после сего лекарства, но потом становились они легче и оставили токмо по себе крайнюю слабость. которая до сих пор держит его светлость в постеле, но не препятствует уже течению дел, хотя то и стоит его светлости труда» 25. Попов писал 6 сентября («в загородном доме при Яссах») императрице: «С 3-го дня сего месяца показался опять жар, и его светлость проводил ночь в беспрестанной тоске, которая и в следующий день продолжалась; в ночь на 5 число князь не мог тоже уснуть: жар и тоска мучили его несказанно до самого полдня. Всемиловитейшее письмо вашего императорского величества и милосердное в оном соболезнование тронули его светлость до слез, и сие много подействовало; жар начал умягчаться... Доктора Тиман, Массот и штаб-лекарь Санковский попеременно не оставляют его светлость ни на минуту. Они приписывают продолжение болезни бывшим несносным жарам, а более накопившейся желчи. Для того и стараемся мы удалить все то, что только может подать повод к огорчению его светлости, весьма для него в настоящем положении опасному. Не безвредна также для его светлости и забота его чрезвычайная по долгу службы: всякий день по утру занимается князь слушанием отвсюду вступающих дел, не в состоянии будучи сам читать, приказывает по оным разные исполнения и когда только может [218] приподняться, то подписывает нужные бумаги, хотя весьма слабою рукою». К Безбородке Попов писал 16 сентября: «Его светлость, освободясь от болезни, не может еще освободиться от своей слабости, и притом много терпит от стреляния в ушах. Дня с три сбирался он с силами, чтоб отметить на списках рекомендованных за Мачинское и Анапское дело мнение свое о их награждении, но не был в состоянии того исполнить, так как и положить на бумаге все свои переговоры и сношения с визирем, и так отложил,

пока силы его укрепятся». 21 сентября: «Князь опять занемог. Лихорадка мучила его третьего дня жесточайшим образом, так что его светлость до сих пор не встает с постели. Если сия лихорадка сделается четверодневною, то для его светлости будет весьма несносна, и тем более, что для изгнания ее нужно будет принимать лекарства, до коих князь весьма неохотлив». 25 сентября из Ясс Попов писал к Екатерине: «От 21 сентября до нынешнего дня князь подвержен был беспрестанным и жестоким страданиям. Все признаки открывали тяжкую и мучительную болезнь. Горестные его стенания сокрушали всех окружающих его. Когда только боли унимались, то его светлость начинал говорить о безнадежности своей жизни и со всеми прощался, не внемля никаким нашим вопреки сего уверениям. Все наличные здесь доктора держали консилиум о болезни его светлости и о способах к его врачеванию и согласно положили давать его светлости хину, которую он уже и принимает». 27 сентября: «Состояние светлейшего князя, слава Богу, переменилось в лучшее... и сам князь перестал уже говорить о смерти. Сегодня в 12-м часу его светлость приобщился Святых Таин и после того стаи довольно весел. Много принесло его светлости радости и удовольствия получение вчера всемилостивейшего вашего императорского величества письма и в оном шубки и шлафрока. При напоминании вашего величества имени всегда льются обильные слезы из глаз его. Крайняя слабость после претерпенных мучений не позволила [219] много писать к вашему и. величеству; но я надеюсь, что с первым курьером его светлость напишет более» 26, 2 октября Попов писал: «30-е число, день рождения и именин его светлости, все окружающие его старались утешать его разными опытами усердия своего; несколько раз вспоминал он священное вашего императорского величества имя и горько плакал, воображая, что, может быть, не будет иметь счастья ваше и. величество увидеть... Я просил его светлость убедительнейшим образом о принятии хины, но ничто не может преодолеть совершенного его от нее отвращения и, кажется, болезнь умножается при воспоминании о лекарстве. Теперь желает его светлость, чтоб везли его отсюда в здоровейшее место, но я не знаю, как тронуться ему отсюда, когда все силы его изнурены до крайности» 27.

Из этих писем Попова видно, как сильно и благотворно действовали на князя Потемкина в последние дни его жизни письма Екатерины. В свою очередь императрица была в глубокой печали при получении столь неотрадных известий о состоянии здоровья князя. Храповицкий писал 16 сентября: «Курьер от князя Потемкина: к нему опять пришла лихорадка». 3 октября: «Два курьера, что князь Потемкин был опасно болен, и теперь еще лихорадка продолжается; он приобщен Св. Таин. Прислано описание болезни от Массо и Тимана. Слезы». 11 октября: «В обед приехал курьер, что 1 октября князю Потемкину опять хуже. Слезы».

К Безбородке Попов писал 2-го октября: «Заботы наши о его светлости все еще продолжают. В прошедшую ночь сделавшийся ему обморок много нанес беспокойства. Теперь, слава Богу, он спокоен, много говорил о делах и непременно положил намерение отсюда удалиться. Место [220] всех здоровее считает его светлость в Николаеве, что по Буге, и одна мысль сей перемены приметно его утешает». В письме от 4 октября сказано уже, что доктора потеряли надежду 28. Подробнее в тот же день Попов писал императрице: «На 3-е число сего месяца его светлость проводил всю ночь и до девяти часов утра в таком состоянии, которое приводило в отчаяние всех медиков. Девять часов не находили они пульса. Его светлость не узнавал людей; руки его и ноги были холодны как лед, и цвет лица весьма изменился. Невзирая на слабость, его светлость непременно требовал, чтоб везли его отсюда. На 4 число его светлость проводил ночь довольно покойно, и хотя сна совсем почти не было, но не было и тоски. Как выезд из Ясс назначен был поутру, то князь поминутно спрашивал: который час? и все ли готово? Едва только рассветало, то, несмотря на крайнюю его слабость, не было возможности удержать его несколько часов, пока бы разошелся бывший тогда густой туман. Его светлость приказал положить себя в большие кресла и на оных снести к шестиместной карете, в которую его с великим трудом и положили. Тут князь подписал письмо к вашему императорскому величеству и в 8 часов пополудни пустился в путь свой к Николаеву. С его светлостью поехали, но в других экипажах: графиня Александра Васильевна Браницкая, генерал-поручик Голицын, генерал-майор Львов и обер-кригскоммиссар Фалеев, доктора Тиман и Массот и штаб-лекарь Санковский. Всю дорогу ехали тихо и в два часа пополудни прибыли благополучно на первый ночлег в село Пунчешты, в 30 верстах отсюда; доктора удивляются крепости, с которою его светлость совершил переезд свой. Они нашли у него пульс лучше и гораздо более свежести в лице; жаловался только, что очень устал. Есть-ли его светлость следующую ночь проведет спокойно, то мы уверены о скором его выздоровлении в Николаеве, [211] тем паче, что его светлость воспринял несомненную в том надежду, и сия надежда сильно в нем действует».

Попов упоминает о письме Потемкина к императрице. Вот оно.

«4 октября 1791. Яссы».

(Чужою рукою 29): «Матушка, всемилостивейшая Государыня! Нет сил более переносить мои мучения; одно спасение остается оставить сей город, и я велел себя везти к Николаеву. Не знаю, что будет со мною».

(Женскою рукою 30): «Вечный и благодарный подданный».

(Рукою князя Потемкина): «Я для спасения уезжаю» 31.

Последнее письмо Екатерины, дошедшее до князя, от 16-го сентября, свидетельствовало о сильном беспокойстве и об искреннем расположении к князю. «Друг мой сердечный», писала императрица, «твой письма от 29-го августа и 6-го сентября мною получены; первое меня много обрадовало, ибо видела, что

тебе было легче, а другое паки во мне умножило беспокойство, видя, что четверы сутки ты имел непрерывный жар и боль в голове. Прошу Бога, да подкрепит силы твои; не сомневаюсь, что по делам все пойдет; но каково больному дела, я по себе знаю». В приписке сказано: «Платон Александрович благодарит за поклон и сам к тебе напишет». Письма Екатерины от 30 сентября и 3 октября уже не застали князя в живых. Тут было сказано: «Все крайне меня беспокоит твоя болезнь. Христа-ради, ежели нужно, прими, что тебе облегчение, по рассуждению докторов, дать может; да приняв, прошу уже и беречь себя от пищи и питья, лекарству противных... Платон Александрович тебя благодарит за поклон и весьма тужит о твоём состоянии. С именинами тебя поздравляю и посылаю шубейку». 3 октября: «Письма [222] твои крайне меня беспокоят, хотя вижу, что последние три строки немного получше написаны и доктора уверяют, что тебе получше».

В письмах к Попову Екатерина благодарила его за подробные известия и просила писать почаще. «Кажется, доктора все делают, что могут», — сказано в письме от 3 октября: — «пуще всего, что узнали чем болен» 32.

5-го октября Попов писал Екатерине: «Удар совершился, все милостивейшая государыня! Светлейшего нет более на свете. Поутру он сделался очень слаб, но приказал скорее ехать; наконец, не доезжая большой горы, верстах в 40 от Ясс, так ослабел, что принуждены были вынуть его из коляски и положить на степи. Тут и испустил он, к горестнейшему нашему сожалению, дух свой 33.

В письме великой княгини к ее родителям из Гатчины от 27 октября (7 ноября) 1791 г. сказано, что упрямство князя, неумеренная пища и отвращение от хины были причиною кончины князя и что по мнению докторов без этого его положение не сделалось бы столь опасным 34.

Самойлов замечает в своей биографии Потемкина: «Болезнь его увеличивалась сколько сама по себе, но более от того, что он не только не берег себя, но даже как бы нарочно изыскивал средство против выздоровления своего, употребляя в пищу самые жирные и докторами запрещенные ествы; а в то время, когда испарина и самый пот приходили, он выливал на голову стклянок по десяти одеколон и был в непрерывном неудовольствии духа» 35.

И в рассказе Энгельгардта мы встречаем заметку, что Потемкин «не хотел принимать никаких лекарств и, будучи [223] в жару, мочил себе голову холодною водою» 36. Барон Бюлер писал князю Голицыну в Вену: «Последняя болезнь его (Потемкина) была перемежающаяся лихорадка, которая сделалась смертельною вследствие отвращения его ко всем врачебным пособиям» 37.

Любопытен рассказ митрополита Ионы о последних днях жизни Потемкина: «По возвращении из Петербурга князь Потемкин тяжело заболел горячкою; 40 дней провел он в таком состоянии и, не получив облегчения, отправился из Ясс в ближайшее село, принадлежащее молдавскому господарю Маврокордату; оно расположено среди садов на возвышенности и пользуется прекрасным климатом. Но и это не помогло князю. Преосвященный Амвросий и я навестили его и слезно умоляли беречь себя, принимать лекарства и воздерживаться от вредной пищи. ««Едва ли я выздоровею»»; — отвечал на это князь: — ««сколько уже времени, а облегчения нет как нет. Но да будет воля Божия! Только вы молитесь о душе моей и помните меня. Ты духовник мой,»» — продолжал он, обращаясь к Амвросию, ««и ведаешь, что я никому не желал зла. Осчастливить человека — было целью моих желаний»». Зарыдали мы от этой предсмертной речи доблестного мужа. Вышедши, мы нашли в гостинной генерал-доктора, француза, от которого узнали, что положение князя безнадежно, что никаких лекарств он не принимает, а болезнь уже в таком развитии, что обыкновенное врачевство едва ли поможет» 38.

В 1816 г. К.Ф. Кнорринг, как очевидец последних часов жизни Потемкина, рассказывал следующее: «При переезде из одного места в другое, князь назначил ночлег на пути у него, Кнорринга, тогда командира Таврического гренадерского полка, и прибыл в седьмом часу вечера. Приготовлена торжественная встреча, но из кареты у подъезда слышали нерадостный голос: ««жарко, душно!»» Носился [224] слух, что князь был не совсем здоров, но чтобы молва заключала в себе что-либо немаловажное, то в мысль никому не приходило. Вошедши в дом, он улегся на диване и велел отворить окна, повторяя: ««жарко, душно!»» Ночь была тихая, лунная, свежая; что доктор ни делал, что ни подавали для прохладения, все ему было душно; метался, страдал. Не прежде десятого часа доктор сказал, что князь начинал успокаиваться и Бог даст заснет. Спутники пошли ужинать к нему, Кноррингу. Выезд назначен между семи и восьми часов утра. Можно ли было подумать, что это утро, этот день будет последний день жизни знаменитого? Между двух и трех часов ночи неожиданная тревога: экипажи поданы, князь выезжает. Кто как успел приодеться со сна, так и отправились. Велено ехать шагом. За несколько верст от ночлега рассветало. Княжая карета остановилась. Выскочили мы» — говорил Кнорринг, — «из экипажей и окружили карету. Больной держал в дрожащих руках св. икону, везде и всегда его сопутницу, лобызал ее, обливал слезами, рыдал, взывая: ««Боже мой, Боже мой!»» Пожелал выйти из кареты и лечь на траве. Постлали ковер, принесли под голову кожанную подушку, уложили его; ничего не говорил, стонал, казался однако же покойнее. Так он по желанию лежал на траве, на чистом утреннем воздухе, под открытым небом. Скоро затем, крепко и сильно вздохнув, протянулся. Смерть и тогда еще никому из предстоявших не пришла на мысль. Казак из конвойных первый сказал, что князь отходит, и закрыть бы глаза ему; искали по всем карманам империяла; тот же казак подал медный пятак, которым и сомкнули глаза покойному» 39.

Отец Э.И. Стогова, записки которого недавно появились в «Русской Старине», рассказывал сыну, что он в минуту кончины князя Потемкина стоял в ногах умирающего. Князь говорил доктору будто: «Спаси меня; я полцарства дам тебе». Доктор поднес ему образ и сказал: [225] «Вот твоё спасение». Потемкин крепко прижал образ и скончался 40.

Некоторые данные в современном письме из Ясс отчасти дополняют эти рассказы, отчасти не соглашаются с ними в частности. Потемкин называл Яссы своим гробом, и когда приехал туда Фалеев, окончивший в то время построение Николаева, он своими рассказами возбудил в больном желание посетить возникавший город. На первом ночлеге (значит у Кнорринга) он участвовал в разговоре Фалеева с Браницкою «и был так весел, что просидел с ними до 12-ти часов, говорил им, что он рад, что гроб свой в Яссах оставил (??). Поминутно он спрашивал, скоро ли рассветет; лишь только показался свет, он и велел заложить лошадей; однако-ж все ему говорили, что их повели поить. Он приметил, что обман... нечего было делать, повезли его; отъехав семь верст, он сказал: ««Будет теперь, некуда ехать, я умираю» выньте меня из коляски, я хочу умереть на поле»». Его положили на траву. Он просил спирту, намочить оным голову, и, полежав более трех четвертей часа, зевнув раза три, так покойно умер, как будто свеча, которая вдруг погаснет без малейшего ветра». Автор письма замечает: «Сие я описываю тебе, как пересказывал мне г. Фалеев, который был при князе до последнего вздоха».

Попов писал графу Безбородко: «Я поручил г-ну Иванову написать изображение кончины его светлости. Графиня Браницкая, бросаясь на него, старалась уверить себя и всех, что он еще жив, старалась дыханием своим согреть охладевшие уста. Все окружающие в ужасе и отчаянии воздымали руки и били себя в перси. Картина сия, м. г., весьма будет жалостна» 41. [226]

Бантыш-Каменский, сообщая князю Куракину о кончине Потемкина, замечает: «По вскрытии тела нашли, что гнилая горячка и молошница были» 42. Безбородко, по желанию Завадовского, сообщая ему подробности о болезни Потемкина, заметил: «Тут не было ничего особенного, кроме самого обыкновенного. Склонность его к желчи при гемороидах, раздраженная разными неприятностями, в последнюю его у нас бытность случившимися, при сильном движении от непонятно-скорой дороги увеличила силу болезни... По обычаю своему, растворя ночью окна, не воздерживался от пищи и не принимал лекарств... Приехав в Чердак близ Ясс, съел он жареного целого гуся и впал в рецидиву... В конце сентября он спрашивал у Браницкой, не в опасности ли? Она его ободряла, а тем и дала ему повод шутить с своим здоровьем». Дальше, рассказав о кончине князя, Безбородко писал: «По вскрытии тела его, найдено необычайное разлитие желчи, даже что части ее, прильнув к неким внутренностям, затвердели» 43. И в письме Ростопчина к С.Р. Румянцеву сказано, что Потемкин неумеренностью и причудами усиливал болезнь, ел гусей и фрукты, обливал себя холодною водою и проч. 44.

Сейчас после кончины князя, труп Потемкина был привезен обратно в Яссы. Сначала была речь о погребении князя в имении Василькове, в Белоруссии 45. Несколько [227] недель тело его простояло в монастыре Голь, близ Ясс, где Безбородко, вскоре приехавший в Яссы для окончания переговоров о мире, видел гроб Потемкина 46. Затем тело было перевезено в Херсон. рассказывали, что в Яссах не менее 600 человек работали над приготовлениями к похоронам князя 47. При совершении надгробного пения в монастыре Голь, архиепископ Амвросий произнес речь, в которой между прочим сказал: «Монархия лишилась советника, блюстителя, споспешника, друга» 48. Митрополит Иона, описывая подробно погребальную церемонию, происходившую в Яссах, писал, что полки, расставленные по этому случаю в две шеренги, стояли прямою линией, занимавшей более пяти верст 49. Подробности церемоний, происходивших в Яссах, интересовали современников. Бантыш-Каменский писал к князю Куракину 26 ноября 1791 года: «Послал я к вам план погребения покойного князя; теперь посылаю описание, по которому все точно происходило» 50. В подробном описании церемонии в Яссах, составленном Энгельгардтом, как очевидцем, сказано, между прочим: «Горесть написана была на всех лицах, наипаче воины и молдавские бояре проливали слезы о потере своего благодетеля и друга» 51.

Из Ясс гроб Потемкина был перевезен в Херсон, где его поставили в подпольном склепе внутри церкви Св. Екатерины; при этом случае о нем было сказано, что он «всюду победоносец неимоверный, возродитель градов, искусный созидатель флотов, удивление Европы... Сии два имени: Херсонско-Таврический, Потемкин-Таврический останутся навеки в нераздельном союзе. Князь [228] будет вечною славою тебе, а ты будешь вечною славою и памятником князю» 52.

Гроб с телом Потемкина с 23 ноября 1791 года простоял в склепе, незасыпанным землею, по 28 апреля 1798 года. Тут же находилась сначала и богато украшенная икона Спасителя, которою императрица благословила Потемкина в 1774 году на Новороссийское генерал-губернаторство. Пред этою иконою иногда служили панихиды. Но в 1793 году племянник Потемкина, граф А.Н. Самойлов, вытребовал икону. В 1798 году император Павел, узнав, что тело Потемкина стоит непреданным земле, приказал, чтобы «все тело, без дальнейшей огласки, в самом же том погребу погребено было в особо вырытую яму, а погреб засыпан землею и изглажен так, как бы его никогда не бывало».

Это приказание было исполнено таким образом, что гроб в склепе, не выкапывая особой могилы, засыпали землею; вход в склеп заложили камнем; наконец, сверху был настлан деревянный пол. В этой мере видно желание ослабить память о Потемкине, которого император Павел, бывши великим князем, не любил. Императрица Екатерина приказала, в конце 1791 г., «в память Потемкина заготовить грамату с

прописанием в оной завоеванных им крепостей в прошедшую войну и разных сухопутных и морских побед, войсками его одержанных; грамату сию хранить в соборной церкви города Херсона, где соорудить мраморный памятник Таврическому; а в арсенале того ж града поместить его изображение и в честь ему выбить медаль». Памятник был воздвигнут в том же храме, но в 1798 году по приказанию Павла I уничтожен 53. В указе сказано: «По расстройке, в которой оставлены дела князем Потемкиным, в управлении его бывшие, неприлично [229] быть монументу, в память его воздвигнутому, и для того сооруженный от казны в городе Херсоне повелеваем уничтожить» 54. Зато очень скоро после кончины Павла, а именно 17 сентября 1801 г. именным указом императора Александра I было разрешено графу Самойлову и прочим родственникам князя Потемкина соорудить памятник в Херсоне и далее устроить дом призрения для престарелых матросов. При этом было указано на заслуги Потемкина и на указ Екатерины о воздвижении памятника князя в Херсоне 55. Однако не раньше как в 1836 году в херсонском городском саду была сооружена на повсеместный сбор в России статуя. В 1873 году херсонское земство повесило в церкви в память Потемкина небольшую мраморную доску на средства, собранные по подписке. Засыпание склепа, в котором находились останки князя, породило молву, будто бы тело Потемкина вынуто из склепа и зарыто бесследно где-то во рву, в Херсонской крепости. Молва оказалась лишеною основания. Ночью 4 июля 1818 года, архиепископ Иов, в присутствии нескольких духовных лиц, подняв церковный пол, проломал свод склепа и, вскрыв гроб, удостоверился в нахождении тела в гробу. В 1859 году пять лиц спустились чрез проломину в склеп, вынули из развалившегося гроба, засыпанного землею, череп и некоторые кости, вложили все это в особый ящик с задвижкой и оставили в склепе. Наконец, в 1873 году Одесское общество истории и древностей решило более точно исследовать состояние могилы Потемкина. Особая ученая комиссия, во главе которой находился Н. Мурзакевич, отправилась в Херсон и 19 августа 1874 года исполнила возложенную на нее задачу. Нашли ящик, в котором лежал череп с выпиленной с задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамирования; на затылке черепа были видны клочки темно-русых [230] волос; кроме того в ящике лежало несколько костей. Далее нашли в склепе части деревянного и свинцового гробов, куски золотого позумента, серебряные гробовые скобы и три шитые канителью орденские звезды первой степени: Андрея, Владимира и Георгия. Нет сомнения, что все это принадлежало могиле светлейшего князя Потемкина-Таврического 56.

Примечания

1 «Сборник Ист. Общ.», XLII. 189-199

2 Петров, II, 245. Напрасно Петров верить в уничтожение галацкого договора в столь резкой форме, что Потемкин будто «разорвал» договор и т. п. См. биографию Репнина у Бантыш-Каменского, «Словарь достоп. людей», 303.

3 См. также письмо Шувалова к Репнину в соч. Петрова, II. 244-245.

4 Энгельгардт, «Записки». 95-96. Ростопчин порицает Репнина за полную зависимость от Потемкина (ses bassesses auprès du prince Potemkin). «Арх. кн. Воронцова», XXVI. 501.

5 «Р. Архив», 1872, стр. 140.

6 «Арх. кн. Воронцова», XX. 23.

7 «Сб. Ист. Общ.», XXIX. 144.

8 «Minerva», 1799, IV. 433.

9 «Minerva», 1799, IV. 429, 1800. IV. 541. См. также статью барона Бюлера в «Древней и новой России», 1875, III. 338.

10 «Р. Архив», 1867, стр. 1553.

11 Энгельгардт, «Записки», 96.

12 «Р. Старина», VI. 414.

13 Из собрания копий писем Потемкина и Попова, сообщенных мне г. Шубинским.

14 «Р. Архив», 1867, 1556.

15 В одной из од Державина Потемкин был назван «Решемыслом». Письмо Бантыш-Каменского в «Р. Архиве» 1876, III. 266.

16 См. письмо Моркова к С. Р. Воронцову в «Арх. кн. Воронцова», XX. 23.

17 Энгельгардт, 97.

18 Энгельгардт, 96.

19 «Р. Архив», 1882, I. 164.

20 «Р. Старина», XIV. 247-248.

21 «Р. Архив», 1881, II. 17-23.

22 «Сб. Ист. Общ.», XXII. 555.

23 «Архив кн. Воронцова», XII. 70-73, 74.

24 «Архив кн. Воронцова», XXV. 467.

25 Из собрания копий писем Потемкина и Попова.

- 26 В письме к Безбородке от 27 же сентября Попов просит прислать для князя морошки, замечая: «Нам весьма приятно было услышать сие желание Его Светлости, ибо оно было первое после жестокой болезни».
- 27 «Р. Архив» 1878. I, 20-22.
- 28 Из собрания копий г. Шубинского.
- 29 В издании этого письма в «Р. Старине», XVII, 852, сказано, что это писано рукою Попова.
- 30 Очевидно, писано рукою графини Браницкой.
- 31 Так «Р. Архив» 1878. I, 25. В «Р. Старине» рукою Потемкина: «Одно спасение уехать».
- 32 «Сб. Ист. Общ.», XLII, 202-204.
- 33 «Р. Архив», 1878, I, 23.
- 34 «Cet homme extraordinaire est mort victime de son caprice... son opiniatreté l'a tué». См. Schlossberger, Prinz Karl v. Württemberg (1770-1791). Stuttgart, 1889.
- 35 «Р. Архив», 1867, стр. 1557 и 1553.
- 36 «Записки», 97.
- 37 «Др. и нов. Россия», 1875. III. 339-340.
- 38 «Зап. Од. Общ.», III. 559-560.
- 39 Воспоминания О.П. Лубяновского в «Русск. Архиве», 1872.105-106.
- 40 Русская Старина (1886), т. LII, стр. 85.
- 41 Грот, Державин I. 454. На месте смерти Потемкина был поставлен памятник, изображение которого приложено к «Вестнику Европы», 1810 г., № 5. Близ каменного столба, воздвигнутого по желанию графини Браницкой, ею же был выстроен домик, в котором жил инвалид. См. также в «Истор. Вестнике» в сентябрьской книжке статью Шубинского, стр. 623 и 627. Живописец Казанова нарисовал сепией картину кончины Потемкина. См. о гравюрах, изображающих эту сцену, в статье барона Бюлера: «Черты из жизни князя Потемкина», в «Др. и нов. России», 1875. III. 340. Там же воспроизведение картины Казанова.
- 42 «Р. Архив», 187. III. 269.
- 43 «Архив кн. Воронцова», XIII. 221-222. В соч «Potemkins Privatleben» (Leipzig und Graz, 1793) сказано, что он умер «in Folge eines vernachlässigten Gallenfiebers».
- 44 «Архив кн. Воронцова», VIII. 37-38. См. также «Minerva», 1799.432. Нелепый рассказ в записках А.М. Тургенева (Р. Старина, 1886) LII. 261-262, будто Зубов («как все утверждают» — !!) дал князю яд и будто банкир Судерланд, обедавший с князем вдвоем в день отъезда, умер от этого же яда — не заслуживает внимания.
- 45 Herrmann, «Ergänzungsband», 106.
- 46 «Архив князя Воронцова», XIII, 213.
- 47 Грот, I, 454-455.
- 48 «Зап. Од. Общ.», III, 563-564.
- 49 «Зап. Од. Общ.» III, 561.
- 50 «Р. Архив», 1876. III, 271.
- 51 «Записки Энгельгардта», 100-105.
- 52 См. речь, сказанную при этом случае викарием феодосийским Моисеем в «Зап. Од. Общ.», IX, стр. 391.
- 53 «Р. Старина», XIV, 262-263.
- 54 См. статью Бороздина: «К характеристике Павла I», в Историческом Вестнике 1888 т., т. XXXII, стр. 654.
- 55 П.С.З., т. XXVI, № 20,017.
- 56 См. «Зап. Од. Общ.», IX, 390-396. Уже прежде вопрос о могиле Потемкина неоднократно бывал исследуем. Особенно замечательна статья Шугурова «Гробница князя Потемкина» в «Русском Архиве» 1867 года, стр. 203-218 и дополнения к этой статье, 1181-1184. — Далее статья И. Андреевского «О месте погребения Потемкина» в «Зап. Од. Общ.» V, 1006-1110. Краткие заметки в «Др. и нов. России» 1875, III, 343; 1877, III. 283 и 1878, III, 80.